

ЭКОНОМИКА **и УПРАВЛЕНИЕ:** научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

*Актуальные проблемы
экономики и общества*

*Региональная экономика.
Финансы*

Менеджмент

Государство: власть и общество

*Социальные процессы.
Образование*

4/2022

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
Башкирский государственный университет,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д.М. Абдрахманов (*председатель совета*),
Н.З. Арабаджийски, Р.Р. Ахунов, М.А. Аюпов,
А.Р. Бахтизин, В.И. Буренко, Д.А. Гайнанов,
А.М. Ганиев, М.Н. Грачев, К.Е. Гришин, О.И. Зазнаев,
И.У. Зулькарнай, Л.Е. Ильичева, А.В. Кынев, Т.Б. Лейберт,
Р.Х. Марданов, Т.А. Махмутов, А.В. Павроз, П.В. Панов,
А.А. Пороховский, А.В. Скиперских, Л.Н. Тимофеева,
К.Б. Толкачев, А.А. Чуганская, А.В. Янгиров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Ф. Латыпов (*главный редактор*),
И.В. Буренина, Л.С. Валинурова,
А.Н. Дегтярев, И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин,
В.В. Еникеев (*заместитель главного редактора*),
Ю.Г. Коргунок, Н.А. Кузьминых, С.Н. Лаврентьев,
Г.Н. Никонова, Д.Р. Орлова, Г.М. Россинская,
Н.З. Солодилова, И.Д. Тургель, О.Ф. Шабров, С.Н. Шкель

Подробнее о членах редакционного совета и редакционной коллегии издания см. здесь:

<https://ekam-journal.com/index.php/ru/redaktsionnaya-komanda/>

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
Министерства образования и науки Российской Федерации

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по экономическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы экономики и общества

А. АХМАДЕЕВ. Важность инноваций для развития российского сельского хозяйства	4
О. КАЗАКОВА, Д. РЯБОВА. К вопросу оценки импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности	9
Ю. ВАСИЛЬЕВА, Д. ГАЛЛЯМОВА. Организационная структура мирового нефтяного рынка	14
А. ШАГЕЕВ, М. ХАЛИКОВА. Анализ тенденции развития сектора возобновляемой энергетики в российских нефтяных компаниях	18
Е. ПРЕСНЯКОВА, Е. ПОТАПЦЕВА. Идентификация высокопроизводительных рабочих мест: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь	25
Э. НУРДАВЛЯТОВА, Д. КАСИМОВА. Малый бизнес: анализ предварительных итогов экономической переписи 2020 г. (часть 2)	34

Региональная экономика. Финансы

М. САЗЫКИНА, Э. МАМЛЕЕВА, Н. ТРОФИМОВА, Г. ШИРЯЕВА. Особая экономическая зона как драйвер производительности труда в регионе	42
Н. ИШМУХАМЕТОВ. Перспективы имплементации ESG-моделей роста геопарков Республики Башкортостан: роль человеческого потенциала	47
Г. ЯПАРОВА-АБДУЛХАЛИКОВА. Инвестиции в основной капитал в анализе социально-экономического развития региона	53
Н. ШИРЯЕВА. Об итогах исполнения бюджета Ульяновской области за 2021 год	58
Р. ЮСУПОВА. Формализованный подход в расчете дотаций регионам	61

Менеджмент

А. КУДАШЕВ. Проектный менеджмент в органах власти: накопленный опыт и проблемы внедрения	68
Г. РОССИНСКАЯ, Е. ФОМИНА, Ю. ХОДКОВСКАЯ. Особенности ценностно-ориентированного управления корпорациями с государственным участием	77
Н. БИКТИМИРОВА, С. АНДРЕЕВА. Стиль лидерства как инструмент эффективной продуктивности организации	81

М. ГАЙФУЛЛИНА, Г. НИЗАМОВА. Формирование ключевых показателей эффективности управления персоналом нефтегазовой компании	85
А. НИКУЛИНА, О. СТОГОВА, О. ГРЕЧИЩЕНКО, В. НИКУЛИН. Повышение эффективности процесса администрирования договорных документов	90

Государство: власть и общество

Л. КОСТРОВЕЦ, Р. ОБОДЕЦ, А. КРЕТОВА. Совершенствование структур управления городских администраций как основа обеспечения качества управления на примере Донецкой Народной Республики	98
Р. ЛАТЫПОВ. RQ (коэффициент политического интеллекта) как фактор карьеры государственного служащего: постановка научной гипотезы	105
Р. КУНАКБАЕВ. Принятие государственных стратегических решений: проблемы и перспективы	109
Г. КАМАЛОВА, Ш. ШАКУРОВА. Онлайн-исследования в современной России: новые стратегии и тактики	113
Г. ИСХАКОВА. Особенности управления социальной сферой на муниципальном уровне	116

Социальные процессы. Образование

Т. ДАУТОВА. Социальные последствия пандемии Ковид-19 (по материалам Республики Башкортостан)	120
Р. АЛЛАГУЛОВ, А. АЛЛАГУЛОВ. Регулирование занятости: некоторые теоретические предпосылки исследования	127
З. ИБРАГИМОВА. Расширение цифровых навыков как фактор снижения риска бедности	132
В. АДЫЛГАРЕЕВ. Институциональные факторы существования бедности	137
В. ТИМИРЬЯНОВА, А. СТОЛЬ. Сравнительная оценка результативности деятельности ведущих университетов Республики Башкортостан	142
О. СИДОРОВА, З. САБИРОВА. Формирование образовательных экосистем в цифровой среде	150
В. ЗОЛОТОВА. Возможности и преимущества построения цифровой экосистемы университета	155

CONTENTS

Actual Problems of Economy and Society

A. AKHMADEEV. The Importance of Innovation for the Development of Russian Agriculture	4
O. KAZAKOVA, D. RYABOVA. On the Issue of Assessing the Import Dependence of the Russian Intellectual Property Market	9
Yu. VASILYEVA, D. GALLYAMOVA. Organizational Structure of the Global Oil Market	14
A. SHAGEEV, M. KHALIKOVA. Analysis of the Trend in the Development of the Renewable Energy Sector in Russian Oil Companies	18
E. PRESNYAKOVA, E. POTAPTSEVA. Identification of Highly Productive Jobs: Experience of the Russian Federation and the Republic of Belarus	25
E. NURDAVLYATOVA, D. KASIMOVA. Small Business: Analysis of the Preliminary Results of the 2020 Economic Census (Part 2)	34

Regional Economy. Finance

M. SAZYKINA, E. MAMLEEVA, N. TROFIMOVA, G. SHIRYAEVA. Special Economic Zone as a Driver of Labor Productivity in the Region	42
N. ISHMUKHAMETOV. Prospects for the Implementation of ESG Growth Models for Geoparks in the Republic of Bashkortostan: the Role of Human Potential	47

G. YAPAROVA-ABDULKHALIKOVA. Investments in fixed Assets in the Analysis of Socio-Economic Development of the Region	53
N. SHIRYAEVA. On the Results of Budget Execution Ulyanovsk Region for 2021	58
R. YUSUPOVA. Formalized Approach to Calculating Subsidies to Regions	61

Management

A. KUDASHEV. Project Management in the Authorities: Accumulated Experience and Problems of Implementation	68
G. ROSSINSKAYA, E. FOMINA, Y. KHODKOVSKAYA. Features of Value-Oriented Management of Corporations with State Participation	77
N. BIKTIMIROVA, S. ANDREEVA. Leadership Style as a Tool for Effective Productivity of the Organization	81
M. GAYFULLINA, G. NIZAMOVA. Formation of Key Performance Indicators of Personnel Management in an Oil and Gas Company	85
A. NIKULINA, O. STOGOVA, O. GRECHISHCHENKO, V. NIKULIN. Improving the Efficiency of Contract Document Administration	90

The State: Power and Society

L. KOSTROVETS, R. OBODETS, A. KRETOVA. Improving the Management Structures of City Administrations as a Basis for Ensuring the Quality of Management on the Example of the Donetsk People's Republic	98
R. LATYPOV. PQ (Political Intelligence Quotient) as a Factor in a Civil Servant's Career: Statement of a Scientific Hypothesis	105
R. KUNAKBAEV. Adoption of State Strategic Decisions: Problems and Prospects	109
G. KAMALOVA, Sh. SHAKUROVA. Online Research in Modern Russia: New Strategies and Tactics	113
G. ISKHAKOVA. Features of Managing the Social Sphere at the Municipal Level	116

Social Processes. Education

T. DAUTOVA. Social Consequences of the Covid-19 Pandemic (based on the Materials of the Republic of Bashkortostan)	120
R. ALLAGULOV, A. ALLAGULOV. Regulation of Employment: Some Theoretical Background of the Research	127
Z. IBRAGIMOVA. Expanding Digital Skills as a Poverty Risk Reduction Factor	132
V. ADYLGAREEV. Institutional Factors for the Existence of Poverty	137
V. TIMIRYANOVA, A. STOL. Comparative Evaluation of the Performance of the Leading Universities of the Republic of Bashkortostan	142
O. SIDOROVA, Z. SABIROVA. Formation of Educational Ecosystems in the Digital Environment	150
V. ZOLOTOVA. Possibilities and Advantages of Building a Digital Ecosystem of the University	155

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Важность инноваций для развития российского сельского хозяйства

The Importance of Innovation for the Development of Russian Agriculture

А. АХМАДЕЕВ

Ахмадеев Амир Муллагалеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: amir.ahmadeev@mail.ru

В настоящее время большая часть новых технологий формируется в ИТ-индустрии, в то время как из-за специфики бизнеса гораздо сложнее внедрять их в реальном секторе. Инновации в сельском хозяйстве благоприятно влияют на рост его производительности, конкурентоспособность продукта на рынке и рост доходов, достигаемых фермерами. В стремлении к достижению высокой динамики возникновения и реализации новых технологий в области сельского хозяйства важное значение играет активная роль государства. Она охватывает поощрение инвестиций в секторе сельскохозяйственного производства и финансирование исследований и разработок в этой области. Это важная тема, поскольку сельское хозяйство в РФ сталкивается с новыми проблемами: изменением климата, пандемией COVID-19 и санкциями в отношении РФ.

Ключевые слова: инновации, развитие сельского хозяйства, инновационная экономика, конкурентоспособность.

Currently, most of the new technologies are being formed in the IT industry, while due to the specifics of the business it is much more difficult to implement them in the real sector. Innovations in agriculture favorably affect productivity growth, product competitiveness in the market and the growth of income achieved by farms. In an effort to achieve high dynamics of the emergence and implementation of new technologies in the field of agriculture, the active role of the state plays an important role. It covers the promotion of investments in the agricultural production sector and the financing of research and development in this area. This is an important topic because agriculture in the Russian Federation is facing new challenges: climate change, the COVID-19 pandemic and sanctions against the Russian Federation.

Keywords: innovation, agricultural development, innovative economy, competitiveness.

Основные положения

1. Необходимость поиска и внедрения современных технологий для развития российского сельского хозяйства.
2. Внедрение инноваций становятся ключевым элементом повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Введение

Развитие инновационной экономики является ключевым вызовом для любого государства, однако Российская Федерация сегодня находится в особом положении. Осуществление экономического роста, основанного на низких затратах на рабочую силу, невозможно поддерживать в долгосрочной перспективе. Чтобы российская экономика продолжала расти и повышать свою конкурентоспособность, необходимо основывать экономическое развитие на современных технологиях производства и инновационных услугах. Необходимость поиска и внедрения современных решений затрагивает каждый экономический сектор, а инновации становятся ключевым элементом в стремлении к повышению эффективности предпринимательской деятельности. В настоящее время большая часть новых технологий формируется в ИТ-индустрии, в то время как из-за специфики бизнеса гораздо сложнее внедрять их в реальном секторе.

Цель статьи – определить взаимосвязь между инновациями в сельском хозяйстве и структурными изменениями в реальном секторе экономики. На основании вышеизложенной исследовательской цели были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы:

1. Регионы с большим количеством ферм показывают преимущество в занятости в высокотехнологичном секторе (подсектор сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство) на фоне всей российской экономики.

2. Государственные расходы, понесенные в области НИОКР в сельском хозяйстве, влияют на количество ферм и уровень занятости в секторе. Источником статистических данных являются базы данных Главного статистического управления, Центрального банка.

Методы

С помощью методов анализа исследуются различные экономические системы инноваций в сельском хозяйстве в условиях экономических санкций, его эволюции.

Результаты

Проанализированы теоретические вопросы, связанные с инновационной деятельностью с/х предприятий. Определена важность инноваций для развития российского сельского хозяйства. Методика исследования включала литературные исследования, а также изучение явлений, наблюдаемых в процессе внедрения инноваций в деятельность сельхозпредприятий в Российской Федерации.

Показано, что инновации в сельском хозяйстве также благоприятно влияют на рост производительности, конкурентоспособность продукта на рынке и рост доходов, достигаемых фермами. Кроме того, они поддерживают устойчивость, принося ряд преимуществ потребителям. Определено, что в стремлении к достижению высокой динамики возникновения и реализации новых технологий в области сельского хозяйства важное значение играет активная роль государства, которая охватывает как поощрение инвестиций в секторе сельскохозяйственного производства, так и финансирование исследований и разработок в области сельскохозяйственных наук и ветеринарии.

1. Теоретические аспекты роста инноваций в российском сельском хозяйстве

В соответствии с определением Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), инновация – это процесс внедрения предприятием совершенно нового или значительно улучшенного продукта, услуги, метода маркетинга, метода организации в деловой практике, организации рабочего места или отношений с внешней средой (ОЭСР, 2005). Инновации, внедряемые в сельскохозяйственном секторе, включают в себя, прежде всего, инициацию производства продуктов с конкретными характеристиками; внедрение новых методов производства, которые улучшают производственный процесс; применение новых решений для снижения негативного воздействия на окружающую среду; модернизацию хозяйственных помещений и использование новейших агротехнических машин [1].

Концепция инновации в контексте технико-экономического развития впервые была определена Шумпетером, который понимал ее как начало производства новых или усовершенствованных продуктов, применение нового метода организации в процессе производства, маркетинга или дистрибуции. Он утверждал, что инновация должна стать началом фундаментальных изменений, которые носят одноразовый и уникальный характер [6, 201].

Адаптация новых технологий является приоритетной задачей, стоящей перед каждым сектором отечественной экономики. Рост инновационности экономики страны положительно коррелирует с конкурентоспособностью региона и значимостью на международной арене. Технологический прогресс в основном связан с ИТ-отраслью, однако создание новых технологий является ключевым элементом развития любого сектора экономики. В контексте проблемы климата и устойчивого развития, решения, о которых говорил Шумпертер, особенно важны в сельскохозяйственном секторе, так как он имеет размер стратегический и сталкивается с рядом проблем, которые традиционно были разделены на три группы:

- экономические (обеспечение продовольственной безопасности, повышение производительности труда, доступность и прибыльность производства пищевых продуктов);
- пространственные (учитываются проверка устойчивости сельских территорий, ЕАЭС и национальная земельная политика, социально-экономические отношения по линии «село – город», или вопросы, связанные с демографическими перемещениями в сельской местности);
- экологические (аспекты, связанные с экологией и вопросами защиты окружающей среды).

В настоящее время, однако, следует отметить также четвертую группу проблем – то, насколько важной задачей является в сельском хозяйстве создание инноваций, которые стали приоритетным аспектом развития анализируемого сектора. Каждое фермерское хозяйство, стремясь достичь максимально возможного положения на рынке, должно систематически внедрять различные инструменты инновационного управления и производства [5].

С концепцией инноваций тесно связаны институты, выстраивающие свою деятельность преимущественно на базе новых технологий. Постоянно создаются трейдеры, обычно называемые стартапами, которые определяют уровень инноваций в любой отрасли. В сельскохозяйственном секторе они особенно многочисленны в Соединенных Штатах и Индии. Эти компании предлагают в основном продукты и услуги по следующим направлениям:

- программное обеспечение для управления фермой;
- автоматизация сельского хозяйства и анализ данных;
- различные виды датчиков, которые улучшают производственные процессы и развитие «точного» сельского хозяйства;
- анализ экономических данных, касающихся содержания животных;
- роботы и дроны для мониторинга сельскохозяйственных культур;
- «умный полив»;
- генетические модификации растений и животных;
- расширение рынков и, в перспективе, новые методы продаж, в первую очередь, с использованием мобильных приложений;
- анализ состава растений и произведенных продуктов, с целью повышения знаний потребителя о питательной ценности продуктов.

В российском сельском хозяйстве стартап-рынок только формируется. Есть несколько компаний, предлагающих инновационные продукты или услуги для ферм. В перспективе вероятно развитие крупногабаритных хозяйств, специализированных и высокотехнологичных, для которых внедрение новых технологий управления хозяйством – это необходимость. Такие хозяйства могут в значительной степени способствовать повышению производительности труда, сокращению расходов или увеличению доходов фермеров.

Для ускорения технологического прогресса в сельском хозяйстве на территории РФ и ЕАЭС разрабатывается система инноваций в сельском хозяйстве.

2. Влияние пандемии на ускорение внедрения инноваций в с/х производство

Пандемия коронавируса ускорила интеграцию цифровых технологий в разные секторы экономики, в том числе и в агропромышленный комплекс. Технологические платформы, интернет вещей, спутниковые технологии, а также блокчейн стали активнее применять как в производстве, так и по всей цепочке с добавленной стоимостью [3].

На 2021 год приходится существенный рост инвестиций в инновации. По сравнению с результатами за прошлый год, уровень использования технологий увеличился более чем на 24 %. На это повлияло сразу несколько факторов: стремление сельхозпроизводителей к повышению производительности, рост конкуренции на внутреннем и внешних рынках, пандемия COVID-19, а также повышение уровня цифровизации [1].

Сегодня сформировалась концепция, которая отклоняется от простой интерпретации инноваций, ориентированной только на исследования и распространение знаний. Инновации понимаются как комплексная сеть кооперативных государственных учреждений, предприятий и, прежде всего, общественных организаций. В программе задействовано большое количество

людей, которым поручено создавать, поддерживать и передавать инновации, а также обращаться к фермерам и передавать им знания о технологических инновациях.

Все мероприятия находятся под опекой государства, которое разрабатывает стратегии развития, оказывает финансовую поддержку исследователям и консультантам, объединенным в различных организациях и учреждениях. Основная цель концепции – укрепить способность адаптировать инновации, как в сельскохозяйственном производстве, так и в маркетинговых вопросах. Получателями являются потенциально все субъекты, которые связаны с сельскохозяйственным производством и маркетингом сельскохозяйственной продукции. В результате реализации предпосылок должны быть созданы инновационные решения (как технологические, так и институциональные), улучшающие производственные процессы в сельском хозяйстве (Spielman & Birner, 2008). Проблемы развития инноваций в области сельского хозяйства, лесного хозяйства и продовольствия рассматриваются также в рамках «Развития промышленного сотрудничества в отрасли производства машин и оборудования для сельского хозяйства» [7].

Несмотря на то, что расходы на исследования и разработки в области сельскохозяйственных наук показывают тенденцию к росту, особенно начиная с 2010 года, сопоставление доли этих расходов в общих расходах на исследования и разработки по-прежнему показывает низкий уровень инвестиций в области сельскохозяйственных наук.

В последние годы можно увидеть увеличение общих расходов на НИОКР, что также приводит к увеличению расходов в области сельского хозяйства. Тем не менее, процентная доля расходов на НИОКР в области сельского хозяйства в общих расходах на НИОКР снижается, что приводит к передаче большего количества финансовых средств другим подсекторам.

Это отрицательно влияет на развитие знаний и инноваций в сельском хозяйстве. Из-за медленного роста финансовых поступлений был усечен объем исследований в области наук, связанных с сельским хозяйством, по сравнению с остальными областями науки, что ограничивает интенсивность и скорость развития современных технологий, воздействующих на ведение сельскохозяйственной деятельности.

3. Анализ занятости высокотехнологичного сектора в области сельского хозяйства на фоне структурных изменений в сельском хозяйстве

Технологическое развитие в сельскохозяйственном секторе влияет на количество людей, занятых на фермах. Из года в год количество работающих в фермерских хозяйствах снижается, что связано с растущей технизацией сельского хозяйства.

В последние годы занятость сельских жителей в сельском хозяйстве падает очень быстро: если еще в 2006 году более 45 % из них работало в АПК, то уже в 2018 году в сельском, лесном и рыбном хозяйстве было занято не более 4,2 млн чел., то есть всего 28,3 %. [4].

Наибольшее снижение численности людей, работающих в сельском хозяйстве, произошло в 2005–2014 годах. Расходы на НИОКР в сельском хозяйстве являются одним из многих факторов, которые влияют на количество людей, занятых на фермах. Растущие расходы на НИОКР в области сельскохозяйственных и ветеринарных наук выражаются в росте механизации и информатизации сельского хозяйства, химизации, инновационных технологиях производства или улучшении организации и управления в фермерских хозяйствах.

По мере увеличения расходов на НИОКР в сельском хозяйстве доля занятых на фермах в общем количестве работающих людей уменьшается. Снижение численности занятых в сельском хозяйстве имеет многогранный характер.

Этот процесс является результатом роста степени технизации сельского хозяйства, появлением новых решений, связанных с управлением сельским хозяйством и применением инновационных методов, используемых при организации, в том числе упрощении производственного процесса. Кроме того, определяющими факторами уменьшения числа людей, работающих на фермах, являются происходящие изменения в аграрной структуре, а также изменения на рынке труда [2].

Технологический прогресс в сельском хозяйстве также влияет на численность фермерских хозяйств. Большая механизация и инновации в сельском хозяйстве влияют на развитие

узкоспециализированных и крупномасштабных фермерских хозяйств. Это способствует выкупу земли фермерами, внедряющими инновационные производственные процессы, у тех, кто управляет фермами с низкой финансовой выгодой.

Обсуждение

Важную роль в создании инновационного потенциала в сельском хозяйстве играет человеческий капитал, занятый в высокотехнологичном секторе, ищущий новые решения для улучшения производственных процессов на фермах. Мы видим большие различия в участии людей, работающих в отдельных подсекторах области новых технологий на территории России.

Важным аспектом применения инновационных решений в ведении фермерских хозяйств является стремление фермеров усвоить новые знания и реализовать изученные возможности на практике. Однако в большинстве случаев внесение значительных изменений и новизны вызывает неприязнь среди тех, кто ведет сельскохозяйственную деятельность [2].

Деятельность учреждений по передаче знаний, связанных с инновациями в сельском хозяйстве, возможно, недостаточна из-за отсутствия хорошо функционирующей системы сельскохозяйственных знаний и инноваций на национальном уровне. Финансовых средств, направляемых на научные исследования в области сельского хозяйства, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую передачу знаний от научных организаций в аграрный сектор. Процесс адаптации и, как следствие, последствия внедрения инновационных решений в сельском хозяйстве, влияющие на структурные изменения, в силу специфики сектора, вероятно, будут проявляться в долгосрочной перспективе.

Заключение

В эпоху неустанного технологического прогресса и развития основанной на инновациях экономики сельскохозяйственный сектор сталкивается с многочисленными проблемами. Сельское хозяйство – это область, где процесс разработки и внедрения инновационных производственных и организационных решений сталкивается со многими препятствиями. В рамках структуры ЕАЭС, а также непосредственно в РФ создаются учреждения, задачей которых является создание инновационных решений, относящихся непосредственно к сельскохозяйственному сектору и передача знаний о новейших технологиях фермерам. Развитие новых технологий в аграрном секторе финансируется за счет расходов на НИОКР в области сельского хозяйства.

В период с 1996 по 2020 год процентная доля расходов в области НИОКР в сельском хозяйстве в общих расходах на НИОКР показала тенденцию к снижению.

В настоящее время Россия заметно отстает от стран, лидирующих в сфере исследований и разработок. Об этом свидетельствует и анализ расходов на НИОКР в сравнении с аналогичными инвестициями стран – лидеров инновационного развития [5].

Проведенный анализ показывает, что расходы на НИОКР в сельском хозяйстве влияют на количество людей, занятых в этом секторе, что приводит к сокращению числа тех, кто работает на фермах. Кроме того, аналогичная взаимосвязь существует между объемом средств, направленных на инновации в области сельского хозяйства, и количеством функционирующих фермерских хозяйств. Следует также подчеркнуть, что процесс адаптации инноваций в реальный сектор занимает длительное время, однако и эффекты от внедрения инновационных решений, которые влияют на структурные изменения, в силу особенностей сектора, вероятно, также будут сказываться в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Бельдюшкин К. Инновации в сельском хозяйстве: чему стоит уделить особое внимание [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/column/konstantin-beldyushkin/36080-innovatsii-v-selskom-khozyaystve-chemu-stoit-udelit-osoboe-vnimanie/>

2. Богачев А.И. Инновационная деятельность в сельском хозяйстве России: современные тенденции и вызовы // Вестник НГИЭИ. 2019. № 5 [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-deyatelnost-v-selskom-hozyai-stve-rossii-sovremennyye-tendentsii-i-vyzovy>

3. В ЕАЭС намерены развивать технологическое сельское хозяйство [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/v-eaes-namereny-razvivat-tehnologicheskoe-selskoe-hozyajstvo/>

4. Дашковский И. Один в поле. Количество людей, занятых в сельском хозяйстве, будет сокращаться [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/30401-odin-v-pole/>

5. Ильина И.Е., Жарова Е.Н. Научоемкость предпринимательского сектора в России: анализ и предложения по развитию // Регионоведение, 2020. Т. 28. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naukoemkost-predprinimatelskogo-sektora-v-rossii-analiz-i-predlozheniya-po-razvitiyu>

6. Крылова М.В., Сулова Ю.Ю., Волошин А.В. Эволюция теоретических подходов к определению сущности инноваций и инновационного развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 6-2. С. 199–206.

7. Развитие промышленного сотрудничества в отрасли производства машин и оборудования для сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/rgom_i_agroprogrom/dep_progrom/Pages/Приоритетные%20виды%20экономической%20деятельности/Перечень%20отраслей/shtech.aspx

DOI: [10.34773/EU.2022.4.2](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.2)

К вопросу оценки импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности

On the Issue of Assessing the Import Dependence of the Russian Intellectual Property Market

О. КАЗАКОВА, Д. РЯБОВА

КазакOVA Оксана Борисовна, д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: kazakovaohana@mail.ru

Рябова Дарья Александровна, магистрант кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ. E-mail: bariunchloride@gmail.com

В статье осуществлена оценка степени импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности на основе адаптации имеющихся подходов с учетом особенностей рынка и товаров, обращающихся на этом рынке. Проведен анализ отдельных показателей развития рынка интеллектуальной собственности, подтверждающий выводы о наличии импортозависимости. Определены направления совершенствования подходов к оценке уровня импортозависимости отечественного рынка интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: импортозависимость, рынок интеллектуальной собственности, оценка импортозависимости.

The article assesses the degree of import dependence of the Russian intellectual property market based on the adaptation of existing approaches, taking into account the characteristics of the market and goods traded in this market. The analysis of individual indicators of the development of the intellectual property market is carried out, confirming the conclusions about the presence of import dependence. The directions of improving approaches to assessing the level of import dependence of the intellectual property market are determined.

Key words: import dependence, intellectual property market, assessment of import dependence.

Основные положения

1. Рынок интеллектуальной собственности характеризуется специфическими особенностями, что определяет особую природу обращения товаров на нем и требует адаптации существующих подходов к оценке импортозависимости.
2. Результаты оценки импортозависимости подтвердили ее наличие и позволили сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования имеющейся методической базы для комплексного отражения импортозависимости в разрезе отдельных сегментов российского рынка интеллектуальной собственности.

Введение

Благодаря развитию технологий, интеллектуальная собственность приобретает новый масштаб и значимость. Сами объекты интеллектуальной собственности все чаще выступают в качестве обособленного товара, который реализуется на рынке интеллектуальной собственности в виде произведений науки, промышленных образцов и разработок, товарных знаков, патентов и лицензий, иных прав на интеллектуальную собственность. За последнее десятилетие в мире в обращение введено более одного миллиарда запатентованных объектов [2]. Темпы развития рынка интеллектуальной собственности значительно превышают темпы развития материальных рынков. При этом следует отметить неоднородность развития рынка интеллектуальной собственности в мире: РФ занимала в 2020 г. 8 место по количеству патентных заявок на изобретения (34 984 заявки), более чем в 40 раз уступая КНР, мировому лидеру по количеству патентных заявок на изобретения (1 497 159 заявок) и более чем в 17 раз – США, занимавшим второе место с 597 172 патентными заявками на изобретения [2].

Несмотря на усиление интеграционных процессов, вопрос снижения импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности является крайне актуальным, поскольку обладание правами на объекты интеллектуальной собственности позволяет значительно преуспеть в области технологического развития. В связи с этим встает вопрос оценки импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности.

Методы

В рамках проведенного исследования были использованы методы статистического анализа, экономического анализа, моделирования, подход к оценке, основанный на расчете интегрального показателя, предложенного российским правительством в рамках работы Правительственной комиссии по импортозамещению [5], а также усовершенствованный Апокиным А.Ю., Гнидченко А.А., Сабельниковой Е.М. подход Хаусманна-Клингера, где ключевым показателем является аналог индекса Балласы по импорту [1].

Информационно-эмпирическая база исследования сформирована на основе материалов федеральных органов государственного статистического учета Российской Федерации и международных статистических центров, Всемирной организации интеллектуальной собственности, а также Федеральной службы РФ по интеллектуальной собственности, Института статистических исследований и экономики знаний, открытых данных федеральных органов власти, материалов российских и зарубежных исследовательских центров в области оценки объектов интеллектуальной собственности и импортозамещения.

Результаты

Рассматривая вопросы импортозависимости и импортозамещения ученые используют различные подходы и модели [1, 5], однако не все из них могут быть применены для исследования процессов на рынке интеллектуальной собственности в связи со специфическими особенностями как самого рынка, так и обращающихся на этом рынке товаров. Эти особенности определяются тем, что на рынке торгуются права на объекты интеллектуальной собственности, а это означает возможность совершения продавцом сделки более чем с одним покупателем. Исключительность торгуемых прав выступает важным источником формирования конкурентных

преимуществ хозяйствующих субъектов, а «спрос на объекты интеллектуальной собственности формируется в зависимости от спроса на товары и услуги, произведенные с их участием» [4].

Учитывая это, в качестве базовой основы оценки возможностей импортозамещения на рынке интеллектуальной собственности представляется целесообразным использование двух моделей, применяемых для оценки потенциала импортозамещения материальных объектов и скорректированных с учетом параметров функционирования рынка интеллектуальной собственности.

Первая модель, опирающаяся на подход, предложенный Правительственной комиссией по импортозамещению, основана на определении интегрального показателя импортозависимости [5]. Коэффициент импортозависимости (K_z) основывается на оценке долей иностранных заявителей на регистрацию интеллектуальной собственности в общем объеме заявок:

$$K_z = \sum_{i=1}^n (a_i * K_i) + \sum_{j=1}^n (a_j * K_j)$$

где K_i – доля иностранных заявителей на право регистрации интеллектуальной собственности по i -той категории объектов интеллектуальной собственности в общем объеме патентных заявок по этой категории;

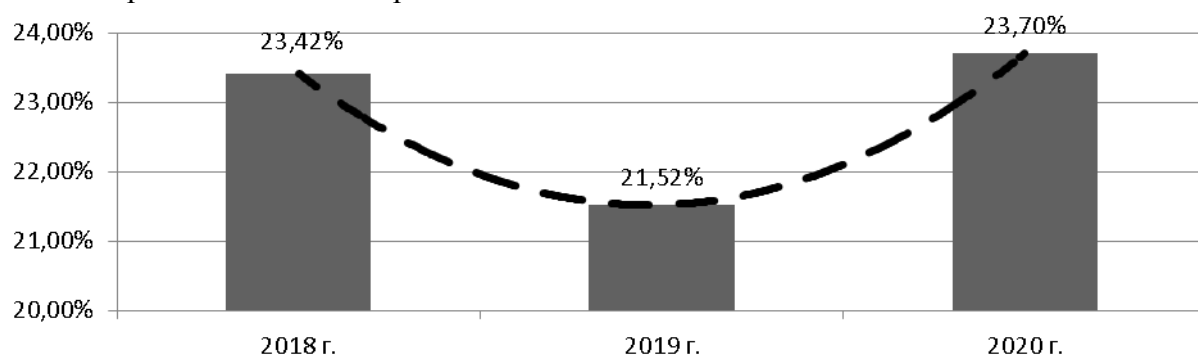
K_j – доля заявителей, подавших заявки по международной процедуре в рамках Мадридского соглашения на право регистрации интеллектуальной собственности по j -той категории объектов интеллектуальной собственности в общем объеме патентных заявок по этой категории;

a_i, a_j – «весовые коэффициенты влияния показателей на формирование значения интегрального показателя» [5].

Значения весовых коэффициентов a_i, a_j представляется целесообразным определять на основе метода попарных сравнений. В результате были определены значения весовых коэффициентов, которые по заявкам на изобретения, полезные модели, промышленные образцы составляют 0,25, по заявкам на товарные знаки и знаки обслуживания, наименование мест происхождения товаров, программы для ЭВМ, базы данных, топологии ИМС – 0,05.

В рамках исследования была осуществлена апробация на основе общедоступной статистической информации Роспатента за 2018-2020 гг. Анализ данных в разрезе каждой из категорий показал, что значительную долю заявок от иностранных заявителей (более 30 %) составляют заявки на изобретения и промышленные образцы, более 90% – заявки отечественных заявителей на наименование мест происхождения товаров, программы для ЭВМ, базы данных, топологии ИМС.

Результаты расчета интегрального показателя, представленные на рисунке, показали, что более пятой части заявок подаются иностранными заявителями, что свидетельствует о среднем уровне импортозависимости на рынке.

Динамика интегрального показателя импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности

* Рассчитано по данным Роспатента [3].

Важно отметить, что, по данным Аналитического центра ФИПС, с 2018 г. количество заявок на изобретения упало на 18,28 % (с 37 957 заявок в 2018 г. до 30 977 заявок в 2021 г. [6]), при этом доля иностранных заявителей в общем количестве заявок по этой категории выросла с 34,33 % до 36,82 %. Количество заявок на полезные модели за этот период тоже сократилось, но не столь значительно – общее снижение составило 6,85 %, при этом доля иностранных заявителей в общем количестве заявок на полезные модели сократилась более чем в 2 раза, с 4,98 % до 2,27 %. В целом существенного изменения уровня импортозависимости не наблюдается.

Вторая модель оценки импортозависимости основывается на усовершенствованном Апокиным А.Ю., Гнидченко А.А., Сабельниковой Е.М. подходе Хаусманна-Клингера и связана с использованием индекса Балласы по импорту, указывающим на уровень импортозависимости страны в разрезе каждой категории объектов интеллектуальной собственности [1].

Ограниченность доступной информации по категориям объектов интеллектуальной собственности обусловила необходимость определения уровня импортозависимости, исходя из следующих соображений. В связи с тем, что регистрация иностранными заявителями своей интеллектуальной собственности на территории определенной страны подразумевает защиту прав на объекты интеллектуальной собственности при дальнейшей их реализации на территории страны, где данный объект был зарегистрирован, стоит принять во внимание суждение о том, что соотношение заявок, поданных иностранными заявителями, будет отражать ту долю участия объектов иностранной интеллектуальной собственности, импорт которых происходил в страну.

Учитывая это, уровень импортозависимости может быть определен как соотношение между долей иностранных заявителей в общем количестве патентных заявок и долей импорта в общем объеме потребления в стране. Использовать такую модель возможно как для каждой категории объектов интеллектуальной собственности, так и для рынка интеллектуальной собственности в целом.

Апробация модели на данных за 2018-2020 гг. показала значительное превышение (в 5,47 раз в 2018 г и 4,72 раза в 2020 г.) доли иностранных заявителей в общем количестве патентных заявок над долей импорта в общем объеме потребления в стране. В целом это свидетельствует о повышенном уровне импортозависимости на рынке интеллектуальной собственности, при этом темпы снижения (около 7%) позволяют сделать вывод о некотором ослаблении этой зависимости.

Обсуждение

Сравнительный анализ расчетных и статистических данных за 2018–2021 гг. позволяет сделать вывод об отсутствии нисходящего тренда, характеризующего импортозависимость российского рынка интеллектуальной собственности. В целом по результатам расчетов можно констатировать умеренный уровень импортозависимости.

Вместе с тем следует отметить, что проведенный анализ опирался исключительно на информацию о количестве поданных и зарегистрированных заявок, не учитывая степень их дальнейшего вовлечения в хозяйственный оборот, а полученные результаты не учитывали наблюдаемых диспропорций в развитии рынка интеллектуальной собственности по видам деятельности. Так, по данным Яндекс.Патент, на июнь 2022 г. крупнейшие по выручке компании России обладают правами на следующее количество объектов интеллектуальной собственности: ПАО «Газпром» владеет правами на 2708 объектов, «Роснефть» – на 335 объектов, «ЛУКОЙЛу» (в том числе с ООО «РИТЭК») принадлежат 594 + 115 патентов, ПАО «Сбербанк России» – 99 объектов, ОАО «Российские железные дороги» – 198 объектов. Столь существенная дифференциация определяет необходимость детализированного рассмотрения вопросов оценки импортозависимости с учетом особенностей сегментов рынка.

Аналитический центр ФИПС отмечает рост (в 1,54 раза за период 2018-2021 гг.) использования объектов интеллектуальной собственности: количество используемых объектов интеллектуальной собственности выросло с 43 916 шт. в 2018 г. до 67 694 шт. в 2021 г. [7]. При этом наиболее активно в период с 2019 г. по 2021 г. стали использоваться секреты производства

(ноу-хау) – в 2,1 раза увеличилось количество используемых объектов интеллектуальной собственности, базы данных (рост в 1,6 раза), селекционные достижения (рост в 1,82 раза), программы для ЭВМ (рост в 1,45 раза).

Наибольшая активность в использовании объектов интеллектуальной собственности в 2021 г. отмечалась в таких видах экономической деятельности, как научные исследования и разработки (17 509 шт.), образование (10 583 шт.) и деятельность органов государственного управления по обеспечению военной безопасности и обязательному социальному обеспечению (4 876 шт.) [7]. Такое распределение объясняется, с одной стороны, активным использованием форм удаленной работы и внедрением цифровых инструментов в различных сферах деятельности, а с другой – общим трендом на использование интеллектуальной составляющей в производственно-хозяйственной деятельности.

Значительную импортозависимость российский рынок интеллектуальной собственности демонстрирует в сегменте программного обеспечения: «доля отечественных программных продуктов от всего ПО, которое используется в госсекторе и государственных корпорациях, составляет около 30%» [8].

Следует отметить, что среди используемых объектов интеллектуальной собственности в период 2018-2021 гг. значительную часть занимали объекты иностранного происхождения или разработанные на базе объектов иностранного происхождения. Санкционные режимы, изменения в геополитической обстановке показали высокую степень влияния подобных объектов на общий уровень импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности.

Заключение

Таким образом, исходя из полученных данных и приведенных заключений, можно сделать вывод об умеренной импортозависимости российского рынка интеллектуальной собственности. Использование адаптированных моделей показало необходимость их дальнейшего совершенствования в следующих направлениях:

- 1) включение в анализ и оценку не только показателей, характеризующих предложение на рынке интеллектуальной собственности, но и факторов формирования спроса;
- 2) учет импортозависимости в разрезе отдельных видов деятельности и категорий объектов интеллектуальной собственности, что позволит не только подтвердить высокий уровень диспропорций в развитии рынка интеллектуальной собственности, но и сформировать единую ландшафтную картину импортозависимости.

Литература

1. Апокин А.Ю., Гнидченко А.А., Сабельникова Е.М. Потенциал импортозамещения и выгоды от экономической интеграции: дезагрегированные оценки // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 44–71. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-importozamesheniya-i-vygody-ot-ekonomicheskoy-integratsii-dezagregirovannye-otsenki>
2. ВОИС: ИС в фактах и цифрах 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-943-2021-ru-wipo-ip-facts-and-figures-2021.pdf>
3. Отчет о деятельности Роспатента за 2020 год // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2020-ru.pdf>
4. Пестунов М.А. Прогнозирование спроса и предложения объектов интеллектуальной собственности // Экономический анализ: теория и практика. 2005. № 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-sprosa-i-predlozheniya-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti>
5. Распоряжение Министерства экономического развития РФ от 11 августа 2016 г. № 219Р-АУ «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке корпоративных планов импортозамещения государственными корпорациями, государственными компаниями,

акционерными обществами, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации превышает 50 процентов, организациями, реализующими инвестиционные проекты, включенные в реестр инвестиционных проектов в соответствии с решением Правительственной комиссии по импортозамещению» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71366992/#review>

6. Суконкин А.В., Иванова М.Г., Александрова А.В., Анисеева М.Ю., Александров Ю.Д., Евстратова А.С., Завгородняя Ю.В. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2021: коэффициент изобретательской активности в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/iz-akt-2021.pdf>

7. Уляшина С.Ю., Славин Я.А., Суконкин А.В., Иванова М.Г., Александрова А.В., Власов А.Д., Бабикина О.И. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2021: использование результатов интеллектуальной деятельности в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/ois-2021.pdf>

8. Шувалова М. Импортозамещение в сфере ИТ // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/article/1542142/>

DOI: 10.34773/EU.2022.4.3

Организационная структура мирового нефтяного рынка

Organizational Structure of the Global Oil Market

Ю. ВАСИЛЬЕВА, Д. ГАЛЛЯМОВА

Васильева Юлия Павловна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и стратегическое развитие» Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: vasilevajulia@bk.ru

Галлямова Диляра Айратовна, магистрант УГНТУ. Email: dilyara997@yandex.ru

В статье рассматривается развитие мирового рынка нефти, которое определяется нефтедобывающими компаниями. Также были проанализированы позиции российских компаний на мировом рынке; проведены расчеты экономических показателей, которые показывают степень конкуренции производителей и коэффициент рыночной концентрации.

Ключевые слова: мировой нефтяной рынок, конкуренция, транснациональные компании, рыночная концентрация.

The article examines the development of the world oil market, which is determined by oil producing companies, and the positions of Russian companies in the world market were also analyzed. Calculations of economic indicators were carried out, which show the degree of competition between producers and market concentration coefficient.

Keywords: global oil market, competition, multinational companies, market concentration.

Основные положения

1. Развитие мирового рынка нефти и нефтепродуктов определяется крупнейшими производителями.
2. Организационная структура мирового рынка нефти носит олигополистический характер.

Введение

Основными факторами, определяющими структуру сырьевого рынка, являются спрос, предложение, размещение сырьевых баз, уровень конкуренции на мировом рынке и легкость проникновения на рынок. Если рынок конкурентный, то цена на нем устанавливается в процессе

взаимодействия спроса и предложения, если же рынок монополизированный или находится под контролем государства – на ценообразование влияют нерыночные силы [1].

Методы

В процессе исследования авторами были применены методы экономического анализа, синтеза экономической информации, метод сравнительного анализа.

Результаты

На мировом нефтяном рынке ведущие страны-участницы преследуют стратегическую цель, связанную с экономическим развитием. Взаимоотношения различных участников рынка и уровень конкуренции оказывают влияние на волатильность нефтяных цен [2, 6, 7]. Для определения организационной структуры мирового нефтяного рынка проанализируем уровень конкуренции на данном рынке.

На сегодняшний день мировыми лидерами в нефтегазовой отрасли являются компании, представленные в таблице 1. Рейтинг приведен, исходя из рыночной капитализации компаний на начало декабря 2021 г. Данные для анализа получены при помощи глобального информационно-аналитического портала Investing.com и переведены в млрд долларов [5]. Все ТНК, представленные в данном списке, имеют сильный менеджмент и цифровой маркетинг, который обеспечивает их целевыми потребителями.

Таблица 1

Конкурентоспособность мировых нефтеперерабатывающих компаний

Компания	Страна	Рыночная капитализация, млрд \$ США	Изменение курса акций за год, %	Доход компании за последний год, млрд \$ США	Объем продаж 2020 г., млрд \$ США	Объем продаж в 2019 г., млрд \$ США
1. Saudi Aramco	Саудовская Аравия	7030,00	-1,96	1300,00	229,81	329,69
2. ПАО «НК «Роснефть»	Россия	5600,00	28,62	7740,00	77,19	117,49
3. ПАО «НК «ЛУКОЙЛ»	Россия	4390,0	30,90	8200,00	76,37	106,19
4. ПАО «Газпром нефть»	Россия	2480,00	62,00	2710,00	27,08	33,65
5. China Petrochemical Corporation	Китай	445,54	-0,83	3820,00	9,69	13,86
6. Exxon Mobil Corporation	США	259.433	53,43	241,1	178,57	255,54
7. Chevron Corp.	США	221,95	28,12	134,86	94,47	140,16
8. Royal Dutch Shell	Нидерланды, Великобритания	169,03	20,56	220,21	180,54	255,58
9. Petro China	Китай	141,37	38,64	373,53	304,33	396,07
10. Total Energies	Франция	125,82	9,77	161,68	119,70	176,25

В топ-10 мировых нефтяных ТНК входят и отечественные компании (таблица 1), среди которых лидирует ПАО «НК «Роснефть»». Она является крупнейшей в мире по объемам добычи среди публичных компаний с листингом на западных фондовых биржах. 40 % акций компании принадлежат АО «РОСНЕФТЕГАЗ», на 100 % принадлежащему государству [9].

Другая отечественная компания, ПАО НК «ЛУКОЙЛ», в 2019 году занимала 10 место по уровню рыночной капитализации, а сегодня является одним из лидеров, несмотря на эпидемиологическую обстановку, вызвавшую мировое сокращение потребления углеводородов в последние два года. Компания работает на 4 континентах и более чем в 30 странах мира, т.е. она географически диверсифицирована, что обеспечивает ей надежность и эффективность [6]. Только в Европе «ЛУКОЙЛ» присутствует в 16 странах, причем в некоторых из них компания имеет свои НПЗ. Например, в Нидерландах компания владеет 45%-ной долей НПЗ ZeelandRefinery [8]. ПАО «Газпром нефть» заняла 9 место по объему продаж в 2020 г., опережая китайскую компанию Sinopec. На сегодняшний день компания активно ведет второй этап масштабной модернизации НПЗ, целью которого является увеличение глубины переработки до 95% и объема выхода светлых нефтепродуктов [3].

Был проведен объединенный SWOT-анализ описанных выше трех российских нефтяных ТНК, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2

SWOT-анализ отечественных нефтяных ТНК ПАО «НК «Роснефть»», ПАО «НК «ЛУКОЙЛ» и ПАО «Газпром нефть»

Сильные стороны		Слабые стороны	
Рейтинг	Параметр	Рейтинг	Параметр
1	Высокий уровень менеджмента в области реализации проектов разного уровня и значения [4]	1	Высокие затраты на производство и реализацию продукции
2	Собственная сеть сбыта и широкий ассортимент продукции	2	Подверженность политическим рискам со стороны разных государств
3	Большой опыт работы с партнерами за рубежом	3	–
4	Лидирующие позиции по добыче нефти и переработки на отечественном и мировом рынке	4	–
Возможности		Угрозы	
Рейтинг	Параметр	Рейтинг	Параметр
1	Разработка больших и богатых месторождений на территории Восточной Сибири, что обеспечивает налоговые льготы	1	Политическая ситуация в мире
2	Налаживание долгосрочных доверительных отношений со странами-потребителями	2	Государственный контроль
3	Увеличение объема реализации продукции через собственные сети сбыта конечному потребителю	3	Конкуренция внутри страны и на мировой арене
4	Производство и реализация конечного продукта, а не сырья (сжиженный газ, метан, продукты переработки битума)	4	Появление более выгодных аналогов выпускаемой продукции

Так, три российские нефтяные ТНК объединяют угрозы, связанные в первую очередь с эпидемиологической ситуацией в мире, внешней политикой государств, обменным курсом валют. Они имеют лидирующие позиции по добыче и переработке нефти на отечественном и мировом рынке, конкурируют между собой.

Объединенный SWOT-анализ трех российских нефтяных ТНК продемонстрировал, что компании имеют прочные позиции на мировом рынке. Главными проблемами для них являются внешние политические факторы.

Рассчитаем показатели рыночной концентрации для 5 из 10 самых крупных нефтяных компаний, которые обладают большими, по сравнению с конкурентами, объемами продаж и, следовательно, большими долями на рынке – Petro China, Saudi Aramco, Royal Dutch Shell, Exxon Mobil Corporation и Total Energies. Для начала определим коэффициент рыночной концентрации:

$$CR_5 = 0,2345 + 0,1771 + 0,1391 + 0,1376 + 0,0922 = 0,7805 \text{ или } 78 \%$$

Коэффициент рыночной концентрации CR_5 составляет 78 % и $70 \% < CR_5 < 100 \%$, следовательно, тип рынка – высококонцентрированный.

Рассчитаем индекс Херфиндаля-Хиршмана для этих компаний:

$$HHI = S_1^2 + S_2^2 + S_3^2 + S_4^2 + S_5^2 = 23,45^2 + 71,71^2 + 13,91^2 + 13,76^2 + 9,22^2 = 1331,46$$

Рассчитаем индекс Херфиндаля-Хиршмана для десяти крупных ТНК:

$$HHI = \sum(S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_{10}^2) = 23,45^2 + 71,71^2 + 13,91^2 + 13,76^2 + 9,22^2 + 7,28^2 + 5,95^2 + 5,88^2 + 2,09^2 + 0,75^2 = 1459,37$$

Индекс Херфиндаля-Хиршмана принимает значение $1000 < HHI < 1800$, что говорит о средней концентрации фирм на рынке.

Рассчитаем амплитуду колебаний долей рынка для десяти компаний:

$$A_3 = 0,5 \sum(|(Y_{12020} - Y_{12019})| + |(Y_{22020} - Y_{22019})| + \dots + |(Y_{102020} - Y_{102019})|) = 0,5 * (0,0174 + 0,0049 + 0,0044 + 0,0040 + 0,0036 + 0,0025 + 0,0024 + 0,0010 + 0,0006 + 0,0001) = 0,02045 \text{ или } 2,05 \%$$

В соответствии с рассчитанным значением перераспределения долей рынка между данными компаниями практически не произошло.

Обсуждение

Исследованию факторов, определяющих эволюцию, современное состояние и перспективы развития мирового рынка нефти, посвящены труды российских и зарубежных ученых. Так, отечественные экономисты Голованова А.Е. и Конопляник А.А. рассматривают эволюцию ценообразования на мировом рынке нефти; Добашина И.В. и Миркина Я.М. выделяют в ценовом механизме факторы, формирующие цену на нефть; Иванищев А.В. рассматривает цикличность в нефтяном ценообразовании и т.д. Из публикаций зарубежных специалистов можно выделить научные труды Хендерсона Д., Симола Х., Соланко Л. и др. Большинство современных ученых исследуют динамику, причины и последствия нефтяных цен. Однако проблема структуры нефтяного рынка на сегодня является недостаточно изученной, что и предопределило выбор направления исследования.

Заключение

Проведенные расчеты показали, что мировой рынок нефти имеет ярко выраженный олигополистический характер. Крупнейшие мировые нефтегазовые компании, занимающиеся нефтедобычей, переработкой, транспортировкой и сбытом нефтепродуктов, оказывают существенное влияние на развитие мирового топливно-энергетического комплекса. Некоторые из этих компаний владеют на рынке большими долями, что создает препятствия для развития конкурентной предпринимательской среды в нефтегазовом секторе экономики и для выхода на рынок новых компаний.

Литература

1. Васильева Ю.П., Карачурина Г.Г. Экономический рост и его влияние на спрос на нефть // «НАУКА | RASTUDENT.RU»: Электронный научный журнал. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://oaji.net/articles/2014/594-1394541079.pdf>
2. Васильева Ю.П., Тихонова Р.И. Энергетические ресурсы и экономическое развитие России // Нефтегазовое дело: электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 246–264.
3. Газпромнефть / Официальный сайт компании ПАО «Газпром нефть» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/>
4. Гайсина А.В., Суяндукоева А.А. Кадровый потенциал нефтяных компаний как основа экономического роста страны // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11. С. 328–329.
5. Investing.com – котировки и финансовые новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.investing.com/?ref=www>
6. Копылов П.А. Развитие регионов мира – лидеров в нефтедобывающей индустрии // Вестник экономики и менеджмента. 2022. № 1. С. 12–20.
7. Мусина Д.Р. Оценка влияния нефтяных доходов на уровень благосостояния стран – нетто-экспортеров нефти // Вестник экономики и менеджмента. 2020. № 1. С. 11–18.
8. ЛУКОЙЛ / Официальный сайт компании «ЛУКОЙЛ» [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/>
9. Роснефть / Официальный сайт компании «ПАО «НК «Роснефть»» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosneft.ru/>

DOI: 10.34773/EU.2022.4.4

Анализ тенденции развития сектора возобновляемой энергетики в российских нефтяных компаниях

Analysis of the Trend in the Development of the Renewable Energy Sector in Russian Oil Companies

А. ШАГЕЕВ, М. ХАЛИКОВА

Шагеев Арсен Эдуардович, экономист ООО ТК «Армада». E-mail: arsenshag@mail.ru

Халикова Мамдуда Абдулхаевна, канд. экон. наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: khalikova-dm@yandex.ru

В статье авторами проведен обзор текущего состояния рынка потребления энергии в России и в мире и проанализирована доля возобновляемой энергетики в них. Рассмотрены возможные сценарии дальнейшего развития энергетических рынков и перспективы применения возобновляемых источников энергии нефтяными компаниями в условиях трансформации энергетического рынка.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, солнечная энергия, энергия ветра, структура потребления энергии.

In the article, the authors reviewed the current state of the energy consumption market in Russia and in the world and analyzed the share of renewable energy in them. Further possible scenarios for the development of energy markets and the prospects for the use of renewable energy sources by oil companies in the context of the transformation of the energy market are considered.

Key words: renewable energy, solar energy, wind energy, energy consumption structure.

Введение

Существующая конъюнктура энергетического рынка ставит перед нефтяной отраслью всего мира ряд новых задач. Изменение общемирового спроса на нефть, обеспокоенность мирового сообщества экологическими проблемами, связанными с деятельностью нефтегазового комплекса, структурные изменения энергопотребления, внешнеэкономические и политические конфликты – все это диктует новые условия ведения бизнеса для всех участников рынка.

В таких условиях нефтегазовым компаниям приходится перестраиваться под новые реалии для сохранения необходимого уровня рентабельности бизнеса.

Методы

В настоящей работе на основе применения общих методов научного познания в различных аспектах науки проанализированы прогнозы изменения рынков производства и потребления энергии, выявлены их основные тенденции и направления развития.

Результаты

Изучив изменение структуры и объема выработки электроэнергии по сценариям развития энергетического рынка, а также существующую практику международных компаний, авторы выдвинули предложение об одном из направлений дальнейшего развития российских нефтяных компаний.

Обсуждение

Анализ рынка производства и потребления энергии в мире и прогнозы аналитических компаний говорят о том, что доля нефти и угля как источников энергии будет с каждым годом неуклонно сокращаться, уступая место возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) [1].

Мировое сообщество выдвигает несколько сценариев дальнейшего энергетического развития. Обратимся к прогнозу до 2050 года, который предлагает руководство ПАО «ЛУКОЙЛ» [2].

Первый сценарий – «Эволюция». Это сценарий, при котором в приоритете по-прежнему будет находиться экономическое развитие, однако будет осуществляться регулирование выбросов парниковых газов в рамках объявленных национальных целей по сокращению эмиссии и существующих технологических возможностей. При этом скорость структурных изменений на энергетических рынках будет умеренной.

Второй сценарий – «Равновесие». При этом сценарии будет соблюдаться баланс между экономическим развитием и достижением экологических целей, в частности, достижение целей Парижского соглашения по удержанию роста глобальной температуры ниже 2°C. В целом, будет осуществляться консолидация международных усилий для достижения целей устойчивого развития.

Третий сценарий – «Трансформация». При этом сценарии основной фокус развития будет направлен на достижение климатических целей за счет беспрецедентного уровня международного сотрудничества и отсутствия ограничений на финансирование климатических проектов. В таком случае будет происходить радикальная трансформация мировой энергетики и промышленности, что может способствовать достижению углеродной нейтральности ведущих экономик в 2050 году.

Анализируя прогнозы потребления первичной энергии в мире по трем сценариям, можно увидеть, что потребление нефти и угля будет сокращаться по сравнению с текущим моментом во всех трех сценариях. При этом чем в большей степени сценарий развития энергетического рынка будет направлен в сторону оценки экологических проблем, тем большую долю будет занимать использование возобновляемых источников энергии.

Если рассматривать выработку электроэнергии по конкретным источникам энергии, то можно сделать вывод, что во всех трех сценариях лидирующими источниками энергии станут ветер и солнце (рис. 1).

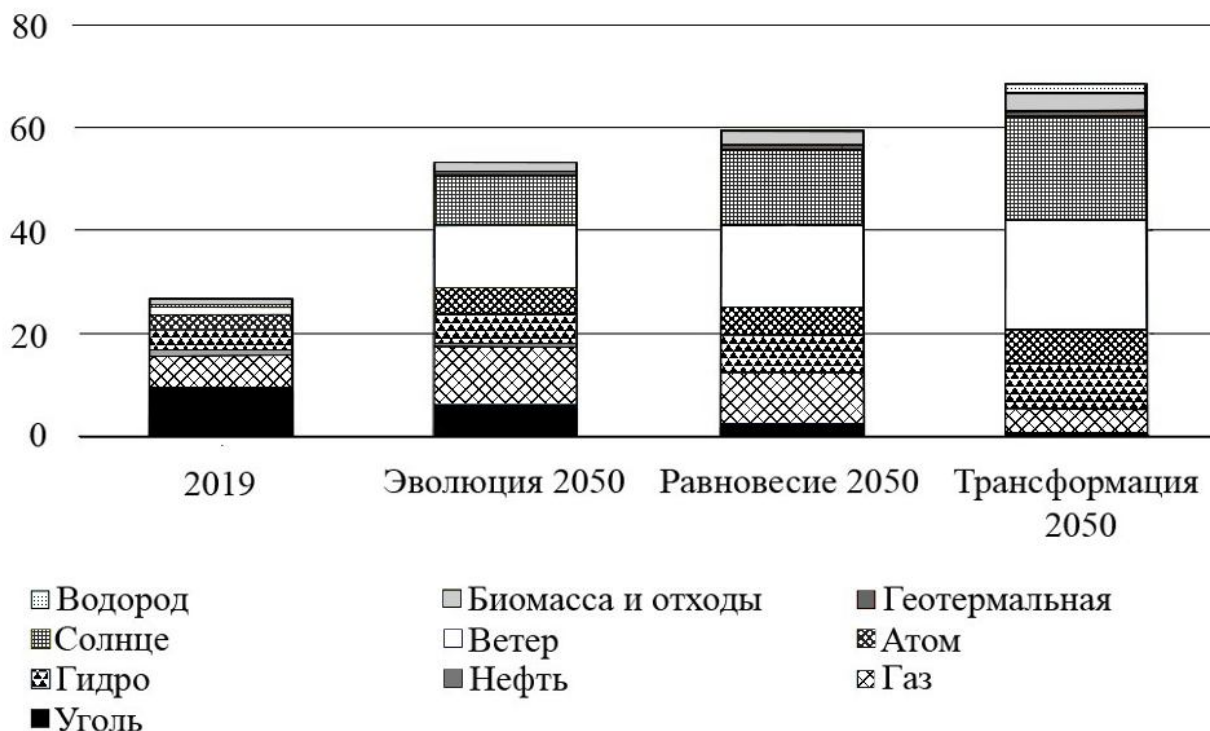

Рис. 1. Прогнозы генерации электроэнергии по источникам, тыс. TВт*ч

К странам-лидерам по широкому применению возобновляемых источников в мире по состоянию на 2020 год можно отнести Китай, США, Индию и Германию, то есть те страны, где широко развита тяжелая промышленность и машиностроение. При этом в Китае в период с 2011 года произошел трехкратный прирост объемов выработки энергии с помощью ВИЭ (рис. 2) [3].

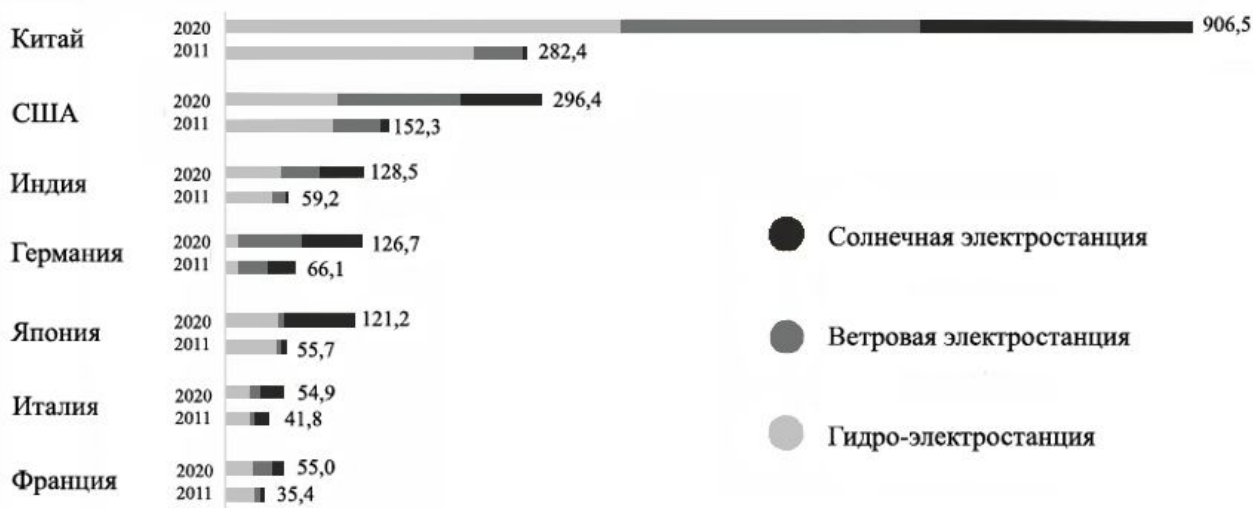

Рис. 2. Страны-лидеры по совокупной установленной мощности объектов ВИЭ, ГВт

Изучение рынка производства энергии в России демонстрирует, что по состоянию на 2020 год основной объем выработки электроэнергии в России приходился на традиционные источники энергии, при этом возобновляемые источники энергии использовались крайне слабо (рис. 3) [3].

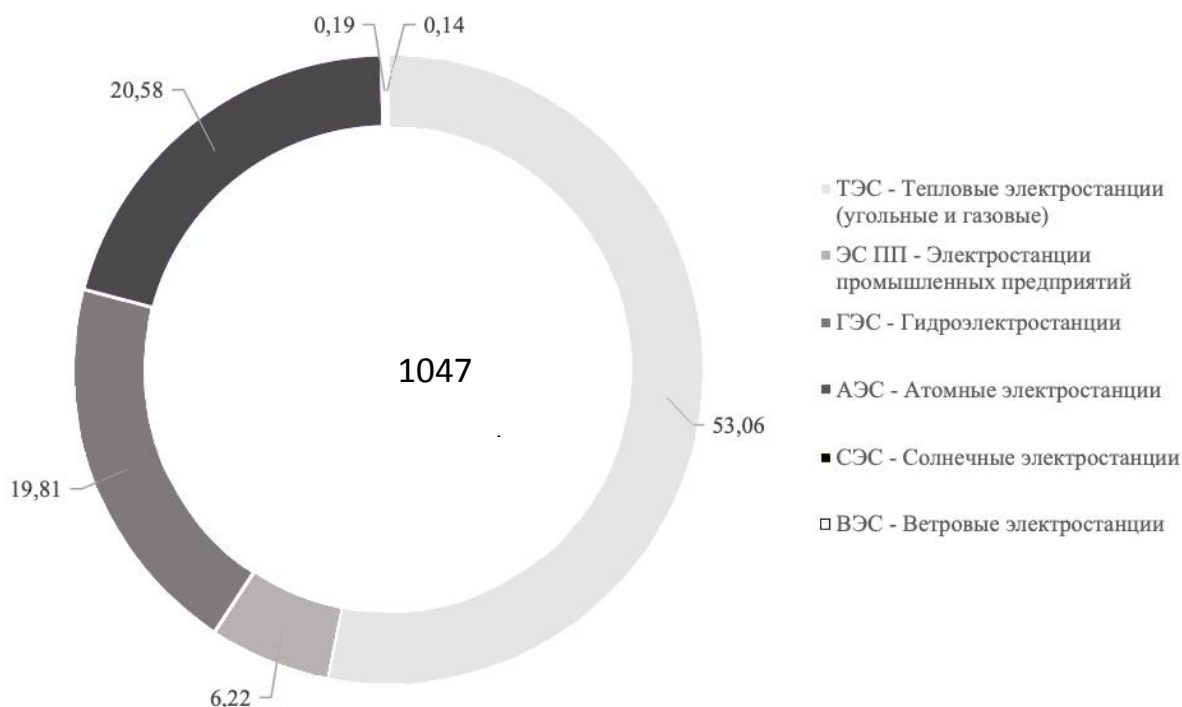

Рис. 3. Структура производства электроэнергии в России на 2020 год, %

Тем не менее, за период 2016–2020 гг. произошел значительный прирост выработки электроэнергии от возобновляемых источников энергии (рис. 4) [4].

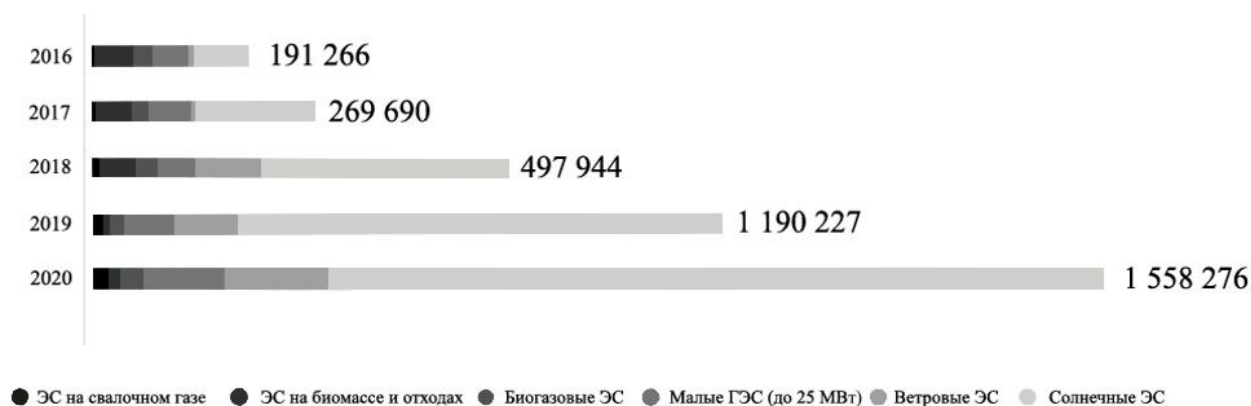

Рис. 4. Производство электроэнергии на квалифицированных объектах ВИЭ в 2016–2020 годах, МВт

Кроме того, ориентируясь на прогнозы Ассоциации развития возобновляемой энергетики России, доля электроэнергии, выработанной с помощью возобновляемых источников, увеличится к 2040 году до 10 % от общего объема выработки энергии [5].

При этом доля выработки электроэнергии от энергии ветра увеличится практически в 3 раза к 2028 году (рис. 5).

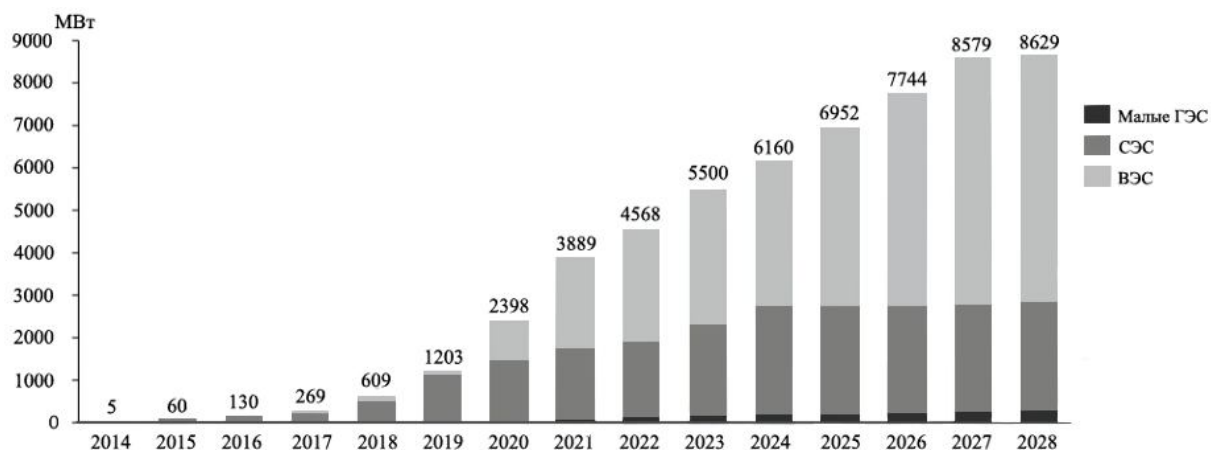

Рис. 5. Совокупная мощность генерации с возобновляемых источников энергии, МВт

Такому резкому приросту выработки электроэнергии может способствовать государственная программа поддержки развития возобновляемой энергетики – ДПМ (Договор предоставления мощности). По состоянию на 2021 год в рамках первого этапа внедрения программы было введено в эксплуатацию 2783 МВт мощностей [6].

При этом данная программа поддержки будет распространяться не только на выработку электроэнергии от энергии ветра и солнца, но и на все остальные виды возобновляемых источников энергии во всех регионах России.

Таким образом, можно сделать вывод, что рынок возобновляемой энергетики в России на сегодняшний день развит слабо, однако имеется потенциал его активного развития в перспективе на основе наличия государственных мер поддержки и постепенного развития производственных мощностей.

Сложный практически для всех отраслей экономики 2020 год во многом скорректировал дальнейшие сценарии развития деятельности нефтяных компаний всего мира. Так, уменьшение спроса на нефть по причине падения производственной активности в мире, вызванное пандемией новой коронавирусной инфекции, привело к значительному снижению цен на нефть. Это заставило многие компании по-новому оценить свои прогнозы относительно будущих цен на нефть.

К первой половине 2022 года средние цены на нефть оказались значительно выше всех прогнозов, однако нефтяные компании всего мира не спешат пересматривать свои прогнозы в среднесрочной перспективе.

Вполне вероятно, что, закладывая невысокие цены на энергоносители в будущем, нефтяные компании рассматривают другие направления для своего дальнейшего развития.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что российские нефтяные компании имеют значительно меньше проектов в сфере ВИЭ по сравнению с зарубежными нефтяными компаниями. Примечательно то, что свои проекты по внедрению объектов генерации от ВИЭ имеют даже такие крупные компании-экспортеры нефти, как Saudi Aramco.

В России ускоренному развитию рынка ВИЭ препятствует низкий уровень рентабельности проектов. Однако существует потенциал реализации проектов ВИЭ в зонах со слабо развитой инфраструктурой снабжения электроэнергией. Нефтяные компании могут стать частью становления рынка в России при условии снятия или ослабления регуляторных барьеров, ограничивающих их в одновременной генерации и сбыте.

Помимо преимуществ объединения с основным видом деятельности бизнеса, нефтяные компании имеют возможность использовать свой собственный опыт управления проектами строительства, а также опыт работы в экстремальных климатических условиях.

На сегодняшний день ограниченное количество примеров работы с возобновляемыми энергоресурсами среди крупных российских нефтяных компаний во многом объясняется низким уровнем зрелости рынка ВИЭ в России.

В сравнении с международными нефтяными компаниями российские игроки еще только в начале своего пути развития в данном направлении бизнеса (рис. 6).

Рис. 6. Уровень вовлеченности нефтяных компаний в проекты ВИЭ

Подобно зарубежным компаниям, крупные российские нефтяные компании начинают включать цели по ВИЭ в свои стратегии и уже создают подразделения, которые занимаются новыми проектами. В России нефтяные компании реализуют большинство проектов в рамках стратегических партнерств со специализированными игроками. На ранних стадиях развития рынка это позволяет сократить расходы на развитие технологий, снизить финансовые и производственные риски.

Тем не менее, предпринимаемых со стороны правительства шагов все еще недостаточно для активного вовлечения частного капитала в направлении ВИЭ.

Таким образом, рынок возобновляемых источников энергии в России остается свободным и слабо развитым, но активное вхождение на него российских нефтяных компаний может послужить хорошим стимулом для его развития. Помимо всех вышеперечисленных аргументов в пользу необходимости развития рынка возобновляемой энергетике в России, следует также сказать, что практически вся территория России пригодна для использования всех источников возобновляемой энергии, в особенности вся северо-восточная часть – для использования энергии ветра.

Кроме того, в некоторых отдаленных регионах России использование электроэнергии от возобновляемых источников энергии может оказаться дешевле, чем ее получение от традиционных источников.

С учетом факта, что большинство крупных нефтяных месторождений России сосредоточено в тех регионах, где имеется потенциал использования возобновляемой энергетике, возможно разработать несколько вариантов объединения компаний из разных отраслей экономики для снижения затрат на добычу, поскольку на затраты на электроэнергию приходится значительная доля всех затрат при добыче нефти.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что отрасль возобновляемой энергетики в России стоит на пороге своего потенциально активного развития, стоимость вырабатываемой ею электроэнергии снижается из года в год и может приблизиться к стоимости электроэнергии, полученной от традиционных источников.

Однако форсированному и повсеместному развитию возобновляемой энергетики в стране препятствует малое количество успешно запущенных проектов, низкий уровень доходности реализованных проектов в сравнении с традиционными источниками энергии, а также недостаточная поддержка со стороны государства.

В то же время, драйвером ускоренного развития возобновляемой энергетики в России может стать наличие большого числа отдаленных регионов с отсутствием развитых энергосетей, а также пригодность практически всей территории России для использования всех видов возобновляемых источников энергии. Подключение же российских нефтяных компаний с имеющимися у них финансовыми возможностями, опытом развития проектов в сложных условиях и заинтересованностью в снижении затрат на электроэнергию за счет использования возобновляемых источников энергии в случае развития добычи на новых отдаленных месторождениях может позволить выйти возобновляемой энергетике России на совершенно новый уровень, о котором 10 лет назад даже не шла речь.

Опираясь на уже существующие примеры активного внедрения проектов возобновляемой энергетики международными нефтяными компаниями, можно сделать вывод, что эти две отрасли могут не только сосуществовать, не создавая конкуренции друг для друга, но и успешно развиваться совместно, достигая синергического эффекта.

Таким образом, проведенный в работе анализ позволяет обосновать необходимость внедрения нового бизнес-сегмента российскими нефтяными компаниями, как одного из перспективных направлений развития отрасли.

Литература

1. World Energy Outlook 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020>
2. Перспективы развития Мировой энергетики до 2050 год / ПАО «Лукойл» [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/Business/Futuremarketrends>
3. Расскажем о ВИЭ [Электронный ресурс]. URL: https://rreda.ru/lets_talk_about_renewable_energy_sources
4. Система государственного стимулирования хранения электроэнергии в России [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/489>
5. Обзор российского ветроэнергетического рынка и рейтинг регионов России за 2020 год / Российская ассоциация ветроиндустрии [Электронный ресурс]. URL: <https://rawi.ru/windpower/market-report/obzor-ryinka-za-2020-god/>
6. Ветроэнергетика в России развивается стремительными темпами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2021/3825660.htm>

Идентификация высокопроизводительных рабочих мест: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь

Identification of Highly Productive Jobs: Experience of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Е. ПРЕСНЯКОВА, Е. ПОТАПЦЕВА

Преснякова Елена Владимировна, канд. экон. наук, заведующий сектором промышленной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси. E-mail: prasnjakova@tut.by

Потапцева Екатерина Викторовна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра структурной политики Института экономики Уральского отделения РАН. E-mail: emif@mail.ru

Повышение производительности труда является одним из важнейших факторов, способствующих росту эффективности национальных экономик. В статье представлены результаты сравнительного анализа подходов к идентификации высокопроизводительных рабочих мест, применяемых в Российской Федерации и Республике Беларусь. Сделан вывод об их существенном различии и необходимости унификации в рамках Союзного государства, а также важности определения параметров, позволяющих адекватно измерять производительность рабочих мест в различных видах экономической деятельности.

Ключевые слова: высокопроизводительные рабочие места, качественные рабочие места, производительность труда, заработная плата, высокотехнологичный сектор.

An increase in labor productivity is one of the most important factors contributing to the growth of the efficiency of national economies. The article presents the results of a comparative analysis of approaches to the identification of high-performance jobs used in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The conclusion is made about their significant difference and the need for unification within the framework of the Union State, as well as the importance of determining the parameters that allow to adequately measure the productivity of jobs in various types of economic activity.

Key words: high-performance jobs, quality jobs, labor productivity, wages, high-tech sector.

Основные положения

1. Высокая актуальность создания «качественных рабочих мест».
2. Несопоставимость подходов к оценке и анализу высокопроизводительных рабочих мест в Российской Федерации и Республике Беларусь.
3. Целесообразность разработки единой методики идентификации высокопроизводительных рабочих мест в рамках Союзного государства.

Введение

Проблема создания высокопроизводительных рабочих мест является одной из задач экономической политики как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. С 2012 года в деловой оборот официально в обеих странах было введено понятие «высокопроизводительного рабочего места», а также были поставлены цели по их количеству к 2020 году:

- в России: 25 млн рабочих мест;
- в Беларуси: 400 тыс. рабочих мест [2].

Возникает вопрос о том, существует ли единое понимание термина «высокопроизводительное рабочее место» в российской и белорусской экономической политике.

Актуальность темы исследования также обусловлена продолжающейся экономической интеграцией двух стран в рамках Союзного государства России и Беларуси, и, как следствие, необходимостью определения совместных приоритетов и инструментария оценки структуры

рабочих мест в России и Беларуси. До настоящего времени этот вопрос остается малоизученным, что определяет новизну данного исследования.

Целью исследования является компаративный анализ подходов к идентификации рабочих мест (ВПРМ) в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Авторская гипотеза о необходимости использования экономической категории «высокопроизводительное рабочее место» в качестве инструмента повышения производительности труда в национальных экономиках Российской Федерации и Республики Беларусь основана на предположении о влиянии не только количества рабочих мест, но и их качества на экономическое развитие страны.

Статья структурирована следующим образом: в первой части рассмотрено понятие качественного рабочего места; вторая часть посвящена анализу методик идентификации высокопроизводительных рабочих мест в России и Республике Беларусь; в третьей части проведено сравнение подходов к определению высокопроизводительных рабочих мест в этих странах.

Методы

В качестве основных в исследовании были использованы методы сравнительного анализа, вертикальный и горизонтальный анализы статистической информации, метод обобщений и др. Исходной информационной базой явились данные Федеральной службы государственной статистики России и Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Результаты

В настоящее время вопрос оценки качества рабочих мест и повышения производительности труда активно обсуждается в обществе, поскольку низкая результативность труда является одним из факторов, негативно влияющих на рост эффективности национальных экономик [7]. Согласно докладу Всемирного банка, экономический рост может быть как причиной, так и следствием создания рабочих мест, и напрямую зависит от того, «сколько и каких рабочих мест создается» [10].

Пока не существует общепризнанной научным сообществом трактовки данного понятия «качественное рабочее место». В 2017 году стипендиаты Aspen Institute Job Quality Fellows описали важность качества работы следующим образом: «Качественное рабочее место означает, что работа [на рабочем месте] ценится и вносит значимый вклад в достижение целей организации. Это включает в себя право голоса на рабочем месте и возможность формировать свою трудовую карьеру, а также наличие доступных возможностей для обучения и роста. [Работа] на качественном рабочем месте дает человеку возможность копить, создавать безопасность и уверенность, которые позволяют ему планировать будущее, участвовать в общественной жизни и видеть себя ценным членом общества» [9].

Обзорное исследование различных подходов к определению «качественного рабочего места» выявило следующие его атрибуты: высокая заработная плата; наличие бенефитной программы; ясный график работы; соблюдение прав работников; равенство и вовлеченность; возможность развивать свои профессиональные навыки; развитие карьеры (продвижение по службе); дружелюбная рабочая среда; учет «голоса» работника. При этом рабочие места, которые не соответствуют всем этим требованиям, называются «некачественными рабочими местами» или «плохими рабочими местами», поскольку они характеризуются низким уровнем оплаты труда, отсутствием гарантий на будущее и других социальных льгот. В отличие от них, рабочие места, которые обеспечивают сотрудников полной занятостью и высоким уровнем дохода с гарантиями и накоплениями, называются «хорошими рабочими местами» или «хорошими рабочими местами» [9]. Иными словами, качественные рабочие места — это рабочие места, обеспечивающие высокий жизненный уровень [1].

И в России, и в Беларуси понятие «высокопроизводительное рабочее место» используется в качестве синонима «качественному рабочему месту». В научной литературе существует ряд работ российских и белорусских исследователей, посвященных анализу качественного состава рабочих мест [3–6].

Следует отметить, что практически одновременно в двух странах в деловой оборот введено понятие «высокопроизводительное рабочее место» для оценки качества рабочих мест в стране, под которым понимается:

– в 2012 году в России: ВПРМ – все замещенные рабочие места предприятий (организаций), на которых среднемесячная заработная плата работников (для индивидуальных предпринимателей – средняя выручка) равна или превышает установленную пороговую величину критерия¹;

– в 2013 году в Беларуси: ВПРМ – рабочее место работника, принятого на дополнительно введенное рабочее место, у которого размер заработной платы, начисленной за первый полностью отработанный месяц отчетного периода, превысил пороговое значение заработной платы по основному виду экономической деятельности организации (установлено в приложении к постановлению)².

С начала 2000-х годов в Российской Федерации существовало несколько методик, на основе которых определялось количество высокопроизводительных рабочих мест^{3,4,5,6,7}. В соответствии с Указом Президента РФ от 25.04.2019 № 193 была разработана Методика расчета показателя «количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе». Согласно методике, количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе определяется по формуле:

$$ВПРМ_{ВБС} = ВПРМ_{общ} - ВПРМ_{БС}$$

где $ВПРМ_{ВБС}$ – количество ВПРМ во внебюджетном секторе экономики; $ВПРМ_{БС}$ – количество ВПРМ в бюджетном секторе экономики; $ВПРМ_{общ}$ – общее количество ВПРМ, рассчитанное в соответствии с методикой расчета «Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему», утвержденный приказом Росстата от 09.10.2017 № 665.

¹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 14 ноября 2013 г. № 449 «Об утверждении методик расчета показателей “Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году”, “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте” и “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации”».

² Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19 августа 2013 г. № 163 «Об утверждении формы государственной статистической отчетности 12-г “Отчет по труду” и указаний по ее заполнению».

³ Методические пояснения по формированию данных о числе замещенных и созданных высокопроизводительных рабочих мест за 2011 год.

⁴ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 21 февраля 2013 г. № 70 «Об утверждении методик расчета показателей оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности».

⁵ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 14 ноября 2013 г. № 449 «Об утверждении методик расчета показателей “Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году”, “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте” и “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации”».

⁶ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 09 октября 2017 г. № 665 «Об утверждении методики расчета показателя “Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году”».

⁷ Постановление Правительства РФ от 17 июля 2019 г. № 915 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Проанализируем динамику числа высокопроизводительных рабочих мест в России по видам экономической деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Оценка количества высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности в России за 2018–2021 гг.

Российская Федерация	2018		2019		2020		2021	
	тыс. ед.	%	тыс. ед.	%	тыс. ед.	%	тыс. ед.	%
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (Раздел А)	516,6	2,6	593,8	2,9	653,5	3,0	704,2	3,1
Добыча полезных ископаемых (Раздел В)	934,1	4,8	940,1	4,5	955	4,4	981	4,3
Обрабатывающие производства (Раздел С)	3 942,50	20,1	4 271,20	20,6	4 483,70	20,4	4 821,00	21,3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (Раздел D)	922,4	4,7	932,5	4,5	967,6	4,4	935,5	4,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (Раздел E)	183,6	0,9	188	0,9	217,1	1,0	239,7	1,1
Строительство (Раздел F)	1 015,20	5,2	1 134,20	5,5	1 165,00	5,3	1 306,70	5,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (Раздел G)	2 008,10	10,2	2 218,90	10,7	2 333,20	10,6	2 607,80	11,5
Транспортировка и хранение (Раздел H)	1 692,20	8,6	1 889,70	9,1	1 899,00	8,7	1 948,40	8,6
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (Раздел I)	134,9	0,7	153,8	0,7	153,1	0,7	240	1,1
Деятельность в области информации и связи (Раздел J)	740,5	3,8	816,2	3,9	990,2	4,5	1 067,70	4,7
Деятельность финансовая и страховая (Раздел K)	815,5	4,2	822,4	4,0	799,4	3,6	791,9	3,5
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом (Раздел L)	457,7	2,3	513	2,5	542,2	2,5	576,2	2,5
Деятельность профессиональная, научная и техническая (Раздел M)	1 379,10	7,0	1 504,70	7,3	1 562,90	7,1	1 623,40	7,2

Продолжение таблицы 1

Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (Раздел N)	273,1	1,4	296	1,4	330	1,5	445	2,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение (Раздел O)	2 021,60	10,3	1 965,90	9,5	2 007,30	9,1	1 904,60	8,4
Образование (Раздел P)	816,1	4,2	755,3	3,6	745,8	3,4	733,8	3,2
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (Раздел Q)	1 542,20	7,9	1 496,70	7,2	1 922,20	8,8	1 450,70	6,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (Раздел R)	164,4	0,8	156,3	0,8	140,2	0,6	140	0,6
Предоставление прочих видов услуг (Раздел S)	78,7	0,4	84	0,4	79	0,4	93,3	0,4
Итого ВПРМ	19 638,30	100	20 732,80	100	21 946,60	100	22 610,80	100

Примечание: составлено авторами по данным Росстата¹

Анализ количества и структуры ВПРМ показал, что на обрабатывающие производства приходится пятая часть всех ВПРМ в России. Причем их доля в структуре ВПРМ за четыре года увеличилась на 1,2 %, и достигла 878,5 тыс. ед. Кроме того, в оптовой и розничной торговле (раздел G) также сосредоточено большое количество ВПРМ – более 10 %. «Низкопроизводительные» рабочие места сосредоточены в таких видах экономической деятельности, как водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность в области культуры, спорта и деятельности гостиниц и общепита, доля которых в структуре ВПРМ в России составляет менее 1,5 %.

В Республике Беларусь под высокопроизводительным рабочим местом понимается «рабочее место работника, принятого на дополнительно введенное рабочее место, у которого размер

¹ Росстат разрабатывает официальную статистическую информацию о числе высокопроизводительных рабочих мест по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, федеральным округам и видам экономической деятельности ежегодно по полному кругу хозяйствующих субъектов (включая субъекты малого предпринимательства) в соответствии с п. 1.30.24. Федерального плана статистических работ, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р.

Источник информации – формы федерального статистического наблюдения:

№ П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников»; № ПМ «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия»; № МП (микро) «Сведения об основных показателях деятельности микропредприятия»; № 1-ИП «Сведения о деятельности индивидуального предпринимателя»; № 1-ИП-торговля «Сведения о деятельности индивидуального предпринимателя в розничной торговле».

Методологические пояснения:

Методика расчета показателя «Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году» утверждена приказом Росстата от 9 октября 2017 г. № 665 и размещена на официальном сайте Росстата ([https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika\[1\].pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika[1].pdf)).

заработной платы, начисленной за первый полностью отработанный месяц отчетного периода, превысил пороговое значение заработной платы по основному виду экономической деятельности организации»¹. Пороговые значения заработной платы для определения высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности устанавливаются органами государственной статистики в виде приложений к нормативным актам. Так, в 2022 г. для обрабатывающей промышленности пороговое значение заработной платы составляет от 1400 (производство текстильных изделий, одежды, изделий из белорусских рублей кожи и меха) до 3000 (производство химических продуктов).

В открытых статистических публикациях Республики Беларусь представлены сведения лишь о численности работников, принятых на дополнительно введенные рабочие места, без учета высокопроизводительных. Вместе с тем, информация о фактическом и пороговом значении номинальной начисленной заработной платы в Беларуси в разрезе видов экономической деятельности позволяет оценить соответствие имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню². Для проведения такой оценки предлагается рассчитывать соотношение фактической номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников в Беларуси и ее порогового значения.

$$Cngamw_{ij} = \frac{NGAMW_{ij}}{TNGAMW_{ij}} \quad (1)$$

где $Cngamw_{ij}$ (*Coefficient nominal gross average monthly wages*) – коэффициент соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню, раз; $NGAMW$ (*Nominal gross average monthly wages*) – фактическая номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников; $TNGAMW$ (*Threshold nominal gross average monthly wages*) – пороговое значение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников для отнесения рабочего места к высокопроизводительному; i – вид экономической деятельности; j – регион [8].

Используя данные о численности занятых по видам экономической деятельности, с учетом корректировки на коэффициент соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню, возможно определить расчетное значение количества воспроизводительных рабочих мест, удовлетворяющих требованиям по пороговому размеру заработной платы.

$$NPWP_{ij} = NE_{ij} * Cngamw_{ij}, \quad (2)$$

где $NPWP$ (*high performance workplaces*) – высокопроизводительные рабочие места, ед.; NE (*number of employees*) – численность занятых, чел.

Проведем подобные расчеты для Республики Беларусь по видам экономической деятельности, по которым имеются данные о пороговых значениях заработной платы. Сводную информацию о количестве высокопроизводительных рабочих мест представим в таблице 2.

Наибольшее количество высокопроизводительных рабочих мест наблюдается в промышленности – 779,8 тыс. чел. в 2021 г., что составляет 77,3 % от численности занятых в виде экономической деятельности. На втором и третьем местах – оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов (427,9 тыс. чел., или 69,5 %) и образование (330,8 тыс. чел. или 74,6 %), соответственно.

В целом по Республике Беларусь в 2021 г. занято 4 279,7 тыс. чел., в том числе на высокопроизводительных рабочих местах – 3 134,1 тыс. чел. Доля ВПРМ в численности занятых ежегодно повышалась и достигла 73,2 % в 2021 г. против 51,6 % в 2018 г. На этот факт оказали влияние как рост номинальной начисленной средней заработной платы за месяц во всех видах

¹ Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 23.02.2018 г. № 13 «О внесении дополнений в постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19 августа 2013 г. № 163».

² Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19.08.2013 г. № 163 «Об утверждении формы государственной статистической отчетности 12-т «Отчет по труду» и указаний по ее заполнению».

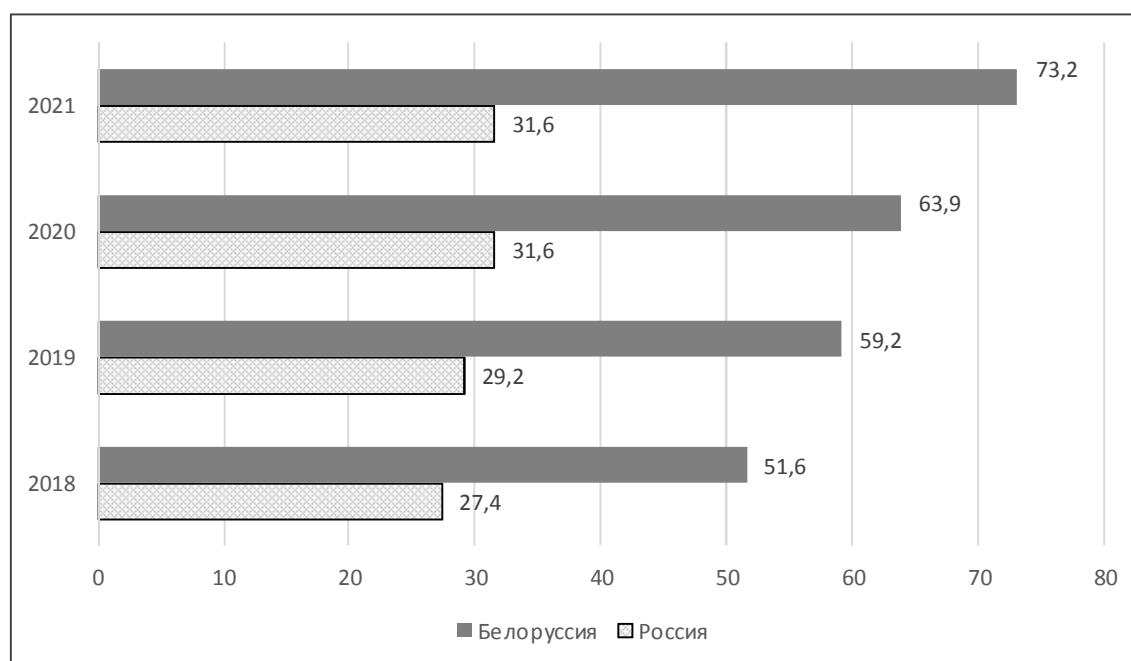
экономической деятельности, так и нерегулярный перерасчет пороговых значений для расчета ВПРМ (исключительно в 2018 и 2021 гг.).

Таблица 2

Оценка количества высокопроизводительных рабочих мест в Республике Беларусь в 2018–2021 гг.

Вид экономической деятельности	Количество ВПРМ, тыс. чел.				Доля ВПРМ в численности занятых, %			
	2018	2019	2020	2021	2018	2019	2020	2021
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	214,4	234,3	251,3	284,7	52,9	62,1	66,8	77,3
Промышленность	557,0	640,1	668,7	779,8	54,2	62,4	65,9	77,3
Строительство	150,1	188,6	205,6	215,2	54,4	68,2	72,9	78,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	315,7	352,0	375,8	427,9	51,1	56,0	60,6	69,5
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	130,3	143,6	145,0	165,1	43,7	48,9	50,5	58,1
Образование	257,3	292,1	300,7	330,8	56,8	64,5	67,1	74,6
Здравоохранение и социальные услуги	184,9	215,2	256,7	297,7	56,8	65,6	78,5	91,4
Прочие	430,1	498,4	555,5	633,0	9,9	11,5	12,9	14,8
Итого, ВПРМ:	2239,7	2564,3	2759,1	3134,1	51,6	59,2	63,9	73,2

На рисунке сопоставлена доля ВПРМ в численности занятых в экономике России и Беларуси в 2018–2021 годах.

Структура численности занятых в России и Республике Беларусь в разрезе высокопроизводительных рабочих мест (%)

Из данных, приведенных на рисунке, видно, что доля ВПРМ в структуре занятых в Беларуси почти в два раза превышает российские показатели. Причем с каждым годом в Беларуси все больше занятых работают на высокопроизводительных рабочих местах: если в 2018 году в России было 27,4 % при уровне занятых на ВПРМ в Беларуси в 51,6 %, то в 2021 году

в России доля занятых на высокопроизводительных рабочих местах составила 31,6 % (прирост 4,2 %), а в Белоруссии – уже 73,2 %. Таким образом, в России только треть занятых трудятся на высокопроизводительных рабочих местах, в отличие от Белоруссии, где доля занятых на таких местах превышает 73 %.

Обсуждение

Вышеприведенный анализ позволил сделать вывод о существенных различиях в идентификации высокопроизводительных рабочих мест в этих странах (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение подходов к определению ВПРМ в Российской Федерации и Республике Беларусь

Критерии сравнения	Российская Федерация	Республика Беларусь
1. Расчет средней заработной платы	на одно замещенное рабочее место	на дополнительно введенное рабочее место
2. Пороговое значение при отнесении к ВПРМ	1) среднемесячная заработная плата работников; 2) среднемесячная выручка	среднемесячная заработная плата
3. Дифференциация пороговых значений	пороговые значения: 1) по типам предприятий (монотерриториальное, многотерриториальное); 2) по видам экономической деятельности; 3) по субъектам РФ; 4) выделение ИП.	пороговые значения по видам экономической деятельности в целом по стране
4. Виды экономической деятельности	2012–2017: ОК 029-2007 2018 – по наст. время: ОК 029-2014	ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» (ОКЭД)
5. Частота расчета пороговых значений	ежегодно	по мере изменения среднемесячной заработной платы по виду деятельности
6. Количество ВПРМ	публикуется ежегодно по стране в целом, а также в разрезе регионов и видов экономической деятельности	информация о количестве ВПРМ не публикуется. Есть сведения о численности работников, принятых на дополнительно введенные рабочие места, без учета высокопроизводительных.
7. Пороговые значения для исчисления ВПРМ	официально не публикуются; насчитывается более 400 пороговых значений.	официально публикуются пороговые значения для оценки соответствия имеющихся рабочих мест

Примечание: составлено авторами.

Во-первых, подход к расчету пороговых значений для отнесения рабочих мест к высокопроизводительным в России и Беларуси, несмотря на наличие одного критерия – средней заработной платы, существенно различается: в России отмечается высокая дифференциация пороговых значений, в результате чего, в отличие от Беларуси, в России насчитывается более 400 таких значений. Так, в Беларуси пороговые значения заработной платы для определения высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности определяются, исходя из размера начисленной заработной платы работника за первый полностью отработанный работником месяц, за исключением единовременных выплат стимулирующего характера¹. В России же пороговые значения для отнесения к ВПРМ устанавливаются по показателю «среднемесячная заработная плата работников на одно замещенное рабочее место» отдельно по юридическим лицам, осуществляющим деятельность на территории:

¹ Постановление Национального Статистического комитета Республики Беларусь от 23.02.2018 №13 «О внесении дополнений в постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19 августа 2013 г. № 163».

1) одного субъекта Российской Федерации (монотерриториальные предприятия) – в среднем по совокупности монотерриториальных предприятий (без малых) видов экономической деятельности, расположенных на территории соответствующего субъекта Российской Федерации;

2) нескольких (2-х и более) субъектов Российской Федерации (многотерриториальные предприятия): в среднем по Российской Федерации по совокупности предприятий (без малых) видов экономической деятельности.

Во-вторых, трудно сопоставлять количество и структуру ВПРМ в России и Беларуси, поскольку в последней не публикуются официальные данные о количестве высокопроизводительных рабочих мест в белорусской экономике. В России же, напротив, ежегодно публикуют число ВПРМ, впрочем, не указывая при этом официального порогового значения для отнесения рабочих мест к высокопроизводительным.

В-третьих, в России и Беларуси различается классификатор видов экономической деятельности, что также затрудняет сравнение показателей по двум странам.

С учетом выявленных особенностей идентификации высокопроизводительных рабочих мест в России и Беларуси необходимо интегрировать используемые подходы и выработать единую методику для определения числа ВПРМ в российской и белорусской экономике.

Заключение

Следует отметить, что в перспективе экономическая интеграция двух стран в рамках Союзного государства потребует разработки единого подхода к определению высокопроизводительного рабочего места в России и Беларуси. Неоднородность трактовки высокопроизводительного рабочего места в России и Беларуси приводит к существенным различиям в оценке их количества. Поэтому целесообразно разработать единую методику идентификации высокопроизводительных рабочих мест в рамках Союзного государства, а также выбрать параметры, позволяющие адекватно измерить производительность рабочих мест в различных видах экономической деятельности. Это позволило бы усовершенствовать применяемые в России и Беларуси подходы к определению ВПРМ на уровне государственной статистики.

Литература

1. Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Кузьминых Н.А., Мазур Н.З. Инновационное развитие российской экономики: проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Палеотип», 2013. 166 с.
2. Ванкевич Е.В., Куницкис В.Ю. Проблема оценки высокопроизводительных рабочих мест. Материалы докладов 54-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов: в 2 т. / УО «ВГТУ». Витебск, 2021. Т. 1. С. 76–78.
3. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Определение высокопроизводительных рабочих мест: сравнение методик // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 5. С. 89–97.
4. Воскобойников, И., Гимпельсон В. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. 2015. № 11. С. 1–32.
5. Киреев В.Е. Производительность, доходность и интенсивность труда: Россия и страны ОЭСР // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 2. С. 308–326.
6. Кокоулина Е.Е. Как оценивают высокопроизводительные рабочие места в современной России // Проблемы учёта и финансов. 2013. № 3. С. 56–59.
7. Кузьминых Н.А. Интенсивность и экстенсивность инновационного развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 3. С. 51–56.
8. Оценка межрегиональной дифференциации производительности труда в Республике Беларусь и Российской Федерации / Е.В. Преснякова [и др.] // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2020. Т. 65, № 1. С. 103–116. DOI: 10.29235/2524-2369-2020-65-1-103-116.
9. Job Quality Fellowship – The Aspen Institute [Electronic resource]. URL: <https://www.aspeninstitute.org/longform/job-quality-tools-library/section-1-understanding-job-quality>
10. World Development Report 2013: Jobs [Electronic resource]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11843>

Малый бизнес: анализ предварительных итогов экономической переписи 2020 г. (часть 2)

Small Business: Analysis of the Preliminary Results of the 2020 Economic Census (Part 2)

Э. НУРДАВЛЯТОВА, Д. КАСИМОВА

Нурдавлятова Эльвира Фанизовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: nurdavliatovaelvira@mail.ru

Касимова Дилара Фаритовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения ИНЭФБ БашГУ. E-mail: dilaraif@mail.ru

Статья продолжает цикл исследований, посвященных актуальным тенденциям изменения динамики и структуры наиболее важных характеристик малого и среднего предпринимательства по итогам проведенной экономической переписи 2020 г. Ключевые показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства проанализированы в разрезе федеральных округов и видов деятельности, сопоставлены по данным трех сплошных наблюдений малого бизнеса: в 2010 г., 2015 г. и 2020 г.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, инвестиции, основные фонды, экономическая перепись.

The article continues the cycle of research devoted to current trends in the dynamics and structure of the most important characteristics of small and medium-sized businesses based on the results of the 2020 economic census. Key indicators of small and medium-sized businesses are analyzed in the context of federal districts and types of activities, compared according to three continuous observations of small businesses: in 2010, 2015 and 2020.

Keywords: small and medium-sized businesses, investments, fixed assets, economic census.

Введение

В Российской Федерации были проведены три экономические переписи малого бизнеса, сплошное статистическое наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства (СМСП) охватывает 2010, 2015 и 2020 годы.

Сплошные наблюдения проводятся Росстатом каждые пять лет в соответствии с законом № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Целью экономической переписи является проведение на основании полученной информации сбалансированной политики поддержки малого бизнеса, который играет значительную роль в экономике страны, обеспечивая занятость населения, рост его благосостояния, развитие технологий.

Предварительные итоги переписи опубликованы на сайте Росстата, а обнародование окончательных ожидалось в июле 2022 г. По итогам экономической переписи, в 2020 году стоимость основных фондов малого бизнеса составила 11 384,7 млрд руб., объем инвестиции СМСП в основной капитал составил 1 898,8 млрд руб.

Предлагаемая статья продолжает анализ предварительных итогов переписи 2020 г. в сопоставлении с данными сплошных наблюдений малого бизнеса 2010 г. и 2015 г. Первая статья опубликована в июне 2022 г. [2]. В исследовании учитывались данные по юридическим лицам, являющимся субъектами МСП.

Методы

В статье были использованы общенаучные методы систематизации, классификации и обобщения в рамках логического, сравнительного и статистического анализа.

Результаты и обсуждения

В качестве ключевых показателей, характеризующих малый бизнес, в статье были проанализированы динамика и структура основных фондов и инвестиции в основной капитал субъектов МСП.

Таблица 1

Динамика основных фондов СМСП по ФО, млрд руб. *

Федеральные округа	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2015/2010, %	2020/2015, %
1	2	3	4	5	6
Российская Федерация	4 382,3	8 627,5	11 384,7	196,9	132,0
Центральный ФО	1 442,3	2 896,4	4 403,9	200,8	152,0
Северо-Западный ФО	553,8	1 093,0	1 474,1	197,4	134,9
Южный ФО + Крымский ФО ¹	367,1	788,2	928,8	214,7	117,8
Северо-Кавказский ФО	125,8	245,9	276,7	195,5	112,5
Приволжский ФО	835,9	1 588,5	1 804,9	190,0	113,6
Уральский ФО	381,3	713,8	873,3	187,2	122,4
Сибирский ФО	489,5	928,9	1 032,3	189,8	111,1
Дальневосточный ФО	185,5	372,6	590,6	200,8	158,5

* Рассчитано по данным [1], на конец года, по полной учетной стоимости.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, за первый пятилетний период (2015 г. в сравнении с 2010 г.) полная учетная стоимость основных фондов (ОФ) субъектов МСП в целом по России выросла почти в 2 раза (на 96,9 %). По федеральным округам наибольший рост стоимости ОФ (на 114,7 %) продемонстрировали СМСП Южного ФО (за счет присоединения Крыма), а наименьший, но тоже весьма впечатляющий – на 87,2 % – СМСП Уральского ФО.

Ситуация за второй пятилетний период (2020 г. в сравнении с 2015 г.) демонстрирует заметное снижение темпов роста стоимости ОФ. Стоимость ОФ субъектов МСП выросла в целом по России всего на 32 %, по федеральным округам наибольший рост отмечен по СМСП Дальневосточного ФО (на 58,5 %), наименьший – по СМСП Сибирского ФО, всего на 11,1 %.

Следует отметить, что негативное влияние пандемии сказалось на динамике этого показателя, хотя полная учетная стоимость ОФ и не является «сиюминутным» индикатором, ведь она складывается в течение всего срока существования предприятия и не реагирует мгновенно на резкое изменение внешних условий. Тем не менее, снижение численности самих субъектов МСП [2] вследствие пандемии привело к тому, что темпы роста стоимости ОФ ощутимо замедлились.

Как свидетельствуют данные рис. 1, наибольшую долю в общей стоимости всех ОФ занимают основные фонды СМСП Центрального ФО, их доля выросла за анализируемый период с 32,9 до 38,7 %. Второе место по стоимости основных фондов малого бизнеса занимает Приволжский ФО, в абсолютном выражении за десятилетний период наблюдений был зафиксирован более чем двукратный рост стоимости ОФ, но удельный вес в общем числе всех ОФ снизился с 19,1 до 15,8 %, то есть темп роста отстает от общероссийского.

Третье место по стоимости ОФ занимает Северо-Западный ФО, доля основных фондов малого бизнеса этого округа в общем итоге колеблется на уровне 12,6–12,9 %.

¹ Крымский федеральный округ (КФО) – федеральный округ Российской Федерации, существовавший в 2014–2016 гг. Включен в состав Южного ФО.

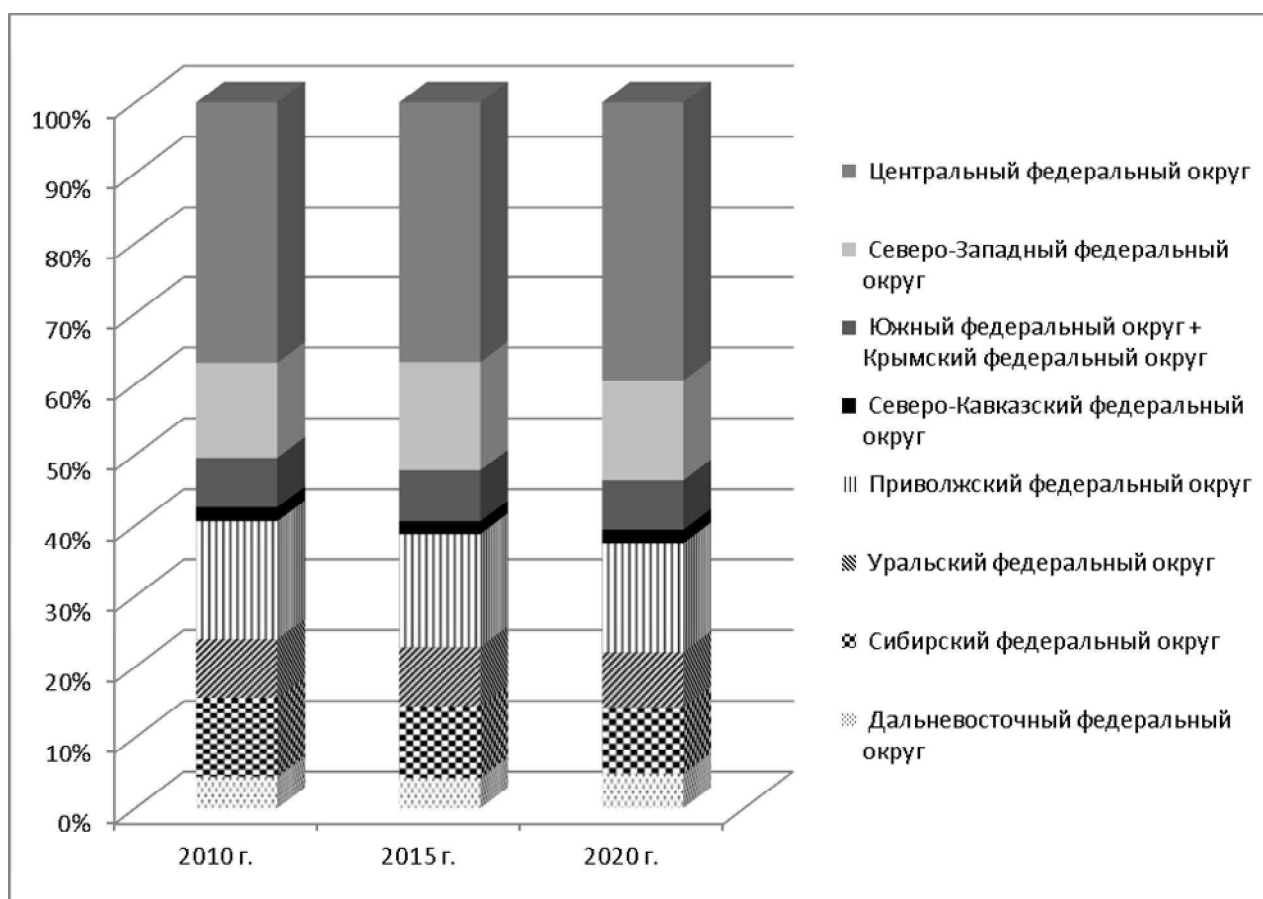

Рис. 1. Структура основных фондов СМСП, %.

Рассчитано по данным [3], на конец года, по полной учетной стоимости.

При анализе стоимости ОФ субъектов МСП в разрезе видов деятельности, данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что за первый пятилетний период (2015 г. в сравнении с 2010 г.) все виды деятельности показали положительную динамику. Основные средства субъектов МСП, занятых и в добыче полезных ископаемых, и в здравоохранении и предоставлении социальных услуг, выросли в 2,4 раза. Основные фонды малого бизнеса, занятого в образовании, росли медленнее всего, они увеличились лишь на 29,6 %.

Во втором пятилетнем периоде (2020 г. в сравнении с 2015 г.) стоимость ОФ субъектов МСП демонстрировала разнонаправленные тенденции: как рост, так и снижение. Наибольший рост продемонстрировали основные фонды здравоохранения (на 112,6 %), образования (на 105 %), производства и распределения электроэнергии, газа и воды (на 100,9 %), транспорта и связи (на 92,4 %). Снижение стоимости ОФ произошло в сельском хозяйстве (91,1 % от уровня 2015 г.), добыче полезных ископаемых (89,4 %), в предоставлении прочих услуг (87,4 %). Но самое сильное снижение стоимости ОФ произошло в финансовой деятельности – почти в 2 раза.

Таблица 2

Динамика основных фондов СМСП, млрд руб.*

Наименование вида экономической деятельности	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2015/2010, %	2020/2015, %
Всего по видам экономической деятельности	4 382,3	8 627,5	11 384,7	196,9	132,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	719,9	1 285,2	1 171,4	178,5	91,1
Добыча полезных ископаемых	73,9	177,9	159,0	240,4	89,4

Продолжение таблицы 2

Обрабатывающие производства	650,3	1 200,9	1 245,9	184,7	103,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	47,1	127,0	255,1	269,6	200,9
Строительство	370,5	645,9	797,8	174,3	123,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств	571,4	903,3	1 193,7	158,1	132,1
Транспорт и связь	279,4	575,2	1 106,9	205,9	192,4
Гостиницы и рестораны	94,0	182,0	264,3	193,7	145,2
Финансовая деятельность	129,8	202,1	113,7	155,7	56,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1 326,4	3 057,4	4 689,3	230,5	153,4
Образование	2,8	3,6	7,5	129,6	205,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	48,9	117,4	249,6	240,2	212,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	66,8	149,5	130,7	224,0	87,4

* Рассчитано по данным [3], на конец года, по полной учетной стоимости.

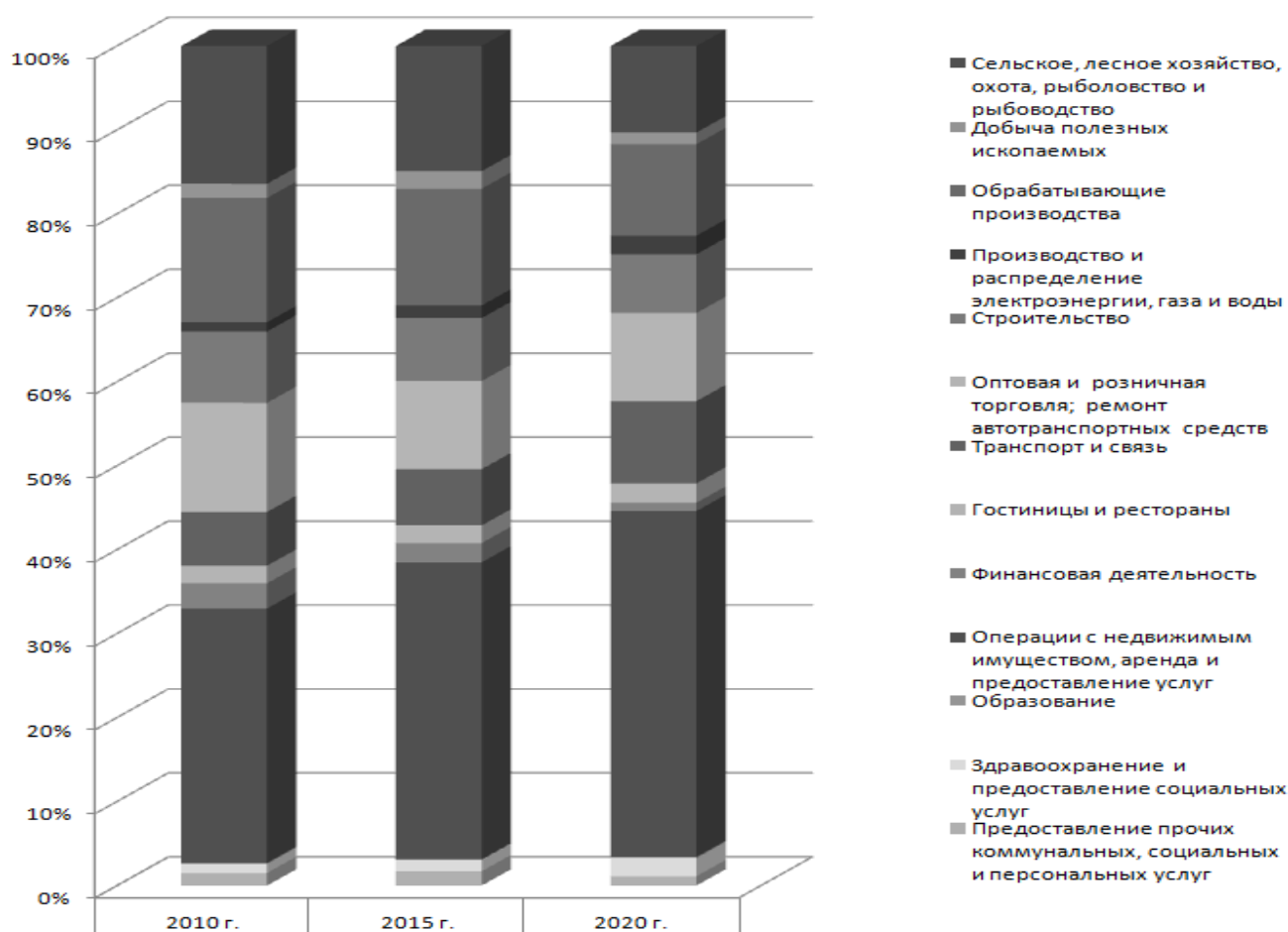

Рис. 2. Структура основных фондов субъектов МСП, %.
Рассчитано по данным [3], на конец года, по полной учетной стоимости.

Как свидетельствуют данные рис. 2, наиболее значительная доля основных фондов СМСП занята в сфере операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг: на протяжении рассматриваемого периода она выросла с 30,3 до 41,2 %. Доля ОФ сельского хозяйства снизилась с 16,4 % в 2010 г. до 10,3 % в 2020 г. Также снизилась доля ОФ обрабатывающих производств – с 14,8 % в 2010 г. до 10,9 % в 2020 г., и доля ОФ в торговле – с 13 % в 2010 г. до 10,5 % в 2020 г. Заметно выросла за последний пятилетний период доля основных фондов СМСП, занятых в сфере транспорта и связи.

Еще один важный показатель, характеризующий деятельность малого бизнеса, его способность к расширению производства – размер инвестиций в основной капитал.

Таблица 3

Динамика инвестиций в основной капитал СМСП по федеральным округам, млрд руб.*

Федеральные округа	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2015/2010, %	2020/2015, %
1	2	3	4	5	6
Российская Федерация	774,5	1 348,6	1 898,8	174,1	140,8
Центральный ФО	221,7	447,4	688,4	201,8	153,9
Северо-Западный ФО	95,3	136,7	234,6	143,4	171,7
Южный ФО + Крымский ФО	84,0	113,0	140,6	134,5	124,5
Северо-Кавказский ФО	18,1	49,1	67,6	271,3	137,8
Приволжский ФО	151,5	285,7	361,4	188,6	126,5
Уральский ФО	60,2	112,6	134,7	187,3	119,6
Сибирский ФО	113,2	140,0	149,6	123,6	106,8
Дальневосточный ФО	30,4	64,1	121,7	211,1	190,0

* Рассчитано по данным [3].

Как видно из данных таблицы 3, темпы инвестирования снизились: если в первый пятилетний период в целом по России объем инвестиций вырос в 1,74 раза, то за второй пятилетний период наблюдений – только в 1,4 раза. Лидером по темпам роста в первый пятилетний период был Северо-Кавказский ФО – инвестиции в основной капитал малого бизнеса этого региона выросли в 2,71 раза, но доля их в общем объеме незначительна – чуть меньше 3 %. Самый низкий прирост инвестиций – в Сибирском ФО: на 23,6 %.

За второй пятилетний период (2020 г. в сравнении с 2015 г.) по всем федеральным округам инвестиции также росли, но более скромными темпами. Наибольший рост инвестиций (171,7 % от уровня 2010 г.) произошел по Северо-Западному ФО, наименьший – вновь по Сибирскому ФО (106,8 %).

Как свидетельствуют данные рисунка 3, основной объем инвестиций приходится на СМСП Центрального ФО: в 2010 г. – 28,6 %, в 2015 г. – 33,2 %, в 2020 г. – 36,3 % от общего объема инвестиций предприятий малого бизнеса. Доля инвестиций в основной капитал СМСП Приволжского ФО на протяжении периода наблюдений составляет 19–21 %. Сибирский ФО в 2020 г. уступил третье место по объему инвестиций Северо-Западному ФО: 7,9 против 12,4 %.

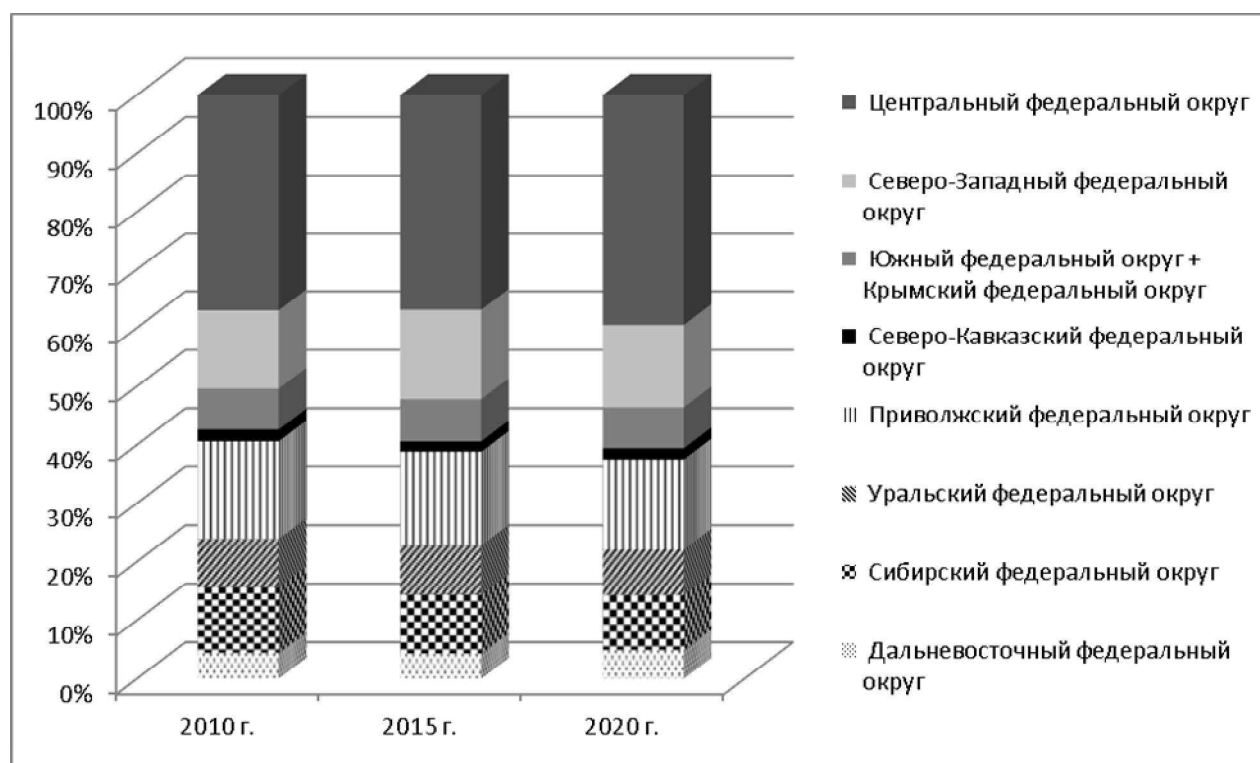

Рис. 3 Структура инвестиций в основной капитал субъектов МСП по федеральным округам, %. Рассчитано по данным [3]

Таблица 4

Динамика инвестиций в основной капитал субъектов МСП по видам деятельности, млрд руб. (рассчитано по данным [3])

Наименование вида экономической деятельности	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2015/2010, %	2020/2015, %
Всего по видам экономической деятельности	774,5	1 348,6	1 898,8	174,1	140,8
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	117,8	190,5	191,4	161,7	100,5
Добыча полезных ископаемых	26,2	53,7	30,3	205,3	56,3
Обрабатывающие производства	112,1	158,4	204,8	141,3	129,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,9	16,1	44,8	234,5	278,0
Строительство	108,0	309,4	334,8	286,6	108,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств	100,3	104,0	173,3	103,6	166,7
Транспорт и связь	44,8	63,3	207,5	141,1	327,9
Гостиницы и рестораны	14,2	19,4	25,8	136,6	133,1
Финансовая деятельность	21,7	27,1	33,8	125,1	124,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	202,2	378,6	611,0	187,2	161,4
Образование	0,4	0,38	0,79	92,4	204,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	9,8	11,8	27,1	120,1	230,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	9,9	16,0	13,3	160,9	83,4

Как свидетельствуют данные таблицы 4, за первый пятилетний период (2015 г. в сравнении с 2010 г.) инвестиции в основной капитал выросли по всем видам деятельности, за исключением образования (92,4 % от уровня 2010 г.) Наибольший рост – почти в 3 раза – продемонстрировало строительство.

За второй пятилетний период (2020 г. в сравнении с 2015 г.) инвестиции сократились лишь по двум видам деятельности, причем в сфере добычи полезных ископаемых на 43,7 %. Зато в сфере транспорта и связи инвестиции выросли в 3,3 раза, что вывело их на третье место по объемам инвестиций (10,9 % в общем итоге).

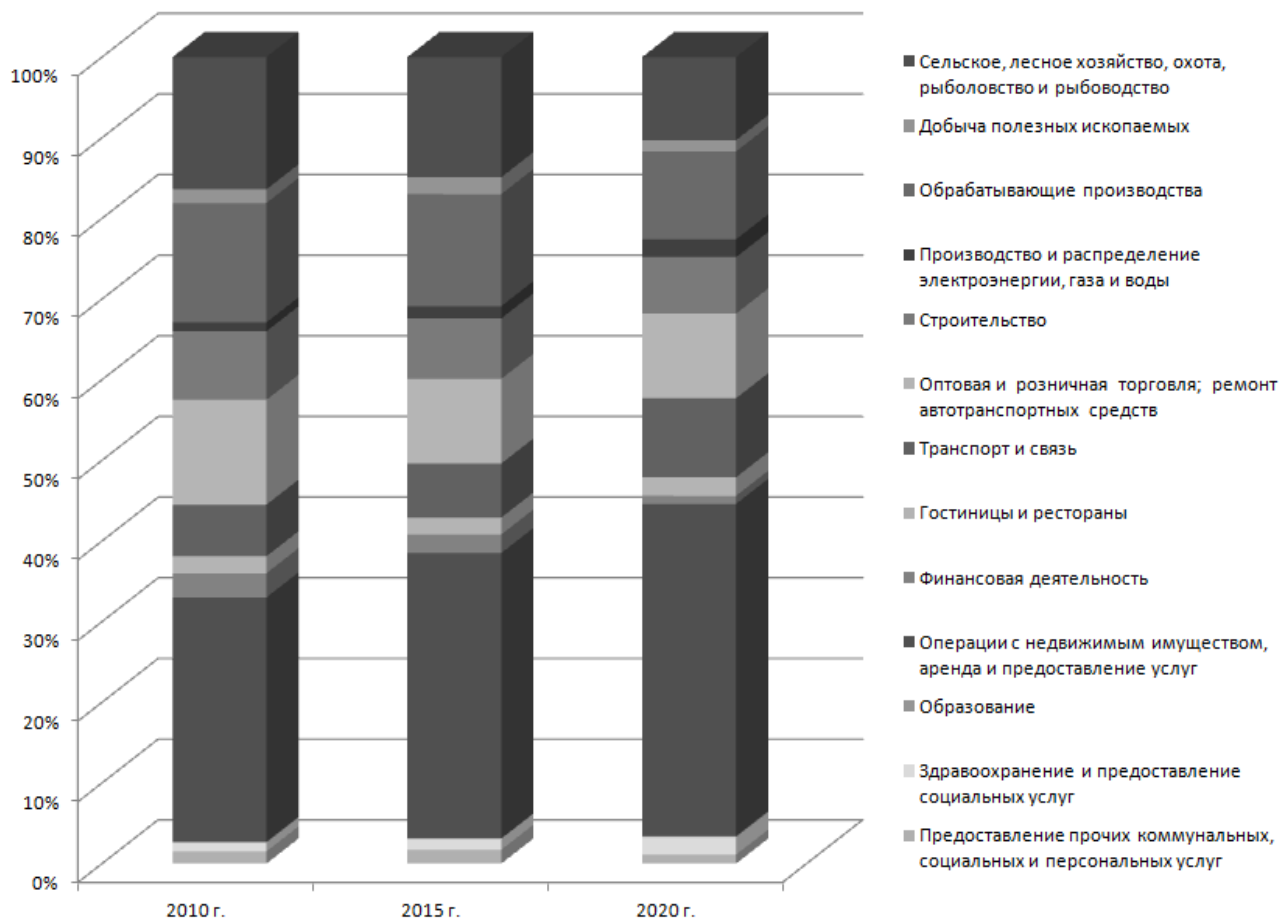

Рис. 4 Структура инвестиций в основной капитал субъектов МСП по видам деятельности, %.
 Рассчитано по данным [3]

Лидерами по объему инвестиции в течение наблюдаемого периода (как видно из рис. 4) оставались СМСП, занятые в сфере операций с недвижимым имуществом и аренды. Удельный вес их инвестиций в общем итоге вырос с 26,1 % в 2010 г. до 32,2 % в 2020 г. Инвестиции СМСП, занятых в сельском хозяйстве и рыболовстве, занимали второе место по объемам в 2010 г. [3], но в 2015 г. и 2020 г. уступили его строительному бизнесу. Третье место по объему инвестиций в 2010 г. принадлежало СМСП, осуществляющим деятельность в обрабатывающих производствах, в 2015 г. – СМСП, занятым в сфере сельского хозяйства.

Заключение

При анализе итогов третьей экономической переписи четко прослеживается замедление темпов роста стоимости основных фондов и инвестиций в основной капитал малого бизнеса, в первую очередь, вследствие сокращения количества СМСП. Которое, в свою очередь, было обусловлено негативным влиянием пандемии коронавируса COVID-19: падением спроса, простоями из-за жестких ограничительных мер, неадаптированностью к «цифровой экономике» [4].

Литература

1. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/687779>
2. Касимова Д.Ф., Касимов Т.С. Малый бизнес: анализ предварительных итогов экономической переписи 2020 г. // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 3. С. 104–112.
3. Сплошное статистическое наблюдение малого и среднего бизнеса за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020/
4. Bayguzina L., Galimova G., Nurdavlyatova E., Ponomareva L. Support and implementation of the government program in the agricultural sector for business entities subjects on the example of the Republic of Bashkortostan // E3S Web of Conferences 176, 05012 (2020) [Electronic resource]. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2020/36/e3sconf_idsisa2020_05012/e3sconf_idsisa2020_05012.html

Особая экономическая зона как драйвер производительности труда в регионе

Special Economic Zone as a Driver of Labor Productivity in the Region

М. САЗЫКИНА, Э. МАМЛЕЕВА,
Н. ТРОФИМОВА, Г. ШИРЯЕВА

Сазыкина Марина Юрьевна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона Института стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ). E-mail: sazykinamyu@isi-rb.ru

Мамлеева Эльвира Рашидовна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона ИСИ РБ. E-mail: mamleevaer@isi-rb.ru

Трофимова Наталья Владимировна, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона ИСИ РБ. E-mail: trofimovanv@isi-rb.ru

Ширяева Гульнара Филарисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Академии ВЭГУ. E-mail: shiryaevag@mail.ru

В статье анализируются показатели деятельности особых экономических зон (ОЭЗ) промышленно-производственного (ППТ) и технико-внедренческого типа (ТВТ) в РФ. Особый акцент сделан на анализе такого показателя как производительность труда по выручке, выявлены лидеры по данному показателю среди ОЭЗ ППТ и ОЭЗ ТВТ.

Ключевые слова: особая экономическая зона, производительность труда.

The article analyzes the performance indicators of special economic zones of industrial production and technology-innovative type in the Russian Federation. Particular emphasis is placed on the analysis of such an indicator as labor productivity in terms of revenue, the leaders in this indicator among the SEZs of the industrial-production type and the SEZs of the technical-innovative type are identified.

Key words: special economic zone, labor productivity.

Основные положения

1. Показатели, характеризующие состояние особых экономических зон Российской Федерации, в 2012–2020 гг. демонстрировали положительную динамику, что свидетельствует об их потенциале (как в условиях ухудшения внешнеэкономической ситуации 2014–2015 гг., так и в условиях кризисных явлений, вызванных пандемией коронавируса).
2. Значения показателя производительности труда по выручке в отдельных особых экономических зонах значительно превышают среднероссийские значения данного показателя, необходимо интегрировать и перенимать опыт ОЭЗ для повышения производительности труда российских предприятий.

Введение

Процессы трансформации российской экономики в условиях политической и экономической нестабильности заставляют искать новые подходы к развитию экономики региона. Традиционные методы управления социально-экономическим развитием региона показывают свою неэффективность и обуславливают необходимость использования новых инструментов.

В настоящее время перед Республикой Башкортостан стоят задачи формирования опоры на внутренние источники и резервы региональной экономической системы, а также обеспечения устойчивого развития экономики на основе новых механизмов экономического роста и возможностей для осуществления предпринимательской деятельности.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан».

Особые экономические зоны – социально значимый и стратегически важный институт во многих странах. Они доказали свою эффективность во многих странах: как в Азии, так и в Европе [3; 4]. ОЭЗ способствуют развитию экспорта и импортозамещению, повышению производительности труда на территориях, включенных в ОЭЗ, созданию рабочих мест для высококвалифицированного персонала.

В связи со сложной текущей внешнеполитической ситуацией данные задачи еще более остро встают перед регионами РФ.

Методы

В исследовании применялись методы сравнительного анализа социально-экономических процессов, обобщения и систематизации фактов, логические и исторические методы научного исследования.

Результаты

В Российской Федерации на сегодняшний день созданы и активно работают 42 ОЭЗ: 23 особые экономические зоны промышленно-производственного типа, 7 ОЭЗ технико-внедренческого типа, 10 ОЭЗ туристско-рекреационного типа, 2 портовые ОЭЗ.

Проанализируем основные показатели, характеризующие деятельность ОЭЗ (рис. 1).

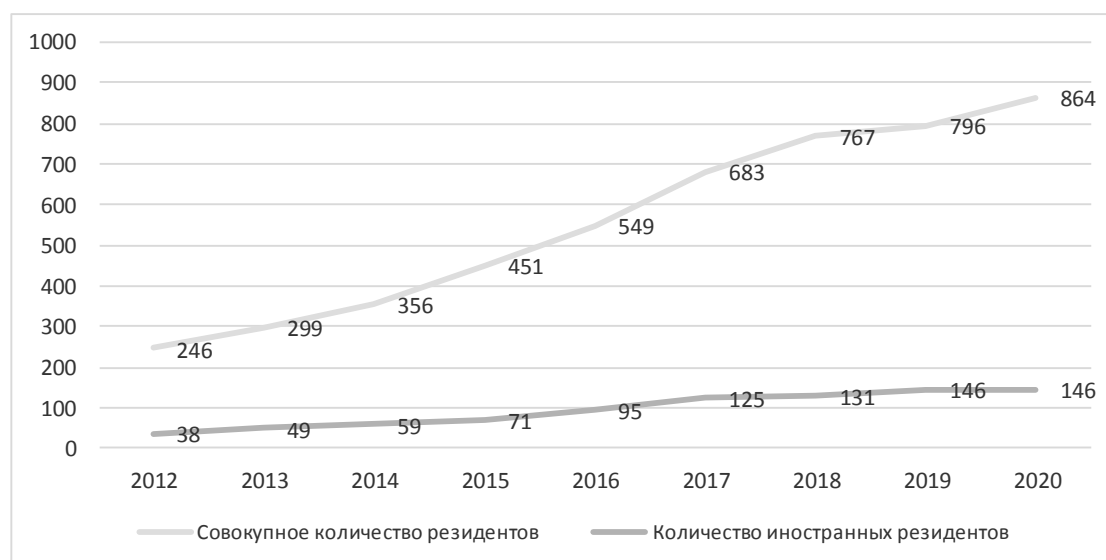

Рис. 1. Динамика количества резидентов ОЭЗ в РФ в 2012–2020 гг., ед. [1; 2].

По данным Министерства экономического развития России, на начало 2021 года на территориях ОЭЗ зарегистрировано 864 резидента. В том числе зарегистрировано 146 резидентов с участием иностранных инвесторов (16,9 % от общего числа) за период с начала функционирования ОЭЗ. Очевидно, что, несмотря на макроэкономическую нестабильность и внешнеполитические факторы (2015 г., 2020 г.), количество резидентов, в том числе иностранных, в российских ОЭЗ растет.

Выручка функционирующих ОЭЗ в исследуемом периоде выросла в 9,68 раза, при этом следует отметить, что в 2012–2013 гг. она выросла в 1,5 раза, в 2015–2016 гг. – более чем в 2 раза. В пандемийном 2020 году рост выручки резидентов ОЭЗ составил 21 % к 2019 году в среднем по России (рис. 2).

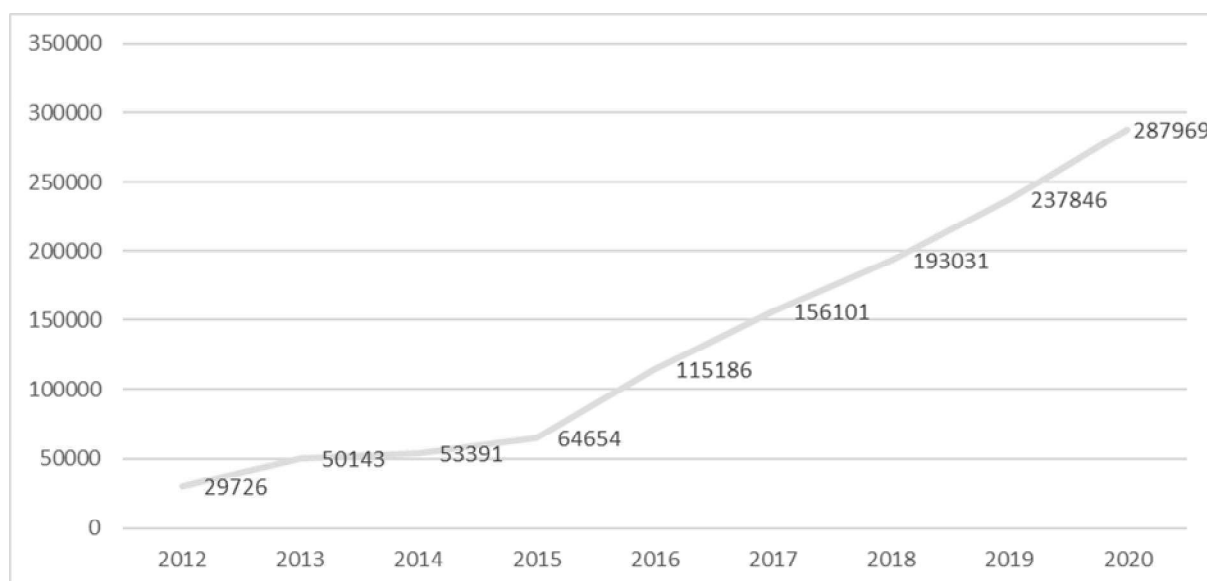

Рис. 2. Выручка резидентов ОЭЗ в 2012–2020 гг., млн руб. [1; 2].

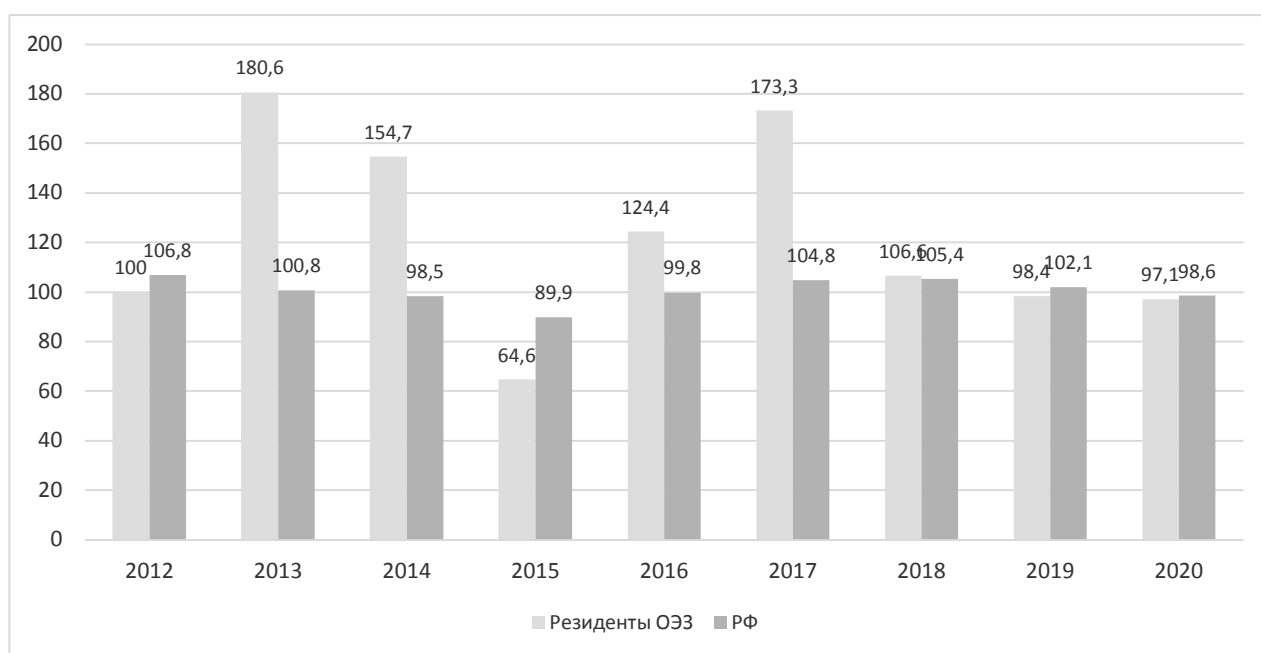

Рис. 3. Динамика частных инвестиций, % к предыдущему году [1; 2].

Динамика частных инвестиций в особых экономических зонах схожа с динамикой выручки предприятий-резидентов ОЭЗ, которые в определенной степени более чувствительны к изменению внешней экономической конъюнктуры, чем остальные российские предприятия, что отражается на сокращении объема инвестиций: так, в 2015 году объем инвестиций составил 64,6% к 2014 году. В 2016 году рост к 2015 году составил 124,4 %, что объясняется эффектом низкой базы предыдущего года, а также стабилизацией ситуации во внешней среде (рис. 3).

В исследуемом периоде число созданных рабочих мест в ОЭЗ возросло семикратно – с 6298 до 46205 человек, что, однако, составляет менее 1 % от общей численности занятых в Российской Федерации. Доля рабочих мест, созданных в особых экономических зонах, в общей численности занятых невелика, однако нужно учесть, что производительность труда, как важнейший показатель эффективности производства, в ОЭЗ выше, чем в среднем по России (рис. 4).

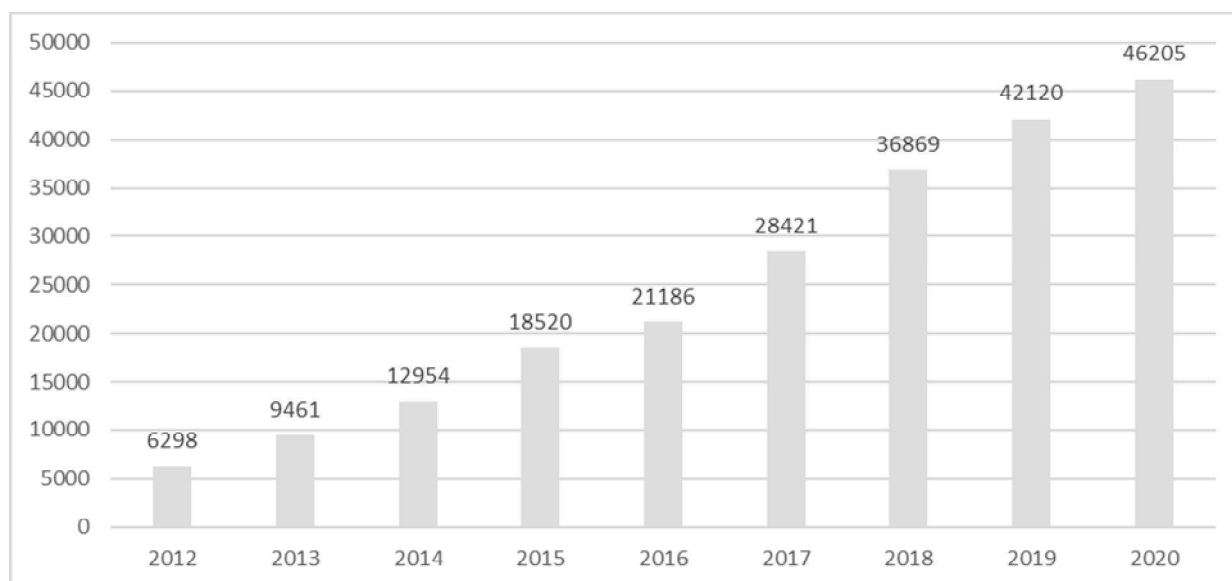

Рис. 4. Создание рабочих мест в ОЭЗ, ед. [1; 2].

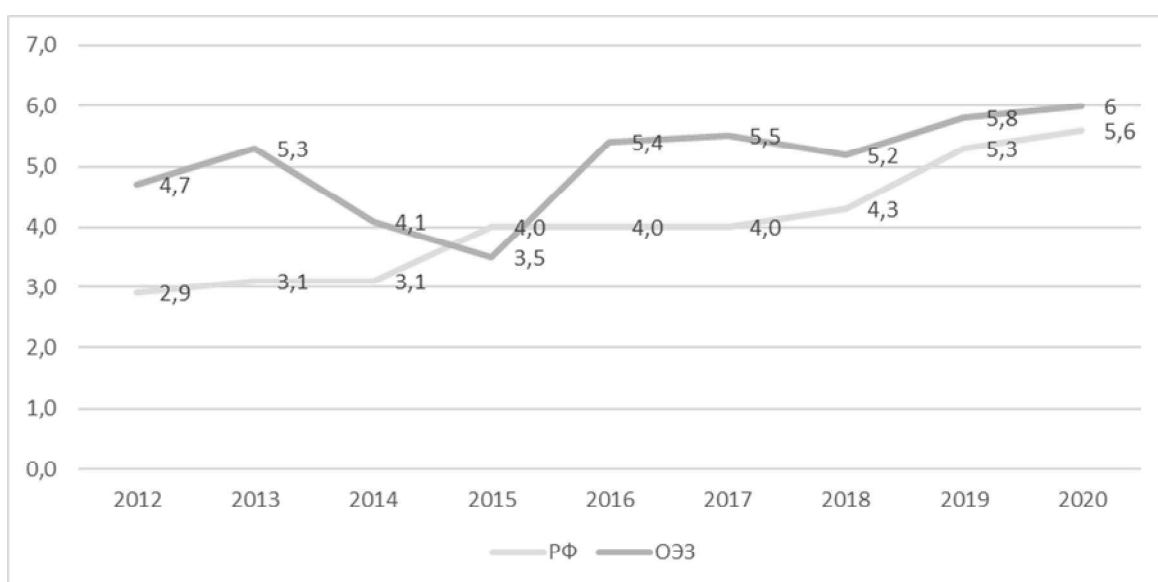

Рис. 5. Производительность труда по выручке в РФ и в особых экономических зонах, млн руб./чел. [1; 2].

Проанализировать производительность труда в особых экономических зонах возможно, используя показатель производительности труда по выручке (рис. 6). В исследуемом периоде производительность труда по выручке в целом по РФ поступательно растет, увеличившись с 2,9 млн руб./чел. в 2012 году до 5,6 млн руб./чел. в 2020 году, тогда как в ОЭЗ показатель значительно изменяется, сокращаясь в 2015 году до 3,5 млн руб./чел, что ниже показателя производительности труда в среднем по России на 0,5 млн руб./чел. в 2015 году. Этот факт может быть связан с антироссийскими санкциями, введенными в 2015 году, а также с резким снижением курса рубля к ведущим мировым валютам, что повлияло на объем экспорта предприятий-резидентов особых экономических зон России. Начиная с 2015 года, производительность труда по выручке в ОЭЗ выше, чем в РФ. Рассмотрим также, как менялся данный показатель в различных особых экономических зонах (рис. 6).

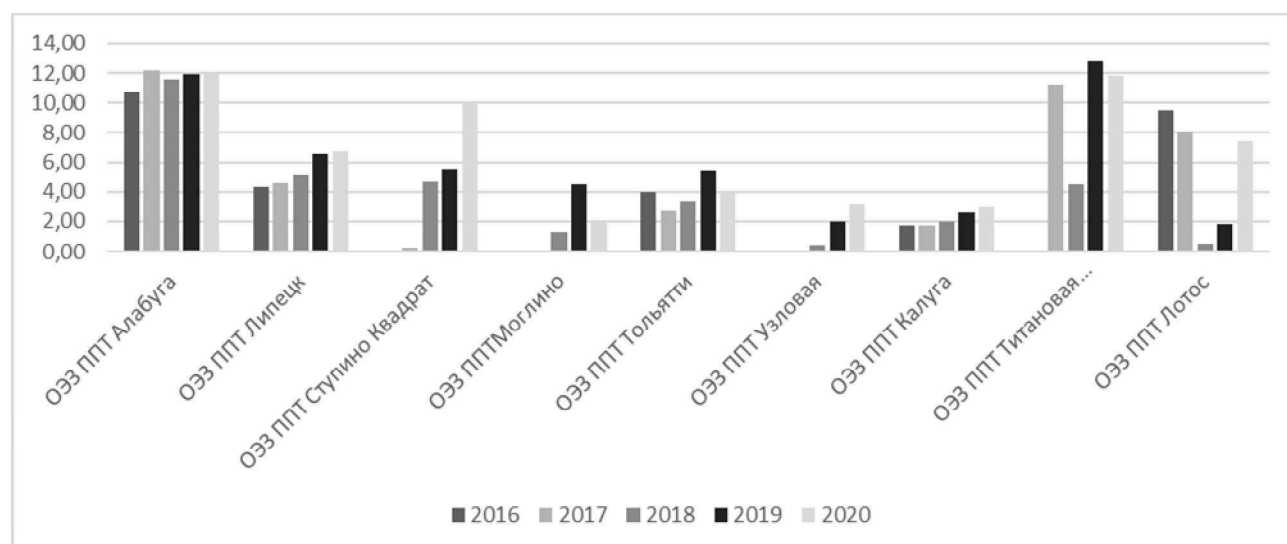

Рис. 6. Производительность труда по выручке в ведущих ОЭЗ ППТ в РФ, млн руб./чел. [1; 2].

Производительность труда в различных ОЭЗ значительно отличается. Так, например, лидером среди ОЭЗ ППТ является ОЭЗ «Алабуга», где производительность труда составила 12 млн руб./чел. в 2020 году, тогда как в ОЭЗ «Моглино» – 1,9 млн руб./чел.

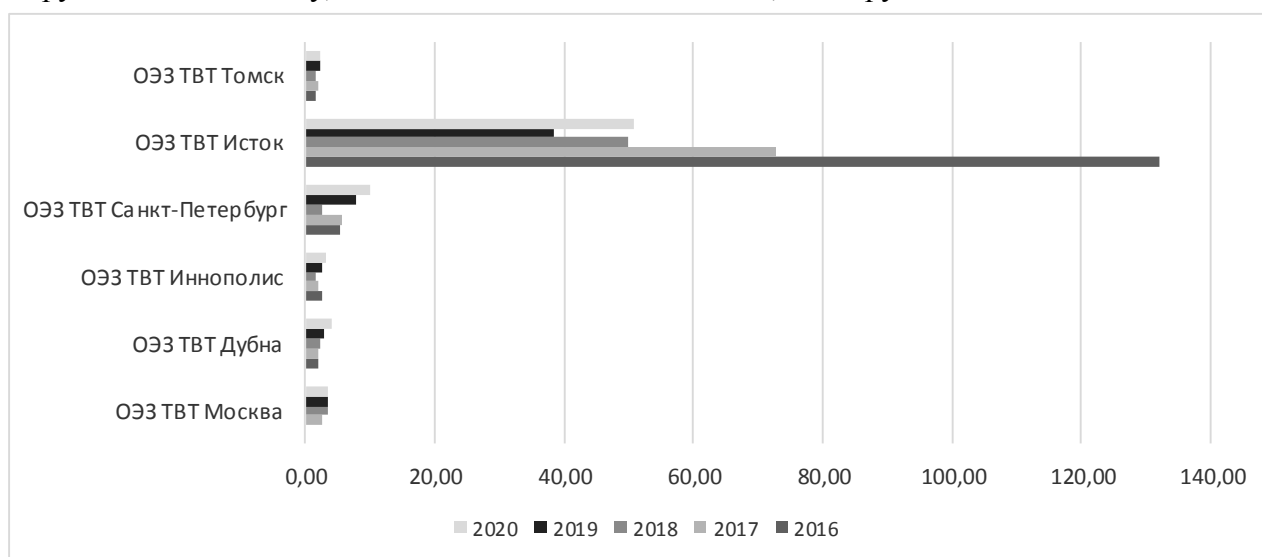

Рис. 7. Производительность труда по выручке в ведущих ОЭЗ ТВТ в РФ, млн руб./чел. [1; 2].

Среди особых экономических зон технико-внедренческого типа бесспорным лидером является ОЭЗ ТВТ «Исток», где производительность труда в 2020 году составила 50,7 млн руб./чел. Характерно, что не во всех особых экономических зонах производительность труда планомерно растет либо сохраняется на определенном уровне, что можно объяснить неравномерным развитием ОЭЗ: появлением новых резидентов, запуском новых производств, созданием рабочих мест (рис. 7).

Обсуждение

Очевидно, что особые экономические зоны демонстрируют прирост количества резидентов и числа занятых на производстве, также можно отметить высокие показатели производительности труда по выручке – как в особых экономических зонах промышленно-производственного типа, так и в зонах технико-внедренческого типа. При сохранении сложившихся

тенденций и необходимости преодоления новых внешнеполитических рисков особые экономические зоны в России могут стать точками роста производительности труда в регионах размещения.

Заключение

Особые экономические зоны выступают сложным многоаспектным явлением, определяющими чертами которого являются инновационный и глобальный характер. При этом можно выявить и локальное положительное влияние на региональное развитие.

Литература

1. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2021. М.: АКИТ РФ, 2021. 265 с.
2. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2020. М.: АКИТ РФ, 2020. 203 с.
3. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2019. М.: АКИТ РФ, 2019. 183 с.
4. Cizkowicz, Piotr; Cizkowicz-Pekala, Magda; Rzonca, Andrzej. The effects of special economic zones on employment and investment: a spatial panel modeling perspective // Journal of economic geography. 2017. Vol. 17. Issue 3. Pp. 571–605.

[DOI: 10.34773/EU.2022.4.8](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.8)

Перспективы имплементации ESG-моделей роста геопарков Республики Башкортостан: роль человеческого потенциала

Prospects for the Implementation of ESG Growth Models for Geoparks in the Republic of Bashkortostan: the Role of Human Potential

Н. ИШМУХАМЕТОВ

Ишмухаметов Наиль Салаватович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и регионального развития Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: IshmukhametovNS@bashedu.ru

В статье рассматриваются вопросы имплементации ESG-моделей роста как подготовительной стадии их реализации, необходимой для своевременного и всестороннего обеспечения геопарков эффективным набором экономических ресурсов. Предложено при проведении анализа ресурсного обеспечения человеческого потенциалом геопарков Республики Башкортостан опираться на сведения по муниципальным районам, на территориях которых расположены геопарки. Проблемы ресурсного обеспечения анализируются на примере условий развития человеческого потенциала местных сообществ, в частности, потенциала старших возрастных групп. Обсуждаются вопросы возникновения ошибочных управленческих решений, фундаментально значимых для развития человеческого потенциала, на разных уровнях экономической системы в контексте ESG-повестки, в том числе с точки зрения демографии.

Ключевые слова: ESG-модели роста, геопарк, человеческий потенциал, субъекты развития человеческого потенциала, социальная ответственность, местные сообщества, старшие возрастные группы.

The article discusses the implementation of ESG growth models as a preparatory stage of their implementation, necessary for timely and comprehensive provision of geoparks with an effective set of economic resources. It is suggested that when analyzing the resource provision of geoparks with human potential in the Republic of Bashkortostan, it is necessary to rely on information on municipal districts where geoparks are located. The problems of resource provision are analyzed by the example of conditions for the development of the human

potential of local communities, in particular, the potential of older age groups. The issues of the emergence of erroneous management decisions, fundamentally important for human development, at different levels of the economic system in the context of the ESG agenda, including from the point of view of demography, are discussed.

Keywords: *ESG-growth models, geopark, human potential, agents of human potential development, social responsibility, local communities, older age groups.*

Основные положения:

- геопарк в логике ESG-подхода есть определенное пространство развития, которое может быть комплексно проанализировано как экотерритория с геологическим компонентом, как территория с этнокультурным компонентом и человеческим потенциалом местного населения, а также как пространство переплетения корпоративного и государственного управления;
- в рамках ESG-подхода в отношении местного населения на территории геопарка должен подразумеваться приоритет социальной ответственности и защиты, на основе которого следует развивать экономические отношения с местными сообществами, привлекая местное население в качестве наемных работников, самозанятых или предпринимателей, а также как потребителей продукции геопарка;
- перспективы имплементации ESG-моделей роста новых геопарков связаны с решением стратегических вопросов оптимального ресурсного обеспечения, в том числе проблемы факторов и условий развития человеческого потенциала местных сообществ, включая население старших возрастов;
- по муниципальным районам, на территориях которых расположены геопарки, наблюдается влияние общероссийской тенденции, выраженной в постоянном сокращении численности работающих пенсионеров, как экономически активной части старших возрастных групп, которая, по сути, вымывается с рынка труда, что может усугублять проблему ресурсного обеспечения геопарков человеческим потенциалом;
- неадекватный уровень внимания к решению задач ESG и развитию человеческого потенциала объясняется не всегда своевременным и правильным пониманием тесных взаимосвязей между экономикой и другими сферами жизнедеятельности, что приводит к ошибкам в проводимой социально-экономической политике, причем последствия некоторых из них еще предстоит осознать, как, например, наибольшее по РФ сокращение численности рабочей силы, наблюдаемое в Приволжском федеральном округе.

Введение

Развитие геопарков способствует раскрытию разнообразного потенциала тех территорий, на которых они расположены, в том числе человеческого потенциала местного населения. В общепринятой логике ESG-подхода (Environmental, Social, Corporate Governance) к исследованию современных научно-практических проблем геопарк есть особая территория, пространство развития, для которого может быть разработана ESG-модель роста с включением факторов экологии, социальной ответственности и корпоративного управления.

Методы

Исследование проблем роста геопарков сквозь призму ESG-моделей требует привлечения междисциплинарного подхода при анализе экологических, социально-экономических и управленческих направлений развития территорий, в том числе в контексте глобальных целей устойчивого развития, выступающих предметом изучения многих гуманитарных дисциплин.

В части исследования человеческого потенциала применяется подход к анализу экономических отношений в рамках методологии системы разноуровневых субъектов, развиваемой в трудах Г.М. Россинской [9; 11], в частности, для анализа поведения агентов в системе субъектов развития человеческого потенциала, таких как домохозяйства и фирмы [5; 6; 10].

Результаты

Геопарк, если рассматривать его в логике ESG-подхода – как пространство развития, имеющее определенные границы, представляет собой с точки зрения методологии Деминга-Шухарта (цикл PDCA) объект планирования и управления, который может быть проанализирован по трем направлениям развития:

- направление E: как экотерритория с уникальным геологическим (гидрогеологическим) компонентом, с объектами особо охраняемых природных территорий;
- направление S: как территория с собственной историей, этнокультурным компонентом, социальным капиталом и человеческим потенциалом местного населения;
- направление G: как специфичное пространство переплетения корпоративного и государственного управления, в частности, в отношении предприятий геотуризма, агротуризма, спортивного туризма, экопарков, национальных природных парков и пр.

Отметим, что для бизнеса в направлении S принято выделять два поднаправления: «люди», как внутренняя S-повестка, направленная на поддержание благополучия работников фирмы, и «процветание», внешняя S-повестка, нацеленная на благополучие общества в той степени, в которой фирма способна на него влиять [13, 54].

Как отмечается на главной странице проекта геопарка Торатау (в Республике Башкортостан), «импульс и энергия развития геопарка – местное население, благодаря которому развивается партнерская сеть геопарка, объединяющая предпринимателей, активистов и экспертов со всего мира» [2]. В таком изложении перспектив развития геопарка прослеживается мысль, что местное население, в отношении которого в рамках ESG-подхода должна подразумеваться, прежде всего, социальная ответственность и защита, в действительности представляет интерес лишь как совокупность носителей человеческого потенциала, которые могут вступать в экономические отношения на территории геопарка в качестве наемных работников, самозанятых или предпринимателей. На наш взгляд, при построении ESG-моделей роста геопарков первоначально необходимо исходить из приоритетов принципа всеобъемлющей социальной ответственности в отношении местных сообществ, внутренней и внешней S-повестки.

В этой связи координаторам развития геопарков полезно было бы взглянуть на местные сообщества и с точки зрения их потребительского капитала, как накопленного опыта потребительского поведения: местное население должно быть включено в число потребителей продукции геопарка. Подобная инклюзия представителей местного населения в потребление товаров и услуг геопарка очень важна с точки зрения налаживания каналов обратной связи с местным сообществом, в особенности для мониторинга и разрешения возможных негативных внешних эффектов, которые могут возникать при появлении новых объектов туризма, специально оборудованных маршрутов, застраивании или других видах освоения территорий, когда это затрагивает интересы местных сообществ.

Под имплементацией ESG-моделей роста новых геопарков и, в частности, ее экономической составляющей предлагаем понимать подготовительную стадию реализации данных моделей, необходимую для своевременного и всестороннего обеспечения геопарков эффективным набором всех экономических ресурсов: природных, материальных, человеческих, с учетом ограниченности их взаимозаменяемости. Согласно информации, размещенной на портале Terra Bashkiriya [3], в Башкортостане на данный момент есть два геопарка. Геопарк «Торатау», площадью более 4000 кв. км, располагается на территории Ишимбайского, Стерлитамакского, Гафурьевского и Мелеузовского районов республики [2]. Геопарк «Янган-Тау», площадью 1774 кв. км, расположен на территории Салаватского района РБ [4].

Проблемы ресурсного обеспечения роста новых геопарков требуют разработки стратегических документов развития, где среди прочего необходим анализ факторов и условий развития человеческого потенциала местных сообществ. В рамках одной статьи невозможно осветить все возрастные группы носителей человеческого потенциала указанных муниципальных районов, поэтому рассмотрим доступную по ним информацию о старших возрастных группах, т.е. той части населения, которая зачастую обделяется вниманием в стратегиях развития человеческого потенциала. Это, на наш взгляд, совершенно неадекватно, поскольку люди старшего поколения незаменимы в деле наставничества, передачи опыта на предприятиях, а также в процессах передачи семейной культуры и ретрансляции человеческого потенциала подрастающему поколению в семейных домохозяйствах местных сообществ. Вместе с тем, именно старшие

возрастные группы в большей степени нуждаются как в социальном обслуживании, услугах здравоохранения [8, 29], так и в повышении финансовой грамотности, технической и личностной поддержке при освоении новых технологий в быту или в общении с различными организациями.

С точки зрения возможностей передачи опыта на предприятиях представляют интерес данные по численности работающих пенсионеров, т.е. той части старших возрастных групп, которая наиболее активна в экономическом плане. Из таблицы видно, что численность таковых перманентно сокращается, как и их доля в общей численности пенсионеров, что характерно для всех регионов страны ввиду отсутствия индексации пенсий работающим пенсионерам, оптимизации структуры занятых в бюджетной сфере, сокращения рабочих мест в корпоративном секторе.

Численность пенсионеров по муниципальным районам (территориям геопарков)

	2018	2019	2020
Численность пенсионеров по муниципальным районам			
Геопарк «Торатау»			
Ишимбайский	28161	27753	27273
Стерлитамакский	11602	11679	11726
Гафурийский	10356	10246	10086
Мелеузовский	25593	25532	25152
Геопарк «Янган-Тау»			
Салаватский	7647	7611	7446
Численность пенсионеров по старости по муниципальным районам			
Геопарк «Торатау»			
Ишимбайский	23291	22973	22577
Стерлитамакский	9574	9641	9658
Гафурийский	8103	8075	7983
Мелеузовский	21388	21310	21064
Геопарк «Янган-Тау»			
Салаватский	5937	5941	5842
Численность работающих пенсионеров по муниципальным районам			
Геопарк «Торатау»			
Ишимбайский	5140	4849	4455
Стерлитамакский	1930	1858	1683
Гафурийский	1310	1291	1250
Мелеузовский	4380	4219	3963
Геопарк «Янган-Тау»			
Салаватский	1135	1155	1072

Составлено автором по [12].

В абсолютном выражении наименьшее число работающих пенсионеров, как и общее число пенсионеров, из рассматриваемых муниципальных районов наблюдаем в Салаватском районе. Однако по показателю численности работающих пенсионеров относительно численности пенсионеров по старости наименьшая доля (15,7 % в 2020 году) отмечена в Гафурийском районе.

Негативные аспекты пенсионного обеспечения работающих пенсионеров заставляют их преждевременно покидать рынок труда, что с высокой долей вероятности будет усугублять проблему ресурсного обеспечения геопарков человеческим потенциалом, а также ухудшит условия его развития в связи с выпадающими доходами неработающих пенсионеров, увеличением доли затрат на услуги социального обслуживания и здравоохранения.

Очевиден тот факт, что близость геопарка «Торатау» к городам Стерлитамакско-Салаватского промышленного узла определяет более высокий, как по количеству, так и по качеству, уровень доступного человеческого потенциала, в том числе старших возрастных групп. Тем не менее, проблема обеспечения человеческим потенциалом остро стоит перед обоими

геопарками республики в силу самой идеи неординарного и во многом инновационного характера развития этих территорий, которое предстоит осуществить в долгосрочной перспективе.

Обсуждение

Принцип социальной ответственности становится значимым, начиная с этапов инвестиционной привлекательности проектов, и объединяется с другими критериями ESG-стандартов деятельности фирм [10], где социальный критерий измеряет отношение фирм не только к профессиональному развитию, здоровью и безопасности своих работников, но и к своим клиентам, партнерам, прочим стейкхолдерам с позиций соблюдения их прав, ответственности перед ними за качество товаров и услуг.

Человеческий потенциал является фундаментом всех видов человеческого капитала, будь то капитал образования в его интеллектуальном наполнении, или капитал здоровья, формируемый как запас психофизиологической устойчивости человека, равно как и другие компоненты нематериального богатства общества, обретающие свою ценность в системе экономических отношений. Современная экономика демонстрирует всё возрастающий интерес к человеку и его потенциальным возможностям участия в экономической жизни общества – будь то на стороне производства или потребления, в отношении отдельно взятых индивидов, малых и больших социальных групп или общества в целом.

Проявление человеческого потенциала в экономическом пространстве в виде рабочей силы наемных работников, человеческого капитала фирм, самозанятости, предпринимательской деятельности может создавать иллюзию, что этот актив с точки зрения его экономической ценности формируется и воспроизводится исключительно в бизнес-секторе, а цикл воспроизводства экономически значимых компонентов человеческого потенциала самодостаточным образом замкнут в сфере производства. В соответствии с подобной логикой есть некая неэкономическая «параллельная вселенная» человеческого потенциала за пределами бизнес-сектора, не связанная с экономикой, функционирующая по другим законам и потому не требующая внимания экономистов.

Это, на наш взгляд, может приводить к логическим ошибкам при выработке управленческих решений на разных уровнях экономической системы, когда происходит разрыв, во-первых, в понимании логических взаимосвязей между экономической и другими сферами жизнедеятельности, а во-вторых, в осмыслении проявления этих взаимосвязей в практической плоскости – прежде всего, в проводимой социально-экономической политике. Последствия подобных ошибок можно видеть, когда, к примеру, вопросы поддержки старших возрастных групп либо отраслей социальной сферы, фундаментально значимых для развития человеческого потенциала, решаются по остаточному принципу, или же предпринимаются попытки решить проблемы демографии исключительно финансовыми инструментами.

Говоря о неравномерном характере изменений в размерах и возрастных составах трудовых ресурсов различных территорий РФ за период 2017–2021 гг., эксперты Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала НИУ ВШЭ отмечают наибольшее сокращение численности рабочей силы именно по Приволжскому федеральному округу (около 470 тыс. чел. из 935 тыс. чел. по стране в целом) [7, 3], что говорит о существенном дисбалансе в возможностях развития человеческого потенциала регионов ПФО – важнейшего звена хозяйственного развития России. Результаты расчета перспективной численности рабочей силы показывают, что «наибольшая убыль ожидается в регионах Приволжья» [7, 7]. В этих обстоятельствах не лишено смысла обсуждение изменений во внутренней миграционной политике РФ с корректировкой миграционных приоритетов, прежде всего, для повышения привлекательности регионов ПФО, что, конечно же, является нетривиальной задачей в свете того, что ПФО в целом является донором трудовых ресурсов для других федеральных округов страны. По всей видимости, назревает необходимость учреждения для регионов Приволжья нового института устойчивого человеческого развития во главе с координирующей организацией, аналогичной Агентству по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике. В условиях

усиления межрегиональной конкуренции за человеческий потенциал данная организация в рамках своих компетенций обеспечивает, в частности, выполнение таких задач, как содействие в привлечении и закреплении жителей Дальневосточного федерального округа, участие в реализации программ «Дальневосточный гектар», «Дальневосточная ипотека» [1].

Заключение

Представленный в статье анализ проблем ESG-факторов и человеческого потенциала, имеющих отношение к развитию территорий геопарков Республики Башкортостан, свидетельствует о необходимости повышения внимания к решению задач социальной ответственности и защиты на уровне семейных домохозяйств местных сообществ, включая население старших возрастов, в том числе путем привлечения местного населения к деятельности внутри геопарков в качестве сотрудников компаний-резидентов, самозанятых, либо предпринимателей. Вместе с тем, местное население должно быть включено в число потребителей продукции геопарков, поскольку не менее важно увеличение их потребительского капитала, накопленного опыта потребительского поведения, в том числе для налаживания каналов обратной связи с местным сообществом, мониторинга возможных экстерналий при освоении территорий геопарков.

Перспективы имплементации ESG-моделей роста новых геопарков как экотерриторий мирового уровня связаны с решением стратегических вопросов оптимального ресурсного обеспечения, в том числе ресурсов человеческого потенциала местных сообществ, что требует серьезного анализа потенциала населения, проживающего в муниципальных районах, на территориях которых расположены геопарки, а также в наиболее важных для развития геопарков районах и городах, непосредственно граничащих с ними.

Литература

1. АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике» / Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/about/podvedomstvennyye-organizatsii/organizacii/hcfe.php>
2. Геопарк Торатау – официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://geopark-toratau.ru/>
3. Геопарки Башкортостана – ТерраБашкирия [Электронный ресурс]. URL: <https://terrabashkiria.ru/category/turizm/dostupnyj-ural/geoparki-bashkortostana/>
4. Глобальный геопарк ЮНЕСКО Янган-Тау [Электронный ресурс]. URL: <https://geopark-yangantau.ru/>
5. Ишмухаметов Н.С. Домохозяйство как базовый субъект развития человеческого потенциала на микроуровне // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 5. С. 152–157.
6. Ишмухаметов Н.С., Россинская Г.М., Ибрагимова З.Ф. Региональные факторы социально-экономической дифференциации домохозяйств в условиях цифровизации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2. С. 78–85.
7. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России / Научный дайджест. 2022. № 5 (10) [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/30/1872644620/Human_Capital_NCMU_Digest_10_Demographic..Ssupply_in_Russian_Regions_2022.pdf
8. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / Бирюкова С.С. и др.; под ред. Я.И. Кузьминова, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 63 с.
9. Россинская Г.М., Ишмухаметов Н.С. Роль домохозяйств в развитии человеческого потенциала в новых условиях: взаимодействие экономических и неэкономических факторов // Междисциплинарный подход к исследованию современных социально-экономических процессов: сб. науч. тр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 20–26.

10. Россинская Г.М., Ишмухаметов Н.С., Шайхалиев А.Ф. Пандемия как триггер развития ESG-принципов в деятельности фирмы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 2. С. 14–20.

11. Социально-экономическая дифференциация домохозяйств в России: состояние, факторы, динамика: монография / Г.М. Россинская [и др.] / под общ. ред. Г.М. Россинской. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 168 с.

12. Уровень жизни населения Республика Башкортостан: статистический сборник / Башкортостанстат. Уфа, 2021. 93 с.

13. ESG: три буквы, которые меняют мир: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / под науч. ред. К.И. Головщинского. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 138 с.

DOI: 10.34773/EU.2022.4.9

Инвестиции в основной капитал в анализе социально-экономического развития региона

Investments in Fixed Assets in the Analysis of Socio-Economic Development of the Region

Г. ЯПАРОВА-АБДУЛХАЛИКОВА

Япарова-Абдулхаликова Гузель Инберовна, старший преподаватель кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: iaparova@mail.ru

В статье анализируется показатель инвестиций в основной капитал, являющийся одним из факторов социально-экономического развития территории. В ПФО традиционно лидером по этому показателю выступает Республика Татарстан. Выявлено, что в 2020 году некоторые регионы ухудшили свои показатели несмотря на то, что ранее демонстрировали положительную динамику.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал, социально-экономическое развитие, валовой региональный продукт.

The article analyzes the indicator of investments in fixed assets, which is one of the factors of socio-economic development of the territory. The Republic of Tatarstan is traditionally the leader in the Volga Federal District. It was revealed that in 2020, some regions worsened their indicators despite the fact that they had previously demonstrated positive dynamics.

Key words: investment in fixed assets, socio-economic development, gross regional product.

Основные положения

Инвестиции в основной капитал являются одним из основных факторов динамики макроэкономических показателей, следовательно, социально-экономического развития территории.

Введение

В современных условиях важное значение для развития региона имеет объем инвестиций в основной капитал.

Согласно Большому экономическому словарю, под инвестициями понимается совокупность затрат, реализуемых в форме долгосрочных вложений капитала в промышленность, сельское хозяйство, транспорт и другие отрасли хозяйства. Инвестиции в основной капитал подразумевают приобретение фирмами вновь произведенных капитальных благ, к числу которых относятся, например, производственное оборудование, новые производственные здания, сооружения и т.д. [2].

Благодаря инвестициям расширяются производственные возможности, осуществляется воспроизводство основных фондов, участвующих в производстве продукта, внедряются достижения научно-технического прогресса, повышается качество и конкурентоспособность выпускаемой продукции, в свою очередь, это способствует социально-экономическому развитию региона и, в конечном итоге, повышению благосостояния населения. Инвестиции обычно осуществляются в те регионы, которые являются наиболее привлекательными, имеют богатые запасы природных ресурсов, тем самым социально-экономическое положение таких регионов еще более улучшается.

Наиболее важными и ценными являются реальные инвестиции, так как именно они связаны с приобретением реальных активов в долгосрочном аспекте, направлены на внедрение в производство новых технологий, повышение уровня квалификации работников и, в конечном счете, способствуют повышению ВВП.

Изучению влияния инвестиций в основной капитал на социально-экономическое развитие региона посвящено достаточное количество работ. Проблема факторов экономического роста, государственное регулирование инвестиционной деятельности интересовали классиков экономической теории: К. Маркса, А. Маршала, Дж. Кейнса, В. Леонтьева и др. К современным исследователям можно отнести Е.Т. Гайдара, В.В. Коссова, А.Я. Лившица, Л.И. Абалкина, С.Ю. Глазьева, Н.И. Климову, В.Г. Беляничева, А.Ф. Савдерову и др.

Целью исследования является анализ инвестиций в основной капитал в Приволжском федеральном округе, а также их влияния на социально-экономическое развитие региона.

Методы

Методологической базой исследования являются общенаучные и специальные методы (индукции и дедукции, анализа и синтеза, сравнительный метод, статистические методы и др.)

Для анализа использовались данные Федеральной службы государственной статистики.

Результаты

Приволжский федеральный округ является одним из важнейших индустриально-аграрных округов в Российской Федерации. В округе функционируют сотни предприятий, которые формируют ВВП страны. Доля ВРП округа в ВВП России составляет около 15 %.

Наибольший вклад в формирование ВВП страны вносят Республики Татарстан и Башкортостан, Нижегородская и Самарская области, а также Пермский край – от 1,5 до 2,8 %. [4]

Уровень экономического развития округа во многом определяется инвестиционной деятельностью.

Проанализируем уровень инвестиций в основной капитал регионов Приволжского федерального округа (рис. 1).

Так, их динамика по регионам представляется неоднозначной.

Наиболее высокие темпы роста инвестиций в округе наблюдались в период с 2005 по 2007 годы. В последующие годы на такие темпы роста выйти еще не удавалось. Хотя в 2008, 2010–2013 годы темпы прироста инвестиций в основной капитал также были положительными и составляли от 6,9 до 10,1 %.

Традиционно самый большой объем инвестиций аккумулируется в Республике Татарстан: на ее долю приходится от 20 до 25 % всех инвестиций в основной капитал, осуществляемых в ПФО. Напротив, самые меньшие объемы инвестиций отмечаются в Республике Марий Эл (чуть более 1 %). В целом по ПФО за 2005–2020 годы инвестиции увеличивались в среднем на 10,6 % ежегодно. Наиболее высокие средние темпы роста (более 12 % прироста в среднем) за указанный период наблюдались в Нижегородской, Пензенской и Ульяновской областях, а наименьший (7,6 %) – в Республике Мордовия. Объемы инвестирования по отдельным регионам существенно различались. Положительная динамика показателя отражает благоприятные тенденции в инвестиционной деятельности регионов. Прогрессу способствовали различные факторы, например, реализация крупных инвестиционных проектов в ключевых видах деятельности.

При этом необходимо отметить, что в целом в ПФО с 2014 года начался спад объемов инвестиций в основной капитал, который продолжался до 2017 года. К основным причинам такого сокращения инвестиций можно отнести введение санкций, достаточно ограниченные условия кредитования, ухудшение инвестиционного климата, что явилось результатом политической и макроэкономической нестабильности. В 2017–2018 годах темпы снижения инвестиций замедлились, а в 2019 году половина всех регионов округа уже продемонстрировала положительные темпы роста инвестиций. Однако ограничения, связанные с коронавирусной инфекцией, вновь негативным образом отразились на динамике инвестиций в основной капитал. Так, самый высокий темп прироста инвестиций в основной капитал в 2020 году продемонстрировали Республика Марий Эл и Нижегородская область, в 2019 году – Республика Башкортостан (19,0 %), а в 2018 году – Оренбургская и Пензенская области (13,0 и 19,2 %, соответственно).

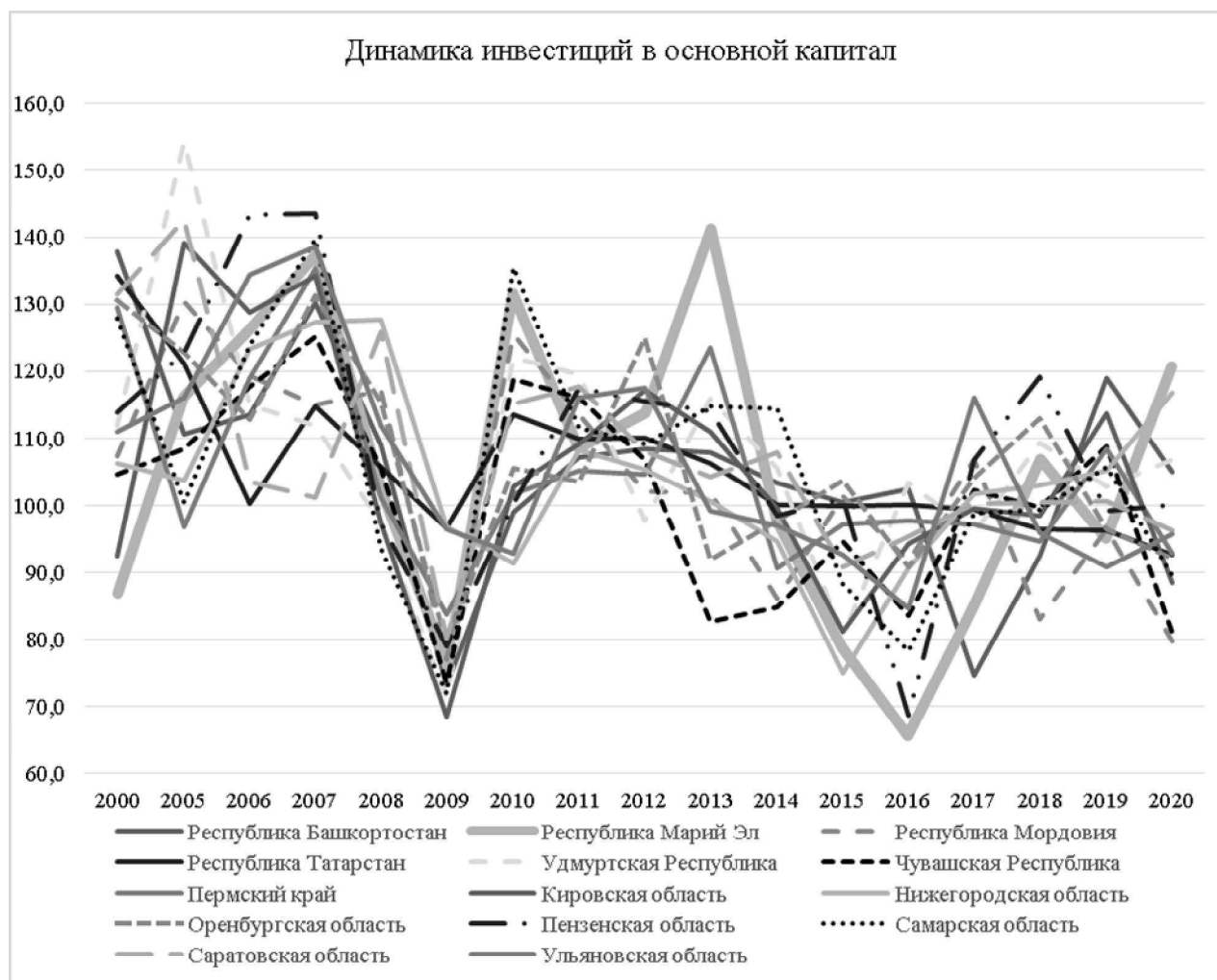

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал по регионам ПФО [4].

Основным источником финансирования инвестиций в округе по-прежнему остаются собственные средства. При этом их доля в общей структуре инвестиций в основной капитал по источникам финансирования имеет тенденцию к росту (61,7 % в 2020 году против 48,6 % в 2012 году), т.е. предприятия надеются на собственные ресурсы. В разрезе субъектов округа лидерами по привлечению инвестиций за счет собственных средств являются Пермский край, Удмуртская Республика и Оренбургская область. По мнению [3], такая ситуация характеризует уменьшение рыночного пространства, когда рыночным механизмам перераспределения инвестиционных ресурсов не придают должного значения. Исходя из структуры привлеченных средств, видно, что предприятия более чем половины регионов округа рассчитывают на средства из федерального

бюджета. При распределении инвестиций по формам собственности видно, что наибольшая доля приходится на российскую – до 88,9 %. При этом в Удмуртской Республике, Пермском крае, Оренбургском и Пензенской областях около трех четвертей составляют частные инвестиции, тогда как в Республике Татарстан и Нижегородской области на них приходится меньше – всего около 59 %. Но именно эти регионы привлекают большую часть иностранных и совместных инвестиций (15,9 % и 14,0 %, соответственно). При рассмотрении показателя инвестиций в основной капитал на душу населения виден сильный разброс показателя. В лидерах – Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская и Оренбургская области, минимум – в Чувашской Республике. Динамика данного показателя также неоднозначна. С 2014 года началось некоторое снижение показателя (от 1 до 11 %) – замедление инвестиционной активности было вызвано санкциями и антисанкциями [4].

Таким образом, несмотря на сложные условия, в регионах округа стараются поддерживать инвестиционную активность, реализуя различные инвестиционные проекты в ключевых видах деятельности.

В целом, экономическое развитие Приволжского федерального округа отражает тенденции в развитии экономики России.

Покажем, как объем инвестиций в основной капитал повлиял на величину ВРП регионов и округа в целом.

Для этого рассчитаем коэффициент детерминации (R-квадрат).

По итогам расчетов уравнение регрессии имеет вид:

$$Y = 4,2492x + 137564,$$

где Y – валовой региональный продукт, x – объем инвестиций в основной капитал.

Критерий Фишера – 521,8753424 – говорит о том, что уравнение регрессии статистически значимо, его можно использовать как для анализа данных, так и для прогнозирования.

t-критерий – 22,8445911 – больше табличного значения, что говорит о значимости факторного признака (инвестиции в основной капитал).

Графически связь между факторами можно представить следующим образом (рис. 2).

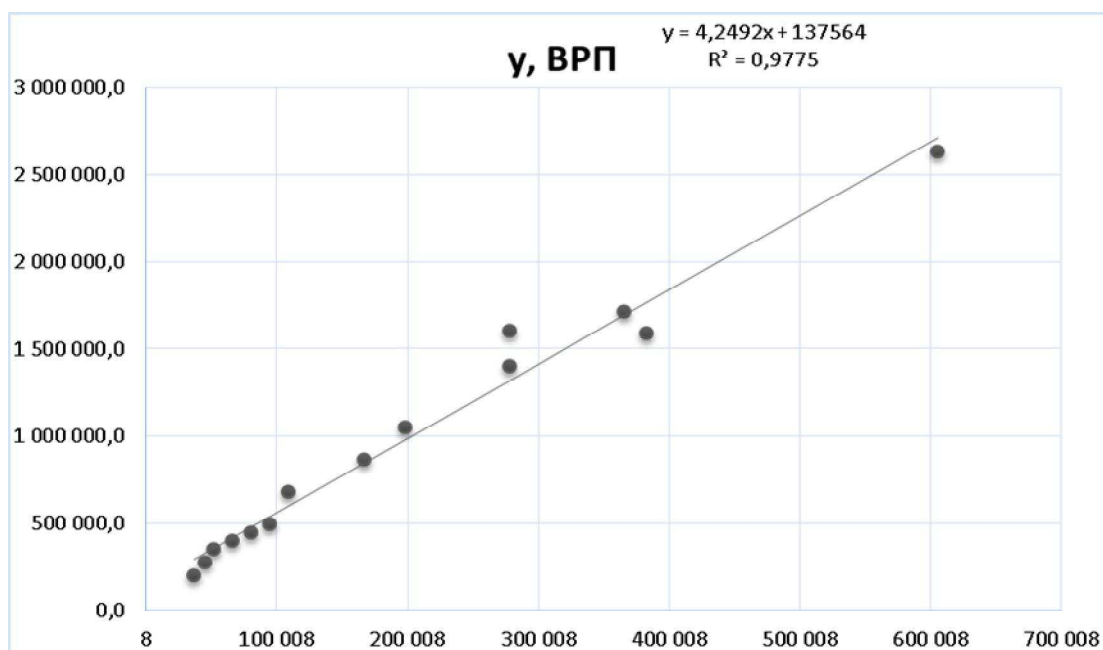

Рис. 2. Связь между инвестициями в основной капитал и валовым региональным продуктом (по данным Росстата, 2020 г.)

Значение коэффициента ($R^2 = 0,9775$) говорит о положительной корреляционной связи между инвестициями в основной капитал и валовым региональным продуктом.

Таким образом, инвестиции являются важнейшим фактором, влияющим на динамику макроэкономических показателей (в частности, положительные темпы роста ВРП), следовательно, социально-экономическое развитие округа зависит от активной инвестиционной деятельности. Необходимо отметить, что экономическая эффективность инвестиций в основной капитал за 2010-2020 годы нестабильна и составляет от 0,284 в 2019 году до 0,788 в 2011 году. При этом в 2020 году эффективность инвестиций в целом по округу была отрицательной (-0,157), что было обусловлено снижением уровня ВРП в 2020 году по сравнению с 2019 годом. На изменение показателя по отдельным регионам повлияли различные факторы: замедление инвестиционной активности хозяйствующих субъектов, проводимая социальная и экономическая политика, условия для привлечения инвестиций, совершенствование налоговой системы на региональном уровне, степень совершенства региональной инвестиционной инфраструктуры и др. О необходимости увеличения инвестиций говорят и цифры износа основного капитала – коэффициент износа неуклонно увеличивается, и к 2020 году по данным статистики в целом по округу он составил 59,3 %, в отдельных регионах изношенность фондов доходит до 68,1 % (Республика Марий Эл и Удмуртская Республика), при этом удельный вес полностью изношенных основных фондов составляет 27,9 % (в Удмуртской Республике – 38,8 %), что выше среднероссийских показателей на 7,2 %. Коэффициент обновления фондов в Приволжском федеральном округе – один из самых низких, 6,9 % против 7,9 % (среднероссийский показатель) [4]. Состояние фондов влияет на эффективность их использования. Так, показатель фондоотдачи за этот период был нестабильным, и в 2020 году по сравнению с 2010 годом снизился в среднем на 5,5%. Наиболее сильное снижение фондоотдачи за этот период произошло в Республике Марий Эл и Пермском крае – до 7,3 %. При этом стоимость основных фондов по остаточной стоимости на конец года в Пермском крае превышает стоимость фондов в Республике Марий Эл в 6,4 раза. Край является одним из высокоразвитых регионов страны, где ведущими отраслями являются обрабатывающие производства и добыча полезных ископаемых.

Обсуждение

Для регионов Приволжского федерального округа, таким образом, характерна дифференциация по уровню инвестиций в основной капитал. Инвестиционная активность хозяйствующих агентов – невысокая. Доля инвестиций в основной капитал за анализируемый период в целом характеризуется отрицательной динамикой – среднегодовой темп снижения составил 2,1%. Однако наблюдается рост инвестиций в основной капитал в таких видах деятельности, как обрабатывающие производства; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность профессиональная, научная и техническая и др.

К причинам невысокой инвестиционной привлекательности можно отнести неудовлетворительное состояние основных производственных фондов, что, в свою очередь, является сдерживающим фактором обновления собственного производства и увеличения внутренних источников финансирования. В финансировании инвестиций очень мало представлены кредиты банков и инвестиционно-кредитная активность других организаций (9,4 %). В ограниченном масштабе для формирования инвестиционного капитала используются сбережения населения. Тем не менее, в 2021 году Башкортостан, Татарстан, Самарская и Нижегородская области вошли в топ-10 Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [1].

Заключение

Таким образом, для успешного экономического развития регионов округа необходимо активизировать инвестиционную деятельность, стимулировать привлечение внешних инвестиций, в том числе со смешанным участием, осуществлять государственную поддержку и разработать систему мотивации для осуществления частных инвестиций.

Литература

1. Агентство стратегических инициатив / Официальный сайт [Электронный ресурс]: URL: https://asi.ru/government_officials/rating/
2. Большой экономический словарь: 25000 терминов / под ред. А.Н. Азрилияна. Изд. 6-е, доп. М.: Институт новой экономики, 2004. 1376 с.
3. Новиков А.В. Финансирование инвестиций в основной капитал как драйвер роста экономики России и ее регионов // Сибирская финансовая школа. 2021. № 4 (октябрь-декабрь). С. 3–10.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]: URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

DOI: [10.34773/EU.2022.4.10](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.10)

Об итогах исполнения бюджета Ульяновской области за 2021 год

On the Results of Budget Execution Ulyanovsk Region for 2021

Н. ШИРЯЕВА

Ширяева Наталья Викторовна, канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой финансов и кредита Ульяновского государственного университета. E-mail: n.shiryaeva2012@yandex.ru

Стратегическим направлением деятельности Минфина Ульяновской области считается достижение равновесия бюджетной системы региона и обеспечение ее эффективного развития. Формирование доходной базы, более рациональное использование бюджетных средств, усовершенствование межбюджетных отношений, поддержание безопасного уровня долговой нагрузки, прозрачность и открытость бюджетного процесса, вовлечение граждан в управление общественными финансами, а также цифровизация бюджетного процесса региона позволяют достичь поставленных задач.

Ключевые слова: доходы и расходы областного бюджета, консолидированный бюджет Ульяновской области, долговая нагрузка.

The strategic direction of the Ministry of Finance of the Ulyanovsk region is considered to be the achievement of balance and an effectively developing budget system of the region. Formation of the revenue base, more rational use of budget funds, improvement of inter-budgetary relations, maintenance of a safe level of debt burden, transparency and openness of the budget process, involvement of citizens in the management of public finances, as well as digitalization of the budget process of the region allows to achieve the objectives.

Key words: revenues and expenditures of the regional budget, consolidated budget of the Ulyanovsk region, debt burden.

Основные положения

1. Развитие доходной базы региона, обеспечение стабильности налоговых поступлений в бюджет Ульяновской области.
2. Повышение эффективности использования бюджетных средств Ульяновской области.
3. Обеспечение безопасного уровня долговой нагрузки региона.

Введение

Ведение оптимального процесса управления муниципальными финансами сопровождается «ростом прозрачности деятельности муниципальных органов в ходе реализации бюджетного процесса» [2]. Эффективная реализация бюджетной политики и рост налогового потенциала Ульяновской области считаются приоритетными условиями для достижения сбалансированности и

устойчивости бюджетной системы. Устойчивое наращение доходов областного бюджета и бюджетов муниципальных образований Ульяновской области, урезание обязательств в 2021 г. сопровождались проведением процедур, направленных на вскрытие источников наращивания доходов, выстраивание эффективной работы с крупнейшими налогоплательщиками региона, а также улучшение межведомственного взаимодействия, сокращение неформальной занятости и легализацию заработной платы в рыночном секторе экономики, совершенствование налогового законодательства, предоставление налоговых льгот.

Методы

В ходе проведения данного исследования были использованы общелогические методы познания (анализ и синтез, обобщение), а также общенаучные методы (описание, измерение) [3].

Результаты

2021 год стал переходным периодом при ожидаемом восстановлении экономической активности после ее снижения в 2020 г. Ульяновской области удалось достичь роста доходов консолидированного бюджета региона в 2021 г. на 13 % или более чем на 7 млрд руб., при этом абсолютный объем бюджета составил 63351,2 млн руб. Размер совокупных доходов областного бюджета достиг 53073,2 млн руб. или 112,4 % (+5850,6 млн руб.) к доходам 2020 года. По аналогичному сценарию развивалась ситуация и в муниципалитетах Ульяновской области.

Наивысшую долю поступлений в бюджет региона – 31,2 % – обеспечил налог на доходы физических лиц. Объем данных поступлений составил 19747,6 млн руб., увеличение – 111,2 % к поступлениям за 2020 год.

Вторым источником доходов (30,5 %) являются акцизы. Они составили в целом 19351,4 млн руб., объем вырос на 4,9 % (+904,9 млн руб.), в т.ч. увеличение вызвано изменением норматива по акцизам на нефтепродукты.

Поступления от налога на прибыль организаций составили 11628,2 млн руб., или 100,7 % от запланированного значения. В сравнении с прошедшим периодом наблюдается рост на 2682,4 млн руб. (+ 30,0 %).

По результатам 2021 г. можно говорить о приросте поступлений и по налогу на имущество организаций, составившему в абсолютном выражении 66,1 млн руб. (в относительном – 102,3 %), при фактическом значении 2970,5 млн руб.

Проведенная представителями малого и среднего бизнеса работа привела к увеличению налоговых поступлений по налогам со специальными налоговыми режимами. В целом субъектами предпринимательства за 2021 год уплачено указанных налогов в сумме 3651,0 млн руб. Дальнейшему росту будет способствовать пересмотр условий по патентной системе налогообложения в 2021 г. [1]

Расходы бюджета региона в отчетном году составили в сумме 99841,0 млн руб. Это на 9637,8 млн руб. (на 10,7 %) выше значения 2020 г. Отмечается, что бюджет региона за 2021 г. исполнен с дефицитом в 7192,6 млн руб. или 11,4 %.

В 2021 г. приоритетом при расходах стало достижение финансового обеспечения Указов Президента Российской Федерации:

1. Конкурентное соотношение заработной платы работников бюджетной сферы экономики. На достижение данного мероприятия в 2021 г. из бюджета Ульяновской области было направлено 507,8 млн руб.

2. Реализация национальных программ в регионе. На данные мероприятия были предусмотрены средства в общем объеме 14153,0 млн руб., что выше уровня 2020 г. на 884,6 млн руб. Фактически на данные мероприятия в 2021 г. было выделено 13794,7 млн руб., или 97,5 % от годового плана.

3. К числу приоритетов в областном бюджете в 2021 г. традиционно относились и издержки на следующие направления: заработную плату с начислениями работникам бюджетных учреждений – 30790,3 млн руб.; социальное обеспечение – 15777,1 млн руб.; субсидии бюджетным

и автономным учреждениям, некоммерческим организациям, предприятиям и организациям, индивидуальным предпринимателям – 19895,7 млн руб.; обязательное медицинское страхование неработающего населения – 5324,2 млн руб.

В 2021 г. государственный долг Ульяновской области возрос на 7435,2 млн руб. (22,1 %) и его значение достигло 41126,4 млн руб. Размер долга муниципальных образований остался на прежнем уровне, поскольку основное бремя антикризисных мероприятий областной бюджет Ульяновской области взял на себя.

Система управления государственным долгом в 2021 г. была ориентирована на обеспечение платёжеспособности региона и выполнение параметров областного бюджета по ограничениям, установленным Бюджетным кодексом РФ. По итогам года уровень долговой нагрузки составил 77,5 %.

В ноябре 2021 г. был размещён четвертый облигационный займ в объеме 3000,0 млн руб. сроком на пять лет. Величина купона по облигациям – 9,55 % годовых. Интерес инвесторов превысил предложение в 3,4 раза и в моменте достигал 10,2 млрд руб., что подтверждает «высокий уровень доверия участников финансового рынка к Ульяновской области и характеризует ликвидность ценных бумаг региона» [1].

В 2021 г. было выбрано 41750,5 млн руб. долговых обязательств в виде кредитов коммерческих банков, бюджетных кредитов и размещения облигационного займа. При этом в 2021 г. были погашены долговые обязательства Ульяновской области на сумму 34186,1 млн руб. Все долговые обязательства, срок погашения которых истек в 2021 г., были погашены своевременно и в полном объёме.

Экономический эффект по обслуживанию государственного долга в 2021 г. составил 541,2 млн руб., что было достигнуто в том числе благодаря использованию различных форм привлечения заёмных средств, а также предоставления Ульяновской области из средств федерального бюджета кредита на замещение рыночных заимствований в сумме 1 494,3 млн руб. [1]

Кроме того, в 2021 году проведена совместная работа с Министерством экономического развития и промышленности Ульяновской области по привлечению в областной бюджет области инфраструктурных бюджетных кредитов. Предел бюджетного кредита, одобренный Ульяновской области на финансовое обеспечение по инфраструктурным проектам, составляет 2664,2 млн руб. Ульяновской области одобрена заявка на реализацию в рамках лимита на общую сумму средств, финансируемых за счёт инфраструктурного бюджетного кредита в размере 2 537,9 млн руб., проекта со сроком реализации 2022–2041 гг. В рамках проекта построен комплекс производственных зданий (индустриальный парк «Платформа») общей площадью 30 тыс. кв. м на территории Портовой особой экономической зоны «Ульяновск». Ожидаемые эффекты от реализации проекта составят 9 млрд руб. (налоговые эффекты – 5,3 млрд руб., неналоговые эффекты – 3,7 млрд руб.).

Обсуждение

Таким образом, реализация в 2022 г. основных задач, направленных на совершенствование налоговой и бюджетной политики Ульяновской области, позволит обеспечить сбалансированность и устойчивость консолидированного бюджета Ульяновской области в будущем и улучшить качество управления региональными и муниципальными финансами.

Заключение

Эффективная реализация налоговой политики, которая проводится в регионе, и совокупность ее возможностей выступают основой для достижения долгосрочной сбалансированности и стабильности бюджетной системы. Выполнение целей по гарантированному стабильному росту доходов областного бюджета и бюджетов муниципальных образований Ульяновской области, а также исполнение обязательств в 2021 г. обеспечивались с помощью комплекса мероприятий, направленных на выявление резервов роста доходов, построение эффективного взаимодействия с крупнейшими налогоплательщиками области, а также улучшение межведомственного взаимодействия, снижение неформальной занятости и легализацию заработной платы во всех

секторах экономики, совершенствование налогового законодательства, использование оптимальных налоговых льгот.

Повышение эффективности бюджетных расходов было обеспечено путём использования программно-целевого метода планирования бюджетов; оптимизации расходов бюджета Ульяновской области; проведения мероприятий по рассрочке задолженности областных учреждений по страховым взносам во внебюджетные фонды Российской Федерации. Эффективное управление расходами осуществляется с помощью реализации государственных программ, сформированных на проектных принципах управления.

Литература

1. Основные результаты деятельности Министерства финансов за 2021 год и задачи на 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <http://ufo.ulntc.ru/index.php>
2. Ширяева Н.В. Качество управления муниципальными финансами Ульяновской области // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 4 (148). С. 100–103.
3. Ширяева Н.В. Государственная программа «Управление государственными финансами Ульяновской области» // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 4 (160). С. 118–121.

DOI: [10.34773/EU.2022.4.11](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.11)

Формализованный подход в расчете дотаций регионам

Formalized Approach to Calculating Subsidies to Regions

Р. ЮСУПОВА

Юсупова Руфина Аданисовна, аспирант лаборатории современных проблем региональной экономики Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: migranowa.r91@yandex.ru

В статье исследуется методика расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов. Приведены статистические данные Федеральной налоговой службы и Министерства финансов РФ об объемах дотаций субъектам Российской Федерации на 2021 год, на основе которых были выделены «чистые» и «условные» регионы-реципиенты. Проанализировав уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов после распределения дотаций на выравнивание в 2022 году, можно сделать вывод о том, что количество регионов с самым низким уровнем расчетной бюджетной обеспеченностью в последнее время практически не менялось. Обсуждается вопрос, не приводят ли дотации регионам к иждивенчеству.

Ключевые слова: межбюджетные отношения, дотации, «чистые» реципиенты, «условные» реципиенты, бюджетная обеспеченность регионов, методика расчета дотаций.

The article examines the methodology for calculating subsidies for equalizing budget provision to regions. The statistical data of the Federal Tax Service and the Ministry of Finance of the Russian Federation on the volume of subsidies to the subjects of the Russian Federation for 2021 are presented, on the basis of which "pure" and "conditional" recipient regions were allocated. Having analyzed the level of estimated budgetary provision of subjects after the distribution of subsidies for equalization in 2022, it can be concluded that the number of regions with the lowest level of estimated budgetary provision has not changed much recently. The question is being discussed whether subsidies to regions lead to dependency.

Key words: inter-budgetary relations, subsidies, «pure» recipients, «conditional» recipients, budget provision of regions, methodology for calculating subsidies.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

Основные положения

1. Большинство субъектов Российской Федерации покрывают свои расходные обязательства с помощью межбюджетных трансфертов.
2. Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности рассчитываются в два этапа по единой методике, приведенной в постановлении Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 (ред. от 24.12.2021г.) «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации».
3. В расчете дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ большое влияние оказывает бюджетная обеспеченность региона.
4. Дотации действительно эффективно выравнивают бюджетную обеспеченность регионов: так, в 2022 году благодаря дотациям неравенство в бюджетной обеспеченности между 10 самыми «богатыми» регионами и 10 самыми «бедными» снизилось с 6,15 до 3,08 раза. В частности, бюджетная обеспеченность у Республики Тыва выросла в 3,05 раза; у Республики Дагестан и Чеченской Республики – в 2,4 раза. Последние примеры показывают слабость существующей системы расчета дотаций в части стимулирования экономического роста регионов. В целом, дотации не способствуют экономическому росту в регионе, а наоборот, приводят к зависимости от них.
5. Несмотря на выравнивающие дотации и снижение уровня бюджетного неравенства между регионами в два раза, разница в бюджетной обеспеченности все равно остается высокой.
6. Из 85 субъектов РФ (данные на 2021 год) 13 регионов являются донорами, 18 регионов – «чистыми» реципиентами, а 54 региона можно отнести к «условным», т.е. это регионы, которые хоть и получают дотации из федерального бюджета, но они меньше (а в случае Башкортостана – намного меньше) тех налогов, которые зачисляются в федеральный бюджет с территории этих регионов.
7. Число регионов-доноров зависит, таким образом, от законодательного регулирования зачисления налогов в различные уровни бюджетной системы РФ.

Введение

В настоящих условиях, где преобладающими факторами являются нестабильность макроэкономики и ограниченное количество бюджетных ресурсов, правильно выстроенная система перераспределения межбюджетных трансфертов регионам Российской Федерации играет очень важную роль, так как эти трансферты создают для субъектов РФ финансовую возможность исполнять свои расходные обязательства в случае недостаточного объема собственных средств [3].

Климатические, социально-экономические, политические, географические и другие особенности каждого региона влияют на доходные возможности и расходные потребности территорий [1]. Ввиду этого есть регионы, у которых не остается средств в бюджете, чтобы покрыть свои расходные обязательства и им перечисляются дотации из федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности. Дотациями называются межбюджетные трансферты, которые предоставляются для выравнивания бюджетной обеспеченности из федерального бюджета на безвозмездной и безвозвратной основе. Регионы, которые получают дотации, называются реципиентами, а регионы, обладающие бюджетной самостоятельностью, которым не требуются дополнительные средства из федерального бюджета – донорами.

Так как у каждого региона свои особенности, о которых говорилось выше, методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности учитывает некоторые особенности, которые влияют на доходы и расходы регионов. Дотации призваны сравнивать бюджетную обеспеченность регионов и доступность бюджетных услуг (образование, здравоохранение, культура и др.) для населения [1]. Но вместе с тем остается открытым вопрос, не являются ли дотации для регионов антистимулом к экономическому развитию, так как дотации могут вызывать привыкание и зависимость региональных бюджетов, а также слабую заинтересованность региональных органов управления к наращиванию своей налогооблагаемой базы. Бюджетные стимулы социально-экономического развития регионов подробно обсуждаются в исследованиях Зулькарная И.У. [5–7].

Методы

Исследование выполнено методом сбора статистических данных об объемах дотаций за последние годы, их анализа и сравнения. Разобраны формулы и их составляющие, которые приведены в методике распределения дотаций субъектам РФ.

Результаты и их обсуждение

Перечисление дотаций регионам являются важным инструментом межбюджетных отношений и представляют собой сложную процедуру. Формирование дотаций и их распределение производится по единой методике расчета, которая приведена в постановлении Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 (ред. от 24.12.2021г.) «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» [9].

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ образуют Федеральный фонд финансовой поддержки. Дотации выделяются из федерального бюджета субъектам РФ, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых не превышает установленного уровня в качестве критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Общий объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ определяется, исходя из необходимости достижения минимального уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта РФ. Минимальный уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ на очередной финансовый год исчисляется как средний уровень расчетной бюджетной обеспеченности (среднее арифметическое суммы показателей уровня расчетной бюджетной обеспеченности) до распределения дотаций по субъектам Федерации, не входящим в число 10 регионов, которые имеют самый высокий уровень бюджетной обеспеченности, и 10, имеющих самый низкий уровень бюджетной обеспеченности [2].

Базовым показателем, с помощью которого рассчитывается объем дотаций, является уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации до распределения дотаций, который определяется по формуле:

$$BO_i = \text{ИНП}_i / \text{ИБР}_i, \quad (1)$$

где ИНП_i – индекс налогового потенциала субъекта Российской Федерации; ИБР_i – индекс бюджетных расходов субъекта Российской Федерации.

Бюджетная обеспеченность – важная характеристика региона, так как от уровня бюджетной обеспеченности зависит способность региона финансировать все свои расходные обязательства. На уровень бюджетной обеспеченности влияют различные социально-экономические, климатические, ресурсные, географические и другие особенности регионов, в связи с чем возникает большая дифференциация в бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Индекс налогового потенциала является относительным выражением налогового потенциала в расчете на душу населения. Налоговый потенциал региона – это максимально возможный объем налоговых поступлений, исчисленных в условиях действующего законодательства за определенный промежуток времени, от этого объема зависит предоставление общественных благ населению региона. На налоговый потенциал региона влияют различные факторы: законодательство, действующее на территории; наличие ресурсов и сырья; инфраструктурные особенности и др.

Индекс бюджетных расходов представляет собой относительную (по сравнению со средним уровнем по РФ) оценку расходов бюджета субъекта РФ по предоставлению одинакового объема бюджетных услуг в расчете на душу населения, определяемую с учетом объективных региональных факторов и условий.

Дотации рассчитываются в два этапа [9]:

На первом этапе объем дотаций распределяется между субъектами РФ, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых до распределения дотаций не превышает уровня, установленного в качестве первого критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности, и определяется по формуле:

$$T1i = \Pi \times D1i, \quad (2)$$

где Π – степень сокращения отставания расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ от уровня, установленного в качестве первого критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности, принимается равной 85 %; $D1i$ – объем средств, необходимый для доведения уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта РФ до уровня, установленного в качестве первого критерия выравнивания бюджетной обеспеченности (при условии, что $D1i > 0$).

Объем средств, необходимых для доведения уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта РФ до уровня, установленного в качестве первого критерия выравнивания бюджетной обеспеченности, определяется по формуле:

$$D1i = A \times (K1 - BOi) \times ИБРi \times Ni, \quad (3)$$

где A – средний уровень налоговых доходов субъектов Российской Федерации в расчете на душу населения, рассчитанный на очередной финансовый год, первый и второй годы планового периода на основе показателей прогноза консолидированного бюджета Российской Федерации, представляемых в составе материалов к проекту федерального закона о федеральном бюджете; $K1$ – уровень, установленный в качестве первого критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности, принимается равным 60 %; BOi – уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации до распределения дотаций; $ИБРi$ – индекс бюджетных расходов субъекта Российской Федерации; Ni – средняя численность постоянного населения субъекта Российской Федерации за 3 отчетных года.

На втором этапе дотации распределяются между субъектами РФ, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых с учетом дотаций, распределенных на первом этапе, не превышает уровень, установленный в качестве второго критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности, и определяется по формуле:

$$T2i = (\Phi\PhiПР - \sum T1i) \times D2i / \sum D2i, \quad (4)$$

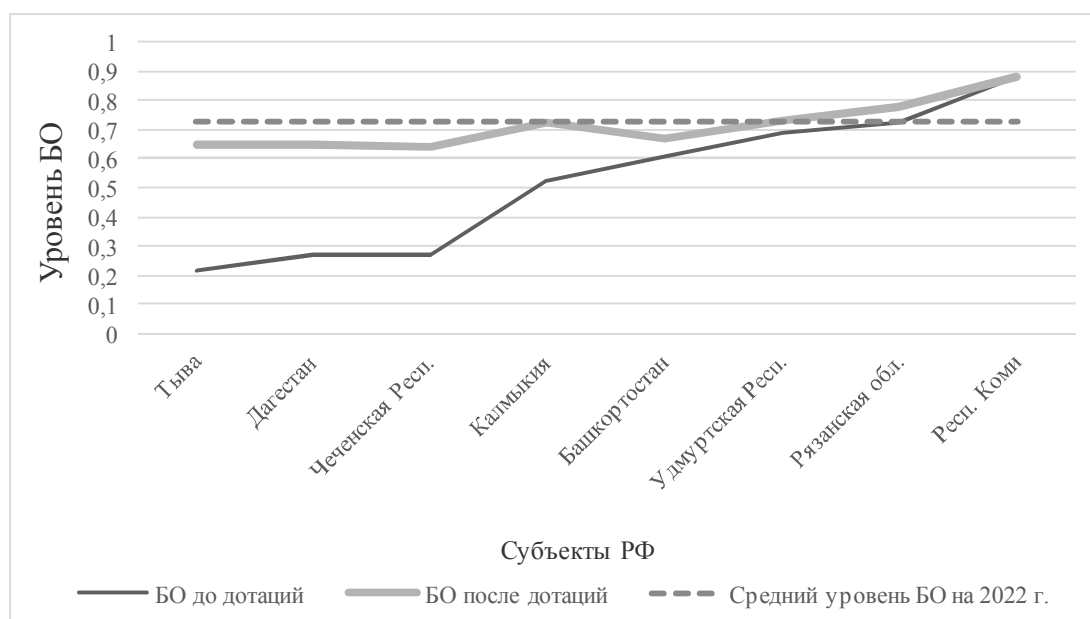
где $\Phi\PhiПР$ – общий объем дотаций на очередной финансовый год; $\sum T1i$ – общий объем дотаций по всем субъектам РФ, распределенный на первом этапе; $D2i$ – объем средств, необходимый для доведения уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта РФ с учетом дотаций, распределенных на первом этапе, до уровня, установленного в качестве второго критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности (при условии, что $D2i > 0$); $\sum D2i$ – общий объем средств, необходимый для доведения уровня расчетной бюджетной обеспеченности всех субъектов РФ с учетом дотаций, распределенных на первом этапе, до уровня, установленного в качестве второго критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности (при условии, что $\sum D2i > 0$).

Общий объем дотаций, выделяемых субъекту РФ, определяется суммированием объемов средств, выделяемых субъекту РФ на первом и втором этапах.

На примере нескольких субъектов РФ рассмотрим, как изменилась их бюджетная обеспеченность после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности по статистическим данным на 2022 год (рисунок).

Итак, после распределения дотаций бюджетная обеспеченность у Республики Тыва выросла в 3,05 раза; у Республики Дагестан и Чеченской Республики – в 2,4 раза, у Калмыкии – в 1,4 раза. По данным Минфина РФ, разрыв в бюджетной обеспеченности между 10 самыми «богатыми» регионами и 10 самыми «бедными» снизился с 6,15 до 3,08 раз.

Несмотря на выравнивающие дотации и снижение уровня бюджетного неравенства между регионами в два раза, разница в бюджетной обеспеченности все равно остается высокой.

Уровень БО регионов до и после начисления (составлено автором по данным [4])

По данным Минфина РФ [4], в таблице 1 приведены 5 субъектов РФ, которые имеют самый высокий уровень расчетной бюджетной обеспеченности, и 5 субъектов с самым низким уровнем расчетной бюджетной обеспеченности по состоянию на 2022 год, рассчитанные по единой методике.

Таким образом, из 85 субъектов РФ (данные на 2021 год) 13 регионов являются донорами, 18 регионов – «чистыми» реципиентами, а 54 региона можно отнести к «условным», т.е. регионам, которые перечисляют налоги в федеральный бюджет в большем объеме, чем получают обратно в виде дотаций.

В «чистых» регионах-реципиентах экономического роста практически нет. Причин может быть много: низкие темпы производства; низкие заработные платы и уровень жизни; слабо выраженная или отсутствующая диверсификация отраслевой структуры экономики, недостаточно развитый научно-технический потенциал и т.д. Региональным органам управления необходимо уже сегодня обратить внимание на стратегическое развитие экономики региона и высокотехнологичных отраслей производства [8].

Таблица 1

Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов после распределения дотаций на выравнивание в 2022 году

Субъект РФ	Максимальный уровень	Субъект РФ	Минимальный уровень
г. Москва	3,019	Республика Алтай	0,637
ЯНАО	2,563	Республика Саха (Якутия)	0,629
Тюменская область	2,156	Республика Марий Эл	0,627
г. Санкт-Петербург	2,107	Республика Ингушетия	0,607
Сахалинская область	1,715	Кабардино-Балкарская Республика	0,605

Источник: данные Министерства финансов РФ [4]

Субъекты РФ, перечислившие в федеральный бюджет наименьшие объемы средств и получившие высокие объемы дотаций на 2021г., млрд руб.

№	Субъект РФ	Получено дотаций	Перечислено налоговых доходов в федеральный бюджет
1	Республика Дагестан	61,5	12,7
2	Республика Саха (Якутия)	38,6	1,4
3	Камчатский край	34,1	5,8
4	Чеченская Республика	28,7	3,5
5	Республика Тыва	16,0	0,017
6	Республика Бурятия	15,6	1,4
7	Чукотский автономный округ	12,8	- 1,1*
8	Кабардино-Балкарская Республика	12,5	3,5
9	Республика Ингушетия	9,6	1,4
10	Республика Алтай	9,1	4,0
11	Карачаево-Черкесская Республика	8,0	2,8
12	Республика Северная Осетия – Алания	8,0	3,4
13	Забайкальский край	6,4	- 0,04
14	Республика Калмыкия	3,2	2,1
15	Магаданская область	2,1	- 10,9
16	Амурская область	1,5	- 46,2
17	Еврейская автономная область	0,612	- 0,01
18	Мурманская область	0,14	- 50,2

* отрицательное значение означает чистое возмещение налогов из федерального бюджета.
 Источник: данные Министерства финансов РФ и ФНС [4, 7].

Число регионов-доноров возможно увеличить, меняя законодательство. К примеру, оставлять в региональном бюджете 50 % налогов, сгенерированных на территории субъекта РФ, а не перечислять львиную долю в федеральный бюджет. У регионов появились бы дополнительные стимулы к наращиванию своей налогооблагаемой базы, так как половина налоговых доходов оставалась бы в региональном бюджете для дальнейшего экономического развития [12].

В 2022 году из федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов планируется выделить более 758 млрд руб., что на 5,6 % больше, чем в 2021 году. К 10 регионам-донорам, список которых не менялся последние три года, добавились еще 13 регионов. Таким образом, на сегодняшний день 23 субъекта РФ являются донорами, 62 субъекта – реципиентами.

Заключение

Обращая внимание на тот факт, что в течении нескольких лет список самых высокодотационных регионов не меняется и также нет случаев их перемещения в число среднетотационных регионов, мы делаем вывод о том, что дотации не способствуют развитию регионального экономического роста, а наоборот, приводят к зависимости от них. Таким образом, проблема снижения дотационности субъектов РФ остается нерешенной.

Список литературы

1. Барбашова Н.Е. Создает ли методика межбюджетного выравнивания отрицательные стимулы для инфраструктурного развития регионов? // Финансы: теория и практика. 2021. № 25. С. 22–34.
2. Белостоцкий А.А. Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности в контексте изменения модели финансовой поддержки регионов // Дельта науки. 2019. № 2. С. 36–39.
3. Никулина О.В. Совершенствование системы финансового распределения дотаций в регионах // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 5. С. 393–404.
4. Отчет по форме № 1-НМ (2021 год) [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn02/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10973378/
5. Зилькарнай И.У. Бюджетные стимулы социально-экономического развития регионов // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 4. С. 80–85.
6. Зилькарнай И.У. НДСЛ как инструмент стимулирования роста налоговых доходов местных бюджетов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 2. С. 48–52.
7. Зилькарнай И.У. Стимулирующий экономическое развитие потенциал налогов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 7–12.
8. Зилькарнай И.У. Структурная перестройка экономики или сохранение нефтехимической специализации экономики Республики Башкортостан? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 6. С. 11–14.
9. Постановление Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 (с изменениями и дополнениями) «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/187556/?ysclid=164mb0qkm8472288879>
10. Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2022_2024/?id_38=134942-raspredelenie_dotatsii_na_vyravnivanie_byudzhetoj_obespechennosti_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_2022_god_i_planovyi_period_2023_i_2024_godov
11. Ханова Л.М. Совершенствование подходов к предоставлению дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 6. С. 1823–1844.
12. Юсупова Р.А. Влияние жестких бюджетных ограничений на экономическое развитие // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 1. С. 69–74.

Проектный менеджмент в органах власти: накопленный опыт и проблемы внедрения

Project Management in the Authorities: Accumulated Experience and Problems of Implementation

А. КУДАШЕВ

Кудашев Азат Ришатович, д-р психол. наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и социальной психологии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: kafmen-bagsu@yandex.ru

Показано, что проектные методы в реализации крупных государственных строек, создания уникальных продуктов, имеющих стратегическое значение для всей страны, имеют в России многолетнюю историю своего применения. На основе обобщения опыта обучения государственных гражданских и муниципальных служащих технологиям проектного управления выделены основные проблемы в этой области: отсутствие системного анализа опыта проектного управления в современной России, слабый акцент на результативной стороне проектной деятельности, сформированность негативных стереотипов, слабые навыки работы в команде у госслужащих и другие. Предложена усовершенствованная трёхкомпонентная формула оценки проектной деятельности в государственном органе.

Ключевые слова: проектный менеджмент, государственное и муниципальное управление, отечественный опыт проектного управления, обучение госслужащих проектной деятельности, оценка эффективности.

It is shown that design methods in the implementation of large state construction projects, the creation of unique products of strategic importance for the whole country, have a long history of their application in Russia. Based on the generalization of the experience of training civil and municipal government employees in project management technologies, the main problems in this area are highlighted: the lack of a systematic analysis of project management experience in modern Russia, a weak emphasis on the productive side of project activities, the formation of negative stereotypes, weak teamwork skills among civil servants and others. An improved, three-component formula for evaluating project activities in a state body is proposed.

Key words: project management, state and municipal management, domestic experience of project management, training of civil servants in project activities, efficiency assessment.

Основные положения

1. Применение методов проектного управления в реализации масштабных государственных проектов имеет в России богатую историю и этот опыт представляет большую ценность как с точки зрения подготовки государственных гражданских и муниципальных служащих, так и с точки зрения практики реализации национальных проектов.
2. В области внедрения методов проектного менеджмента в практику работы органов власти можно выделить ряд основных проблем, которые имеют организационные и социально-психологические аспекты.
3. В развитии систем и методов государственного управления в наши дни всё большее распространение получают управленческие технологии, показавшие свою высокую эффективность в рыночном секторе, прежде всего это стратегический менеджмент, бережливое производство и проектный менеджмент.
4. Традиционная система оценки эффективности проектного управления может быть дополнена с учётом специфики деятельности органов власти и представлена уже в виде трёхкомпонентной модели.

Введение

Вопросы применения методов и приёмов проектного управления в области государственного управления имеют в нашей стране давнюю историю. В качестве примера можно привести грандиозный проект постройки Транссибирской магистрали, инициированный по решению комитета министров Российской империи в феврале 1891 года [11] – её ещё называли Великой

Сибирской железной дорогой [21]. Бюджет этого проекта составлял 350 миллионов золотых рублей, работы велись в крайне тяжёлых условиях (неблагоприятный климат, таёжная и болотистая местность, необходимость пересекать могучие и беспокойные сибирские реки), а время выполнения запланированных работ составило целых двенадцать лет! Другой пример масштабного проекта на государственном уровне – разработка и реализация т.н. Плана ГОЭЛРО (Государственной комиссии по электрификации России) [12]. Несмотря на трудное социально-экономическое положение, вызванное последствиями гражданской войны, молодая Советская республика видела перспективы своего развития через развитие крупных промышленных производств, для чего требовалась мощная электрогенерирующая и энергоподающая инфраструктура. Идейным вдохновителем плана по электрификации страны был глава Советского правительства В.И. Ленин (достаточно вспомнить его формулу, попавшую во все учебники истории о том, что Советская власть в сумме с электрификацией всей страны и приведёт к победе коммунизма). А вот непосредственным заказчиком со стороны государства (говоря современным языком, закреплённым ответственным куратором проекта) был выдающийся отечественный инженер-проектировщик и руководитель Г.М. Кржижановский, который предлагал план мероприятий по созданию в стране целой сети мощных электростанций ещё царскому правительству. План ГОЭЛРО был утверждён Советом народных комиссаров 21 декабря 1921 года, и за неполные десять лет были построены свыше тридцати крупных энергетических объектов, работавших на местном топливе (торф, уголь и т.п.), либо использовавших гидроэнергетические ресурсы. Напомним, что план состоял из плана «А» и плана «Б» (говоря современным языком проектного управления – из двух взаимосвязанных подпроектов) и послужил одним из ярких примеров успешного проектного управления на государственном уровне, заложившим фундамент для интенсивного развития всего народного хозяйства страны [28].

Весьма интересный вариант описания проектной деятельности в спецучреждении – секретном научно-исследовательском институте – можем найти в одном из самых известных произведений А.И. Солженицына, романе «В круге первом». Основываясь на своих наблюдениях во время отбывания наказания в секретной лаборатории (она называлась «Марфинская шарашка», другое название – «зона»), лауреат Нобелевской премии описывает возникшую уникальную проблему, этапы и установленные сроки её решения (своеобразный прообраз паспорта проекта); весь сюжет романа развивается вокруг сложных взаимоотношений героев в ходе реализации этого проекта. Автор показывает различные проектные роли участников создания секретной разработки – «вокодера», заинтересованные стороны проекта в высших эшелонах власти, весьма жёсткие сроки для получения конечных результатов, попытки определения контрольных точек проекта [23]. Позднее на базе этого секретного НИИ в Москве был создан институт автоматики, который разрабатывал в дальнейшем и другие проекты: знаменитую «вертушку» – телефоны засекреченной связи для руководства Советского государства и даже всемирно известный «ядерный чемоданчик».

Одним из последних государственных проектов советского периода является строительство Байкало-Амурской магистрали, проектно-изыскательские работы по которой были впервые проведены ещё в царское время [7]. Реализация проекта на первом его этапе проходила в трудное предвоенное и военное время, в 1942 году железнодорожные пути и мостовые фермы были даже демонтированы и переброшены для строительства рокадной ветки вдоль линии фронта в связи с обороной Сталинграда. Полноценная реализация этого проекта была инициирована после принятия Постановления «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» в 1974 году и создания Всесоюзной ударной комсомольской стройки (совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 561 от 08 июля 1974 г.). Было обеспечено финансирование проекта, организовано снабжение не только производственным оборудованием, комплектующими и сырьём, но и полноценным продуктовым набором (немаловажное обстоятельство по советским временам!), решались жилищные вопросы. Романтическую атмосферу вокруг этой молодёжной стройки в полной мере ощутил и автор этих строк, который, ещё будучи студентом Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября,

отдал целых три своих летних семестра на рубеже 70-80-х годов участием в ССО (студенческих строительных отрядах). В конце сентября 1984 года была проведена «золотая» стыковка восточной и западной веток магистрали и основная стадия проекта была завершена [13].

После проведения рыночных реформ и в ходе преодоления серьёзных социальных потрясений загрузка БАМа оказалась на низком уровне, что часто приводило критиков к выводу о неэффективности этого проекта. С точки зрения проектного менеджмента такие результаты говорят о слабой проработке системных рисков при реализации базового плана по содержанию проекта. Эти риски требуют создания резервов, как идентифицированных, так и управленческих (последние в терминологии Института РМІ получили название «неизвестное – неизвестное») [19]. Для ситуации принятия рисков вполне оправданными являются предусмотренные в современных проектах цели по развитию перерабатывающей и добывающей промышленной инфраструктуры в т.н. «коридоре БАМа» [7]. В современных условиях потенциал использования Байкало-Амурской магистрали значительно возрос в связи с перспективными планами строительства железнодорожного моста на остров Сахалин и создания на этой основе кратчайшего транспортного пути Восток – Запад с большим потоком перевозок промышленных грузов, а также разработкой полезных ископаемых и развитием лесозаготовок, что позволяет разрабатывать и оценивать стратегии промышленного развития на муниципальном уровне [10], успешно выстраивать новые транспортно-логистические пути в условиях возросшего санкционного давления.

Завершая наш краткий (конечно, далеко не полный!) обзор проектной деятельности в досоветский и советский периоды развития нашей страны, следует подчеркнуть, что накопленный опыт управления масштабными проектами мало изучен и еще меньше систематизирован (такой опыт в проектном менеджменте часто называют «выученные уроки»). А ведь этот самый опыт мог бы оказать существенную помощь в разработке и реализации проектов на государственном уровне в наши дни с учётом единой ментальности и сложившихся за годы и даже десятилетия управленческих практик. Это, в свою очередь, является частным случаем одного из недостатков современной системы подготовки управленческих кадров (как хозяйственных менеджеров, так и руководителей для государственной гражданской и муниципальной службы), а именно – недостаточного внимания к изучению и тем более использованию в современной социальной практике накопленного отечественного опыта управления. Возможно, это связано с тем, что проекты государственного масштаба описываются представителями исторической науки, которые часто демонстрируют (увы!) политическую предвзятость; либо представителями экономической науки, и тогда на передний план выходят показатели объёмов производства, количество занятых в проекте, стоимостные показатели, производительность труда и т.п. А вот вопросы формирования проектного задания, выделения заинтересованных сторон, оценки рисков и их нейтрализации, создания проектной группы и распределения ролей в ней, прохождения контрольных точек в ходе реализации проекта, выдерживания сроков проектных работ и получения конечного результата и др. (т.е. как это происходило в нашей истории, какие были трудности и как они преодолевались, какие управленческие уроки были извлечены), – другими словами, собственно управленческие аспекты часто отходят на второй план, а то и вовсе ускользают из поля рассмотрения авторов. Но ведь именно накопленная управленческая мудрость в сочетании с самоорганизующимися, мотивированными и вовлечёнными работниками позволяют существенно повысить производительность труда и выйти на новые горизонты развития [17].

Методы

Данное исследование проведено с использованием: а) методологии исторического подхода и, в частности, выделения механизмов проектного управления в конкретных социально-экономических условиях развития государства; б) методологии системного и мета-системного анализа с выделением сложных взаимоотношений между большой системой и её основными подсистемами; в) концепции комплексного управления проектной деятельностью, в которой

богатый инструментарий проектного менеджмента сочетается с эффективным использованием социально-психологических методов.

Результаты исследования и их обсуждение

Существенный импульс для применения технологий проектного менеджмента в сфере государственного управления был дан в последние годы в связи с инициированием и реализацией т.н. приоритетных и национальных проектов.

Приоритетные проекты, определённые в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г., прежде всего были направлены на достижение нашей страной ведущих позиций в мире по таким отраслям народного хозяйства, которые традиционно относились к т.н. государственному сектору экономики: развитию топливно-энергетического и оборонного комплексов, отраслей связи и транспорта, электроэнергетики, медицинской и микробиологической промышленности и ряда других. Огромное внимание было уделено государственной социальной политике в отношении достижения конкретных показателей в здравоохранении, науке и образовании, увеличении продолжительности жизни, повышении доступности жилья и ряда других. По мнению депутата Государственной Думы Российской Федерации, д-ра юрид. наук В.Г. Вишнякова, приоритетные проекты развивают методологию проектного управления в органах исполнительной власти, структура которых стала формироваться с началом административной реформы в 2004 г. [8]. Последний по времени иницирующий документ – это Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором определены пять национальных целей развития [2]. Для осуществления прорывного развития страны и повышения уровня жизни граждан Правительству Российской Федерации в основных направлениях своей деятельности следует предусмотреть механизмы и ресурсное обеспечение реализации этих национальных проектов в тесном взаимодействии с органами государственной власти субъектов Федерации. Указом Главы Республики Башкортостан № УГ-310 также определены пять ключевых направлений, по которым наша республика должна войти в число регионов-лидеров [6]. Среди целевых показателей мы видим внедрение бережливых технологий во всех поликлиниках и образовательных учреждениях, внедрение высоких гуманитарных технологий и др. В целом, мы видим общую тенденцию в развитии механизмов государственного управления за последнее десятилетие в Российской Федерации: постепенно и во всё больших масштабах используются управленческие технологии, обнаружившие свою высокую эффективность и универсальность в коммерческом секторе [3; 16; 18; 24; 25]. Наряду с технологиями управления персоналом, стратегическим и инновационным менеджментом, значительное распространение получают методы проектного управления в государственном секторе [4; 25; 27] и управленческая технология бережливого правительства (другое название Lean-технологии), о которой мы подробно писали ранее [14]. Справедливости ради отметим, что указанные управленческие технологии не противопоставляются или конкурируют, а скорее дополняют друг друга [26].

Применение методов проектного управления в новейшей России не является новацией. Возвращаясь к первоначальным национальным проектам, следует отметить, что в Указе от 07 мая 2018 года для каждого проекта определены цели (как правило, качественные результаты реализации проекта) и целевые показатели – количественные показатели реализации проекта, привязанные в случае необходимости к конкретным срокам [1]. Например, в п. 15 Указа на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года поставлена задача увеличения пропускной способности Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей в полтора раза, до 180 млн тонн в год, что позволит повысить эффект от ранее реализованных государственных проектов. Стратегия пространственного развития страны выделяет двенадцать макрорегионов Российской Федерации и нацелена на опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, на максимальное рассредоточение перспективных центров экономического роста по территории Российской Федерации [5]. Так, Республика Башкортостан вошла в Волго-Уральский макрорегион

вместе с Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Ульяновской областями. А вот Республика Татарстан вошла в Волго-Камский макрорегион, включающий Республику Марий Эл, Республику Мордовия, Удмуртскую Республику, Чувашскую Республику, Пермский край, Кировскую и Нижегородскую области (см. Приложение № 2 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации).

В рамках комплексной работы по реализации Указа № 204 в органах государственного управления формируется проектная инфраструктура: создаются проектные офисы в федеральных и региональных органах исполнительной власти, государственные гражданские и муниципальные служащие проходят обучение по проектному управлению и формированию компетенций в сфере проектной деятельности. Для этого с августа 2016 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАН-ХиГС) создан и успешно действует Центр проектного менеджмента (сокращённо ЦПМ РАН-ХиГС). Среди основных задач ЦПМ – экспертное сопровождение проектной деятельности в государственном секторе, обмен лучшими практиками проектного подхода в сфере государственного управления. Этот Центр Постановлением Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 наделён функциями центра компетенций проектного управления. В целом ряде регионов Российской Федерации успешно действуют региональные академии и институты государственной службы и управления (некоторые из них имеют статус филиалов РАНХиГС).

Накопленный в Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан опыт повышения квалификации государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, руководителей бюджетных организаций различной отраслевой принадлежности, позволяет выявить и ряд нерешённых проблем, препятствующих более действенному использованию методологии и технологий проектного управления в области реализации стратегии развития Российской Федерации. Фактологической основой исследования являлось протоколированное проведение двенадцати фокус-групп, проводившихся в двух учебных потоках государственных гражданских и муниципальных служащих Республики Башкортостан, проходивших программу «Основы проектной деятельности» (повышение квалификации), общее количество участников фокус-групп – 98 человек. Рассмотрим основные из этих проблем более подробно с выделением возможных путей и способов их преодоления и/или нейтрализации:

– Отсутствует хотя бы в первом приближении полноценный анализ хода реализации и достигнутых результатов приоритетных проектов развития страны, инициированных ещё в 2012 году. При этом такого рода анализ необходимо провести как на федеральном, так и на региональных уровнях; выделяя достигнутые результаты и не боясь показать выявившиеся проблемы и трудности. В своём интервью агентству «РБК» первый вице-премьер Правительства Российской Федерации Антон Силуанов указал на главный недостаток предыдущего шестилетия, а именно – слабость вертикальной системы управления, её недостаточную жёсткость. В отличие от этого, сейчас, по его мнению, выстроена система из национальных, федеральных проектов, в регионах будут сформированы региональные проекты и всё это будет мониториться, отслеживаться в единой системе [22]. Достаточно чёткая исполнительная вертикаль выстраивается и в соответствии с Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года [3]. Предусматривается разработка планов достижения каждой национальной цели развития Российской Федерации, отслеживание траектории выхода на целевые уровни (подуровни), за каждой национальной целью закрепляется ответственный куратор – заместитель Председателя Правительства Российской Федерации [4]. Мы видим, что основной акцент делается на усилении функции контроля за расходованием ресурсов, выделяемых на национальные проекты. Следовательно, в ходе подготовки государственных, муниципальных служащих в качестве обязательного раздела программы должна быть рассмотрена система мониторинга и оценки эффективности проектной деятельности на каждом этапе её реализации. Как правило, это связано с двумя основными инструментами проектного менеджмента – чёткой постановкой целей в соответствии с критериями SMART и соблюдением календарного графика

прохождения контрольных точек с фиксацией этого прохождения как завершённого события. Особенно это важно для таких категорий проектных управляющих (либо гражданских служащих, претендующих на участие в реализации проектов на таких ролях), как руководители и администраторы проектов, сотрудники (специалисты) проектных офисов;

– В массовом сознании современных управленцев по-прежнему остаётся т.н. «затратная доминанта», связанная с освоением полученных бюджетных средств, в рамках того или иного проекта в государственном управлении. Это является следствием многолетней практики, когда сложился механизм оформления заявок и «выбивания» денежных и материальных ресурсов из бюджетов вышестоящих уровней управления. На передний план выходила задача получения и освоения выделенных бюджетных средств с последующей отчётностью, а вот вопросы получения необходимого эффекта и оценки эффективности «вливания» бюджетных средств отходили на второй план. Иллюстрацией этому служит часто встречающееся в ходе групповой работы над проектной заявкой высказывание: «Вы нам денег дайте, а мы уж их потратим!». Таким образом, первый распространённый и, к сожалению, весьма пагубный стереотип, – это сведение всей проектной деятельности только к проведению тендера и размещению заказов для государственных (муниципальных) нужд. Другой лозунг из массового сознания наших государственных и муниципальных служащих: «Дайте нам образец заполнения форм по участию в национальном проекте (желательно из того госоргана (районной администрации), которые успешно приняли участие в такого рода проекте), мы заполним их с механической заменой названий, должностей и географических наименований, – и нам тоже выделят дополнительное финансирование!». Конечно, эти поведенческие императивы не декларируются в открытом формате, но достаточно четко проявляют себя во время практических и интерактивных занятий. Одним из возможных подходов к нейтрализации подобной установки является реализация участниками защиты проектной заявки ролей заинтересованных сторон проекта, в том числе: представителей различных групп населения, профессиональных групп (учителей, врачей, работников социальной сферы и др.), которым предлагается задавать вопросы и прояснять для себя конкретные результаты и выгоды от реализации проекта (при помощи вопросов «Ну и что это даст?», «А как это нам поможет, повысится ли качество жизни конкретного жителя (семьи) такого-то района, городского округа или региона?» и т.п.);

– У современных государственных и муниципальных служащих слабо развиты навыки командной работы и командного принятия решений. Ещё с советских времён широкое распространение получили ориентация на строгую исполнительскую дисциплину, ответственность только за свой узкий участок работы, бумажную отчётность и прочее, что в известной степени ведёт к узкой специализации, работе только в своей функциональной области и строгому выполнению процедур и служебных регламентов. На это накладывается различие в социальном статусе, чётко проявляющееся в структурных подразделениях государственных (муниципальных) органов. Как показало одно из последних исследований, более опытные сотрудники часто «сваливают» ответственную дополнительную работу на своих более молодых и менее опытных коллег: «старшие сотрудники сказали, что им скоро на пенсию и их это не интересует, поручили нам, молодым, а у нас своей текущей работы полно...» [10, III]. В то же время многочисленные исследования показывают, что эффективность командной работы возрастает, когда в ней представлены носители различных управленческих ролей, а не только хорошие исполнители [17]. В ходе подготовки к проектной деятельности государственных и муниципальных служащих, – будущих участников проектных команд необходимо выделять такой этап, как командообразование, где учитывается не только функциональная специализация того или иного проектного специалиста, но и его командная роль в группе проекта. Диагностический инструментарий, позволяющий быстро и достаточно точно оценить выраженность управленческих ролей у кандидатов на участие в проекте в соответствии с одной из самых распространённых классификаций И.К. Адизеса, был предложен нами ранее [15];

– Успешная проектная деятельность во многом основывается на способности участников проявлять самоорганизацию, умения открыто и конструктивно обсуждать возникающие

проблемы и трудности со своим непосредственным руководством в проектной группе (т.н. «эскалация проблемы»), готовности занять проактивную и ответственную позицию в ходе совместной проектной работы в условиях плоской организационной структуры. На практике же часто приходится встречаться с другой позицией, когда специалист скорее будет замалчивать возникшую проблему, неявно перекидывать её решение на вышестоящие уровни, оставляя себе роль пассивно ожидающего, порой некритичного исполнителя. Во многом это связано с тем, что в сложившейся в органах государственной власти управленческой вертикали, руководители часто негативно реагируют на информацию о том, что дела идут гораздо хуже, чем это им бы хотелось. И бывает, что эмоциональный «выход» от руководства получает именно тот, кто изложил положение дел с указанием на имеющиеся проблемы. Часто даже бывает так, что именно такого сотрудника потом назначают ответственным за сложившуюся картину, а ведь он всего лишь изложил реальное положение дел и возникшие в этой связи проблемы. Другими словами, в социально-психологической атмосфере конструктивного подхода инструменты лидерства при вскрытии проблем направлены не на поиск виновных (с последующим публичным наказанием или скрытым давлением), а на вскрытие проблем, постоянное совершенствование и изменения к лучшему. Отсюда возникает необходимость развивать у государственных и муниципальных служащих социально-психологические компетенции, связанные с лидерством и готовностью к изменениям. Соответствующий диагностический инструментарий, апробированный именно на этом контингенте, уже разработан и используется в ходе обучения руководителей и специалистов проектной деятельности. Как показывает зарубежный опыт управления проектами в самых разных областях, именно эти компетенции позволяют применять приёмы гибкого (agile) управления проектами (создание бэклога продукта, визуализация всего пути достижения цели, построение т.н. диаграммы «сгорания» задач, проведение спринтов и стендап-митингов и др.) и значительно повышать качество проектного управления, вовлекать все заинтересованные стороны [9; 20];

– Очень важным обстоятельством, влияющим на развитие проектной деятельности в органах власти, является механизм оценки этой деятельности. На сегодняшний день такой механизм разработан, он получил название индекса проектной деятельности и включает в себя пять составляющих: выбор проекта, его реализация, организация принятия решений, развитие самих участников проектной деятельности, способы мотивации участников проектной деятельности. Предусмотрено также использование института ассессоров, которые будут проводить оценку с выездом в сам орган государственного управления. Итоговая оценка качества проектной деятельности определяется по следующей формуле: 0.25 от оценки качества описания проектных процессов плюс 0.75 от оценки качества достигнутых результатов. На наш взгляд, такая оценка хоть и представляется в целом адекватной, но всё же не охватывает всех аспектов проектной деятельности в органах государственной власти. С учётом того, что реализация стратегических задач прорывного развития нашей страны направлена прежде всего на повышение уровня жизни и создание комфортных условий для проживания граждан Российской Федерации, формулу следует дополнить ещё одним слагаемым. Оно отражает степень удовлетворённости граждан страны, отдельного региона или даже муниципального образования результатами, достигнутыми в ходе и по итогам реализации федерального (регионального) проекта. Тогда формула для оценки качества проектной деятельности может выглядеть следующим образом: 0.25 от оценки качества описания проектных процессов плюс 0.5 от оценки качества достигнутых результатов плюс 0.25 от прироста удовлетворённости населения (в целом по стране или в регионе, на данной территории) от достигнутых результатов проекта. Оценка удовлетворённости населения проводится независимой аналитической, консалтинговой компанией или же службами профильного высшего учебного заведения, имеющего в составе своих научно-педагогических работников сертифицированных специалистов в области проектного менеджмента. Такая трёхкомпонентная формула представляется более расширенной и охватывающей ключевые аспекты проектной работы того или иного органа власти. Кроме того, этот прирост удовлетворённости заинтересованных в результатах проекта групп с учётом эффекта синергии от результатов

других федеральных и региональных проектов может быть коррелирован с последовательностью первых чисел ряда Фибоначчи, которые часто выступают ориентиром для результатов в соответствии с последними разработками в области управления проектами (технологии SCRUM) [20, 143–145].

Заключение

В целом, управление проектами на государственном уровне имеет в нашей стране очень интересную, содержательную и поучительную историю, и эта управленческая технология получила новый импульс для внедрения в наши дни. Успешное и эффективное использование проектного управления для решения масштабных задач и достижения национальных целей развития страны подразумевает глубокий управленческий анализ реализации глобальных проектов прошлых лет.

Применение методов проектного менеджмента в органах власти имеет ряд проблемных моментов, которые следует учитывать как на уровне составления образовательных программ для государственных гражданских и муниципальных служащих, так и в плане разработки методического и информационного обеспечения такого рода программ. К ним следует отнести, по результатам нашего исследования, следующие особенности: слабо проанализирован и обобщён управленческий опыт в рамках реализации приоритетных проектов; доминирует точка зрения на национальные проекты как на способ провести масштабные закупки без применения всего инструментария проектного менеджмента; имеется недостаток компетенций в области командных методов работы у государственных гражданских и муниципальных служащих; требуют усиления и развития навыки лидерства и нацеленности на результат. Также необходимо совершенствовать методику оценки качества проектного управления в органах власти прежде всего с учётом той реальной эффективности, которую видят граждане страны, территории, муниципалитета в виде повышения их уровня жизни. Этот аспект должен найти отражение в комплексной оценке качества проектного менеджмента в каждом органе власти, при реализации того или иного федерального (отраслевого) проекта.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. Утверждены Правительством РФ 29.09.2018 г.
4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» от 31 октября 2018 года № 1288.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 13 февраля 2019 года № 207-р.
6. Указ Главы Республики Башкортостан от 23.09.2019 г. № УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года».
7. Андреева Т.С. БАМ: путь из прошлого в будущее. М.: Изд. РЖД, 2014. 242 с.
8. Вишняков В.Г. Майские указы: почему затянулось проведение преобразований // Законодательство и экономика. 2014. № 1. С. 5–16.
9. Вольфсон Борис. Гибкое управление проектами и продуктами. СПб.: Питер, 2015. 144 с.
10. Дорошенко С.В. Региональные подходы к разработке муниципальных стратегий // *Arg Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 1. С. 96–118. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-96-118

11. История железнодорожного транспорта России / Под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. СПб., 1994. Т. I: 1836–1917 гг. 336 с.
12. Козлов Б.И. Вклад Академии Наук в индустриализацию России // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 12. С. 1059–1068.
13. Коробов С.А. Миниатюрная летопись БАМа // Иркутск: Отгиск, 2004. 116 с.
14. Кудашев А.Р. Бережливое правительство: истоки, концептуальные основы и подходы к внедрению // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*. 2018. № 7-4. С. 53–57.
15. Кудашев А.Р. Выраженность управленческих ролей: экспресс-диагностика в соответствии с классификацией И. Адизеса // Научное мнение. 2018. № 9. С. 36–43. DOI: 10.25807/PVN.22224378.2018.9.36.43
16. Кудашев А.Р. Стратегический менеджмент в системе управления проектами социально-экономического развития // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2021. № 5. С. 63–70. DOI: 10.34773/EU.2021.5.9
17. Лалу Ф. Открывая организации будущего / Пер. на рус. яз. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
18. Разу М.Л., Воропаев В.И., Якутин Ю.В. и др. Управление программами и проектами: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 8. М.: ИНФРА-М, 2000. 320 с.
19. Руководство к Своду знаний по управлению проектами (Project Management Body of Knowledge - PMBK). 6-е изд. Project Management Institute, 2016.
20. Сазерленд Дж. Scrum. Революционный метод управления проектами / пер. с англ. М. Гескиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 272 с.
21. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири / Департамент торговли и мануфактур министерства финансов. СПб.: Типография Киришбаума, 1893. 309 с.
22. Силуанов назвал главный недостаток реализации майских указов 2012 года [Электронный ресурс]. URL: www.rbc.ru/politics/16/01/2019/5c3e60b99a7947410c88df83?utm_referrer=,
23. Солженицын А.И. В круге первом: роман. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 736 с.
24. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. 603 с.
25. Фунтов В.Н. Основы управления проектами в компании: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2018. 464 с.
26. Фунтов В.Н., Сенько А.А. «Бережливое» управление проектами // *Управление проектами*. 2009. № 1 (14). С. 27–31.
27. Шагеев Д.А. Управление проектами. Рабочая тетрадь проектной группы: учебное пособие. М.: Проспект, 2018. 112 с.
28. Энергетика России (1920–2020 гг.) Т. 1. План ГОЭЛРО. М.: ИД Энергия, 2006. 1067 с.

Особенности ценностно-ориентированного управления корпорациями с государственным участием

Features of Value-oriented Management of Corporations with State Participation

Г. РОССИНСКАЯ, Е. ФОМИНА,
Ю. ХОДКОВСКАЯ

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и регионального развития Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: g-ross@mail.ru

Фомина Елена Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: 89191479904@mail.ru

Ходковская Юлия Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и стратегическое развитие» Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: khodkovskiy@bk.ru

В статье рассмотрено применение ценностно-ориентированного управления корпорациями с государственным участием, определены ключевые принципы стоимостного управления, сформирована схема измерения ценности корпорации и ее роста в рамках VBM-концепции, предложена карта приоритетов ключевых стейкхолдеров.

Ключевые слова: концепция VBM, ценностно-ориентированный подход, корпорация с государственным участием, стейкхолдер, ценность бизнеса, развитие, эффект.

The article considers the application of value-oriented management of corporations with state participation, defines the key principles of value management, forms a scheme for measuring the value of a corporation and its growth within the framework of the VBM concept, and offers a priority map of key stakeholders.

Key words: VBM concept, value-oriented approach, corporation with state participation, stakeholder, business value, development, effect.

Основные положения

1. Ключевыми элементами ценностно-ориентированного подхода в рамках концепции VBM (Value Based Management) являются:

- «оценка», заключающаяся в отслеживании процедуры создания новой стоимости и выборе методов оценки стоимости корпорации;
- «стратегия», обозначающая пути достижения основной цели – роста стоимости для акционеров;
- «финансы», определяющие влияние стоимостных факторов на динамику корпорации в целом и ее отдельных сегментов;
- «корпоративное управление», демонстрирующее соотношение интересов собственников корпорации и ее менеджмента, направленное также на разработку мотивационных схем [3].

2. Основные способы реализации ценностно-ориентированного управления в государственных корпорациях:

- «шоковое», при котором ценностно-ориентированное управление внедряется в рамках всей корпорации и сразу;
- ценностно-ориентированное управление, которое реализуется как пробный проект в каком-либо одном подразделении корпорации [1]. В настоящее время ориентация корпораций только на стоимостные показатели малоэффективна, поскольку не учитывает в полной мере интересы всех участников экономической деятельности, поэтому управление корпорациями должно обеспечивать ценностный подход, как для их собственников, так и для общества в целом.

3. Управление по ценностям не имеет широкого распространения в российском бизнесе на современном этапе ни в практической деятельности, ни в научной среде. Это связано со спецификой организации российского рынка, а также с несформированными полностью ценностными социальными установками общества и бизнеса.

4. Накопленный международный опыт взаимоотношений корпорации со стейкхолдерами требует корректировки и систематизации с учетом специфики экономики России. Необходим учет интересов достаточно широкого круга заинтересованных в деятельности корпорации, поскольку наблюдается противоречивость воздействий стейкхолдеров на корпорацию и итоги ее деятельности.

Введение

Глобализация экономической жизнедеятельности, усиление конкуренции, быстрое развитие финансового и фондового рынков, цифровые технологии изменили специфику управления бизнесом. Появилась потребность в выработке подхода, способного обеспечить рост стоимости корпорации в долгосрочной перспективе, а также сбалансировать интересы акционеров и менеджеров. В этой связи актуальность приобрела концепция ценностно-ориентированного управления – концепция VBM, декларирующая новый подход к управлению корпорацией в рамках обеспечения общественной ценности и направленная на нахождение баланса между классическим инструментарием и новыми моделями управления бизнесом, поэтому целью исследования выступает изучение особенностей ценностно-ориентированного управления корпорациями с государственным участием в России.

Методы

Методологическую базу исследования ценностно-ориентированного управления корпорациями с государственным участием составили методы системного, статического анализа и экспертных оценок.

Исследование теоретических и прикладных аспектов опиралось на труды и разработки российских и зарубежных исследователей, таких как Г. Арнольд, R.E. Freeman, K. Martin, B. Parmar, Д.А. Аброськин, Д.А. Дуденков, О. Менделов, А. Раппопорт, Э. Фриман и др. [2; 3; 6; 8; 10].

Анализ содержания ценностно-ориентированного управления корпорацией и эффективности его использования в российском бизнесе проводился на основе ключевых положений концепций экономических приоритетов собственников (Г. Саймак), агентских отношений (М. Дженсен и У. Меклинг), ассиметричной информации (С. Майерс, Н. Майджлаф), структуры капитала (Ф. Модильяни и М. Миллер), дисконтированных денежных потоков (Д.Б. Уильямс), теории заинтересованных лиц (Э. Фриман) и др. [4; 5; 8; 11].

Для оценки преимуществ и недостатков использования концепции VBM в управлении корпорациями с государственным участием было проанализировано содержание концепции KVDM (The Key Value Driver Model), исследованы методы и модели измерения ценности корпорации и стратегических решений (модель остаточной прибыли (Residual Income Model), модель остаточной операционной прибыли (добавленной экономической стоимости – Economic Value Added), модель дисконтирования дивидендов (Dividend Discount Model) и др.) [4; 9].

Особенности реализации концепции VBM в условиях новой цифровой среды корпораций исследовались на основе статистических обзоров, практико-ориентированных разработок Всемирного банка, аналитических и рейтинговых агентств.

Результаты

Проблематика эффективности концепций корпоративного управления, ориентированных на ценность, является одним из приоритетных направлений исследований современных российских и зарубежных ученых и практиков, в которых ключевыми принципами управления обозначены:

- 1) рост капитализированной стоимости бизнеса для акционеров и собственников;
- 2) сбалансированность запросов собственников бизнеса, менеджеров корпорации и общества;
- 3) создание новой стоимости как социального блага.

Несмотря на длительный период применения концепции VBM в зарубежном менеджменте и достижение значительных экономических и социальных эффектов, недостаточно исследованными остаются вопросы реализации ценностно-ориентированного подхода в корпорациях с

государственным участием, когда государство одновременно выступает акционером, стокхолдером и стейкхолдером, продвигая идею «бизнес для общества». В этом аспекте очевидными становятся проблемы методологического характера, не обеспечивающие получение достоверных оценок стоимости акционерного капитала корпорации, рыночной цены акций в условиях высокой турбулентности фондового рынка. Кроме того, не разработан механизм согласования интересов собственников и менеджеров корпорации в рамках изменения соотношения материального вознаграждения последних с увеличением стоимости корпорации с государственным участием, провоцируя манипулирование информационными данными со стороны менеджеров. Следует отметить, что собственники не всегда заинтересованы в повышении стоимости корпорации в долгосрочном периоде, так как имеют собственные выгоды, связанные с потреблением в текущем периоде. Следовательно, несмотря на наличие мотивационных и инновационных схем в управлении, невозможно обеспечить устойчивое повышение эффективности деятельности корпорации с государственным участием, рост ее стоимости. Также не решена проблема гармонизации интересов собственников и заинтересованных сторон, которая будет приводить к предоставлению недостоверной отчетности, что в будущем может закончиться банкротством корпорации.

Для России решение перечисленных выше проблем особенно актуально, поскольку государство является крупнейшим акционером российского рынка. Данные Росстата подтверждают, что РФ владеет долей в бизнесе 45 % крупнейших корпораций, акции которых свободно обращаются на российском фондовом рынке (ПАО «Аэрофлот», ПАО «Роснефть», ПАО «Газпром», Государственная корпорация «Ростех», ПАО «КАМАЗ», ПАО «Банк ВТБ», ПАО «РусГидро», ПАО «АК «АЛРОСА», ПАО «Интер РАО» и др.). Кроме того указанные компании, по аналитическим оценкам, являются лидерами рейтинга высокой дивидендной доходности: за 2011–2021 годы корпорации нефтегазового сектора обеспечили дивидендную доходность акций 10–14 %, горнодобывающего сектора – 10% и более, финансового сектора 8 % и более.

Структурно-логическая схема измерения ценности корпорации и ее роста в рамках VBM-концепции

Для корпораций с государственным участием в рамках ценностно-ориентированного управления важно не только определить систему качественных критериев и показателей для определения роста ценности бизнеса, но и выстроить структурно-логическую цепочку измерения ценности корпорации, ее роста в результате реализации стратегически важных управленческих действий (рисунок).

В процессе реализации структурно-логической схемы измерения ценности корпорации и ее роста корпорация находится во взаимодействии с ключевыми стейкхолдерами, удовлетворяя взаимные ожидания в отношении функционирования корпорации, ее совершенствования, развития корпоративной социальной ответственности в обществе с целью снижения рисков и повышения эффективности. В этой связи важно тщательно обследовать окружение корпорации, установить интересы ключевых стейкхолдеров – составить карту приоритетов стейкхолдеров. При этом набор критериев должен включать:

- 1) идентификационные характеристики стейкхолдера (наименование организации, форма собственности, место расположения и др.);
- 2) коммуникационные взаимодействия корпорации и стейкхолдера (восходящие/нисходящие, формальные/неформальные);
- 3) степень влияния стейкхолдера на бизнес корпорации (административная, экономическая, технологическая и др.);
- 4) потребность в продукции корпорации (экономическая, экологическая, социальная значимость продукции корпорации);
- 5) ожидаемые эффекты от взаимодействия (экономические, управленческие, социальные и др.);
- 6) риски и неопределенность во взаимодействии корпорации и стейкхолдера;
- 7) перспективы развития взаимодействия корпорации и стейкхолдера.

На основе карты приоритетов стейкхолдеров представляется возможным установить степень гармонизации интересов ключевых стейкхолдеров и корпорации с государственным участием, идентифицировать движущие финансовые и нефинансовые факторы и ключевые ограничения роста ценности корпорации.

Заключение

Использование ценностно-ориентированного подхода к управлению корпорациями с государственным участием с учетом интересов стейкхолдеров позволяет объединить корпоративные интересы собственников и менеджеров с глобальными целями страны, общества.

Корпорации с государственным участием стремятся к построению взаимодействия со стейкхолдерами, государством и обществом во всех регионах их присутствия на базе принципа корпоративной социальной ответственности бизнеса и в рамках ценностно-ориентированного управления. Проекты в рамках корпоративной социальной ответственности в регионах присутствия корпораций дают новый толчок к развитию социальной сферы, инфраструктуры региона, что напрямую связано с ростом инвестиционной капитализированной стоимости корпорации, привлекательности региона и страны в целом.

Ценностно-ориентированный подход в управлении корпорациями с государственным участием – инструмент устойчивого повышения эффективности деятельности таких корпораций, обеспечения роста их капитализации.

Литература

1. Аброськин Д.А., Волостных Е.В. Стейкхолдер-менеджмент в компаниях стратегических отраслей экономики (на примере нефтегазовых компаний РФ) // Актуальные вопросы экономических наук. 2019. № 51. С. 211–217.
2. Белоусов К.Ю. Эволюция взглядов на роль управления заинтересованными сторонами в системе устойчивого развития компании: проблема идентификации стейкхолдеров // Проблемы современной экономики. 2021. № 4. С. 418–422.

3. Зубарева В.Д., Оздоева А.Х. Оценка и управление стоимостью бизнеса: учебное пособие. М.: КноРус, 2019. 99 с.
4. Касьяненко Т.Г., Тарасова Ж.Н. Управление, ориентированное на стоимость компании (VBM): монография. М.: КноРус, 2021. 343 с.
5. Каячев Г.Ф., Локтионов Д.А. Эволюция ценностного подхода в управлении компанией // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6. № 4. С. 397–408.
6. Freeman R.E., Moutchnik A. (2013). Stakeholder management and CSR: questions and answers // Umwelt Wirtschafts Forum [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00550-013-0266-3>
7. Freeman R.E., Martin K., Parmar B. Stakeholder Capitalism // Journal of Business Ethics Quarterly. 2007. Vol. 74. Pp. 303–314.
8. Lahsen M., Turnhout E. How norms, needs, and power in science obstruct transformations towards sustainability // Environmental Research Letters. 2021. DOI: 10.1088/1748-9326/abdcf0
9. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy (5th ed.). London and New York: George Allen & Unwin, 1976. 437 p.
10. Schumpeter J.A. Theory of Economic Development. M.: Progress, 1982. 16 p.
11. Sekiyama T. Environmental Security and Japan. 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/340373717>

[DOI: 10.34773/EU.2022.4.14](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.14)

Стиль лидерства как инструмент эффективности организации Leadership Style as an Instrument of Effectiveness of Organization

Н. БИКТИМИРОВА, С. АНДРЕЕВА

Биктимирова Наталья Александровна, канд. психол. наук, доцент кафедры менеджмента и социальной психологии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: psilogos@bk.ru

Андреева Светлана Алексеевна, канд. соц. наук, доцент кафедры менеджмента и социальной психологии БАГСУ. E-mail: pprog.bashkortostan@mail.ru

Каждая организация, государственная или частная, ориентирована на достижение целей, и все усилия направлены на успешное достижение этих целей и задач. Мотивация является одним из обязательных условий деятельности руководителя: если лидер активно мотивирует, то возрастает и эффективность труда всей организации. Исследование направлено на то, чтобы определить влияния стиля лидерства на организационную эффективность. В работе использованы анкеты исследования лидерства, оценка стиля руководства менеджеров, работающих в государственных учреждениях. Выделены модели мотивационного поведения лидеров, проанализированы их компоненты.

Ключевые слова: мотивация, лидерство, удовлетворенность работой, эффективность, управление организацией, стиль руководства.

Every organization, public or private, is focused on achieving goals, and all efforts are aimed at successfully achieving these goals and objectives. Motivation is one of the mandatory conditions for the activity of the head, if the leader actively motivates, then the efficiency of the work of the entire organization also increases. The research is aimed at determining the influence of leadership style on organizational effectiveness. The paper uses leadership research questionnaires, assessment of the leadership style of managers working in public institutions. Models of motivational behavior of leaders are highlighted, their components are analyzed.

Key words: motivation, leadership, job satisfaction, efficiency, organization management, leadership style.

Основные положения

1. На основе исследования лидерского поведения выделены компоненты, которые определяют стиль лидерства. Определено, какими характеристиками должен обладать лидер, чтобы успешно мотивировать сотрудников.
2. Изучена взаимосвязь между мотивацией и стилем лидерского поведения.
3. Исследовано, какие лидерские характеристики руководителя обеспечивают адекватные мотивационные возможности для его подчиненных. Рекомендованы способы, с помощью которых лидеры могут мотивировать своих сотрудников.

Введение

Актуальность. Лидерство существует с тех пор, как люди начали взаимодействовать друг с другом, и присутствует во всех сферах жизни [3, 10]. Современный лидер должен обладать способностью не только вдохновлять и создавать приверженность общей цели, решать проблемы подбора и удержания в организации компетентных сотрудников, но и мотивировать их. Для всех успешных организаций является важным процесс развития нынешних и будущих лидеров. В данной работе нас интересовало выявление того, какие факторы, присутствующие в поведении лидеров, ответственны за стимулирование умения работать. Мы предположили, что если отдельные лидеры не заинтересованы в эффективном использовании потенциала сотрудников, то они могут не достичь желаемого уровня производительности и, следовательно, им необходимо развивать те лидерские качества, которые будут способствовать активной мотивации сотрудников.

Задача нашего исследования – определить лидерские характеристики, которые в своей совокупности способны мотивировать сотрудников, тем самым, определяя эффективность самого лидера. Эффективность лидерства мы определяем через следующие характеристики: дополнительные усилия, результативность и удовлетворенность.

Чтобы полностью изучить лидерские характеристики, влияющие на мотивацию, в качестве единицы измерения была использована степень активности и пассивности поведения лидера в области мотивации сотрудников. Также была изучена проблема сотрудничества со стороны персонала, чтобы помочь составить подробное мнение о стиле лидерства и руководства в организации.

Гипотеза:

- определенный (пассивный) стиль лидерского поведения обуславливает неэффективность мотивации, которая не достигает желаемого результата;
- определенный (активный) стиль лидерского поведения обуславливает эффективность мотивации, обеспечивая достижение желаемого результата.

Изученность проблемы. В научной литературе подробно описаны традиционные теории лидерства. Одно из психологических определений этого феномена – способность оказывать влияние на отдельных индивидов и коллектив в целом, в частности, направлять их усилия на достижение каких-либо целей [2]. На сегодняшний день продолжают появляться новые описания стилей лидерства, ориентированные на актуальные изменения в обществе. В стиле лидерства заложены лидерские характеристики, навыки и подходы к работе. Лидерское поведение вдохновляет, мотивирует, стимулирует и позволяет реализовать потенциал сотрудников. Вопрос заключается в том, различается ли поведение лидера в мотивировании сотрудников или все лидеры мотивируют должным образом? Эффективна ли любая мотивация и эффективны ли способы ее передачи сотрудникам? Анализ полученных в исследовании данных показывает, что поведение лидеров не всегда оправдывает ожидания. Даже там, где в организации были предусмотрены различные варианты вознаграждения и т.д., они в большинстве случаев были малоэффективными и неэффективными, если не было активным поведение лидера. Такая позиция лидера может объясняться множеством причин, и одной из основных может быть проблема глубокого недовольства своей работой.

Методология

Понятие «лидерство» достаточно многообразно, его главными элементами являются: наличие влияния; владение способами руководства и управления; умение воздействовать и мотивировать других [2]. Критерием выбора характеристик лидерского поведения были показатели корреляции удовлетворенности работой и собственной мотивации участников исследования. Все указанные характеристики были определены сотрудниками организации и руководителями, принимавшими участие в исследовании.

В нашей работе мы получили данные о характеристиках лидерства и влиянии их на организационную эффективность. Все результаты были получены в ходе анкетирования и диагностики руководителей разного уровня, работающих в государственных учреждениях. Была использована диагностика лидерства (самооценка), диагностика оценки лидерского поведения и организационной эффективности, оценка стиля руководства и диагностика удовлетворенности работой. Также была создана анкета оценки обратной связи о стилях руководства для сотрудников: данная анкета раздавалась респондентам для заполнения. Анкета содержит 45 пунктов, описывающих поведение и эффективность стиля руководства, каждый из пунктов оценивается по 5-балльной шкале.

Результаты

Работая над темой лидерского поведения, мы начали с анализа взаимосвязи мотивации и продуктивности сотрудников организации. Показатели удовлетворенности работой распределились таким образом: количество ответов «да» – 26 человек (39,4 %), «нет» – 40 человек (60,6 %). На вопрос «Мотивирует ли вас стиль руководства?» ответили «да» 10 человек (15,1 %), «нет» – 50 человек (76,0 %), оставшиеся 6 человек (около 9 %) затруднились ответить.

Значения среднего и стандартного отклонения показали основной диапазон лидерских характеристик. Все полученные профили менеджеров был проанализированы. Особое внимание было направлено на лидеров, которые обладают способностью мотивировать персонал, и тех, которые обладают этой способностью в меньшей степени.

Среднее значение оценки поведения руководителей в отношении лидеров, способных мотивировать сотрудников, составляет 2,83, стандартное отклонение составляет 0,59. Это показывает, что лидеры, способные мотивировать сотрудников, встречаются чаще, чем не обладающие этой способностью. Лидеры контролируют свои результаты и контролируют сотрудников. Следующая характеристика – это активное и пассивное поведение лидеров в мотивировании персонала. Первая группа лидеров использует условное вознаграждение, вторая группа – лидеры, характеризующиеся пассивным характером поведения относительно вознаграждения. Средние значения – 2,61 и 2,36 соответственно. Группы лидеров значительно отличаются по использованию вида мотивации: одни мотивируют посредством вознаграждения, у других мотивация носит пассивный характер. Лидеры обеих групп обеспечивают материальное и психологическое вознаграждение, которое зависит от достижения цели.

Именно поведение лидера, предполагающее активное вознаграждение, связано с эффективной мотивацией и способствует более высокому уровню развития производительности. Лидер определяет, что должно быть сделано, и назначает вознаграждение в обмен за работу – награды, медали, уважение, командное признание и др.

В группе с пассивным вознаграждением лидеры избегают принятия решений, не берут на себя ответственность. Характеристики данных лидеров показывают очень редкое использование своей власти и слабую вовлеченность в принятие решений. Средний балл общей организационной эффективности составляет 2,57, а стандартное отклонение – 0,49. Эффективность лидерства, описанная через дополнительные усилия, результативность и удовлетворенность находится на умеренном уровне со средним значением 2,43. Удовлетворенность лидера работой – среднее значение составляет 2,62, а стандартное отклонение – 0,41.

Также были выделена группа лидеров, демонстрирующих большее дополнительное усилие со средним значением 2,65. Это показывает, что данные лидеры имеют повышенную мотивацию к успеху. Они пытаются поддержать свои собственные и ожидаемые результаты группы.

Данные исследования позволяют выделить основные мотивационные модели, составляющие лидерский стиль руководителей:

1. Идеализированное влияние и вдохновляющая мотивация, которая служит харизматическим образцом для подражания и формулирования видения будущего, которым можно поделиться.

2. Индивидуальное влияние основывается на способности лидера обращать внимание на индивидуальные различия, и вовлекать персонал в работу, опираясь на интересы и потребности каждого из работников [1].

3. Интеллектуальная стимуляция определяется как логическое обоснование необходимости следовать тем или иным требованиям.

Все три описанные выше модели мотивационного поведения включают в себя компоненты лидерства, которые могут быть определены следующим образом:

– условное вознаграждение, которое руководитель предоставляет в зависимости от результатов работы, управления;

– пассивное вознаграждение, которое работник получает при любых результатах своей деятельности;

– активное вознаграждение, подразумевающее, что лидер предпринимает корректирующие действия до того момента, когда возникает проблема, и управляет мотивацией заранее, а не в процессе исправления положения.

Выделены предикторы организационной эффективности: лидерское влияние (идеалы, ценности, идеи), лидерское поведение (собственный пример), интеллектуальное стимулирование, вознаграждение, вдохновение – мотивация.

Основными лидерскими характеристиками выступают активное поведение, умение мотивировать и вдохновлять, способность вознаграждать сотрудников, когда они достигли цели. По результатам факторного анализа, примененного к данным тестирования, мы получили следующие лидерские характеристики. Лидеры должны:

– быть уверенными в себе, сильными;

– уделять особое внимание ценностям высшего порядка;

– уметь вдохновлять и мотивировать/стремиться вдохновлять;

– быть способными выходить за индивидуальные рамки на благо группы;

– обладать способностью принимать решения;

– уметь брать ответственность/власть.

Будучи схожи в лидерских характеристиках, лидеры, тем не менее, имеют и существенные отличия: их поведение будет различным в зависимости от обстоятельств. В 100 % ответов респондентов были указаны следующие лидерские характеристики: идеализированное влияние, мотивация, стимулирование.

Анализ влияния конкретных функций лидера на мотивационные процессы в организации показал, что лидеры повышают мотивацию сотрудников как напрямую, с помощью ряда мотивационных стратегий, так и косвенно через планирование, координацию, развитие персонала и обратную связь.

Одна из основных обязанностей лидера – повысить коллективную эффективность [4; 5]. Стратегии мотивации могут быть разные: повышение уверенности членов команды, моделирование командной работы. Эффективные лидеры своими действиями устанавливают оптимальные схемы взаимодействия в коллективе. Еще одно условие эффективности деятельности команды – наличие лидера, который призывает своих сотрудников усердно работать и преуспевать. Такие лидеры способны согласовывать мотивы отдельных членов коллектива с целями команды в целом.

Заключение

Исследование показало, что чем более развитыми способностями и умениями обладают лидеры, тем выше у них уровень удовлетворенности работой, понимания ценностей и убеждений, чувства миссии. Они уверены в себе и сильны, уделяют особое внимание собственному развитию и способны мотивировать других: их лидерское поведение направлено на то, чтобы повысить понимание работников в отношении целей, ценностей и миссии организации.

Стиль лидерства – это индивидуальный выбор. Лидерские качества могут быть предметом целенаправленного формирования и совершенствования, при наличии у человека мотивации и определенных условий. Понимание структурных составляющих лидерства является важным условием развития нынешних и будущих лидеров. Поэтому саморазвитие, совершенствование собственных стилей у руководства имеет решающее значение для успеха на любом уровне организации.

Литература

1. Биктимирова Н.А. Формирование эмоциональной вовлеченности через удовлетворение социальных потребностей / БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО. 2021. № 2. С. 353–357.
2. Колпакова А.Ю., Жарлаганова А.И. Феноменология лидерства // Молодой ученый. 2019. № 50. С. 425–426.
3. Селезнева Е.В. Лидерство: учебник и практикум для вузов. М.: Изд-во «Юрайт», 2021. 429 с.
4. Aguenza B.B. & Som A.P.M. Motivational factors of employee retention and engagement in organizations. IJAME. 2018. Pp. 32–41
5. Ibiwani Alisa Hussain, Noormala Amir Ishak. The Relationship Between Organizational Learning and Employee Engagement, in the Perspective of Young Employees from Commercial Banks in Malaysia // Journal of Business and Economic Development. 2017. Vol. 2. No. 1. Pp. 57–62.

DOI: 10.34773/EU.2022.4.15

Формирование ключевых показателей эффективности управления персоналом нефтегазовой компании

Formation of Key Performance Indicators of Personnel Management in an Oil and Gas Company

М. ГАЙФУЛЛИНА, Г. НИЗАМОВА

Гайфуллина Марина Михайловна, канд. экон. наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: marina_makova@ist.ru

Низамова Гульнара Закиевна, канд. экон. наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления УГНТУ. E-mail: gulya182004@list.ru

В статье рассмотрены вопросы формирования и применения ключевых показателей эффективности (КПЭ) управления персоналом нефтегазовой компании. Предложен алгоритм формирования ключевых показателей эффективности управления персоналом. Сформирована система ключевых показателей эффективности в области управления персоналом нефтегазовой компании. Предложены дополнения к стратегии предприятия в области управления персоналом для повышения эффективности стратегического управления персоналом в компании. Предложены критериальные значения эффективности показателей деятельности компании в результате реализации предложенного подхода к совершенствованию стратегического управления персоналом нефтегазовой компании.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, управление, персонал, нефтегазовая компания, стратегия управления персоналом.

The article discusses the issues of formation and application of key performance indicators (KPI) of personnel management of an oil and gas company. An algorithm for the formation of key indicators of the effectiveness of personnel management is proposed. A system of key performance indicators in the field of personnel management of an oil and gas company has been formed. Additions to the company's strategy in the field of personnel management are proposed to improve the effectiveness of strategic personnel management in the company. The criteria values of the effectiveness of the company's performance indicators are proposed as a result of the implementation of the proposed approach to improving the strategic personnel management of an oil and gas company.

Key words: key performance indicators, management, personnel, oil and gas company, personnel management strategy.

Введение

В современных условиях усиливающегося глобального кризиса одним из главных направлений повышения эффективности нефтегазовых компаний является качественное использование персонала как в тактическом, так и в стратегическом плане [1]. В связи с этим возникает необходимость в управлении персоналом нефтегазовых компаний таким образом, чтобы обеспечить его продуктивное использование, при котором затраты на команду ниже ее последующей деятельности в организации [10]. Одним из инструментов, способных повлиять на рост продуктивности использования работников, является разработка и использование системы ключевых показателей эффективности (КПЭ).

Ключевые показатели эффективности деятельности компании не остаются без внимания исследователей. Ключевые показатели эффективности как инструмент управления компании рассматриваются в работе Эккерсона У.У. [13], Реймарова Г.А. [12]. Специфика нефтегазовой отрасли, особенности управления персоналом в нефтегазовой отрасли рассматриваются в работах Бурениной И.В. [3], Гареевой З.А. [7], а также в исследованиях авторов данной статьи [4; 5].

В настоящее время основной ключевой показатель эффективности в области управления персоналом – это производительность труда [7]. Однако управление таким важным для любой компании ресурсом как персонал, не может быть достаточно эффективным без учета различных аспектов данного вопроса и разработки дополнительных показателей эффективности управления персоналом компании [8,13,15].

Цель статьи – систематизировать основные ключевые показатели эффективности управления персоналом, используемые в нефтегазовых компаниях, и предложить систему дополнительных ключевых показателей эффективности управления персоналом на примере нефтегазовых компаний.

Объект исследования – персонал нефтегазовых компаний.

Предмет исследования – инструменты и методы повышения эффективности управления персоналом нефтегазовой компании.

Источниками информации являются официальные сайты ведущих нефтегазовых компаний России, отчеты в области устойчивого развития, раскрывающие специфику и результаты управления персоналом компаний.

Методы и материалы

В статье используются методы анализа, синтеза, методы группировки, а также табличный метод.

Предлагаемый механизм формирования и применения ключевых показателей эффективности нефтегазовой компании включает в себя:

- 1) алгоритм построения и корректировки стратегии в области управления персоналом нефтегазовой компании;
- 2) предлагаемые дополнения в стратегии управления персоналом нефтегазовой компании;

3) разработанную систему ключевых показателей эффективности в области управления персоналом нефтегазовой компании.

Предлагаемый алгоритм построения и корректировки стратегии в области управления персоналом нефтегазовой компании включает в себя следующие этапы:

Этап 1. Расчет и анализ различных показателей эффективности управления предприятия.

Этап 2. Выявление корреляционно-регрессионных зависимостей между ключевыми показателями деятельности компании и различными показателями эффективности управления персоналом.

Этап 3. Определение наиболее значимых показателей, влияющих на показатели деятельности компании.

Этап 4. Включение данных показателей в качестве ключевых показателей эффективности управления персоналом в стратегию управления персоналом нефтегазовой компании.

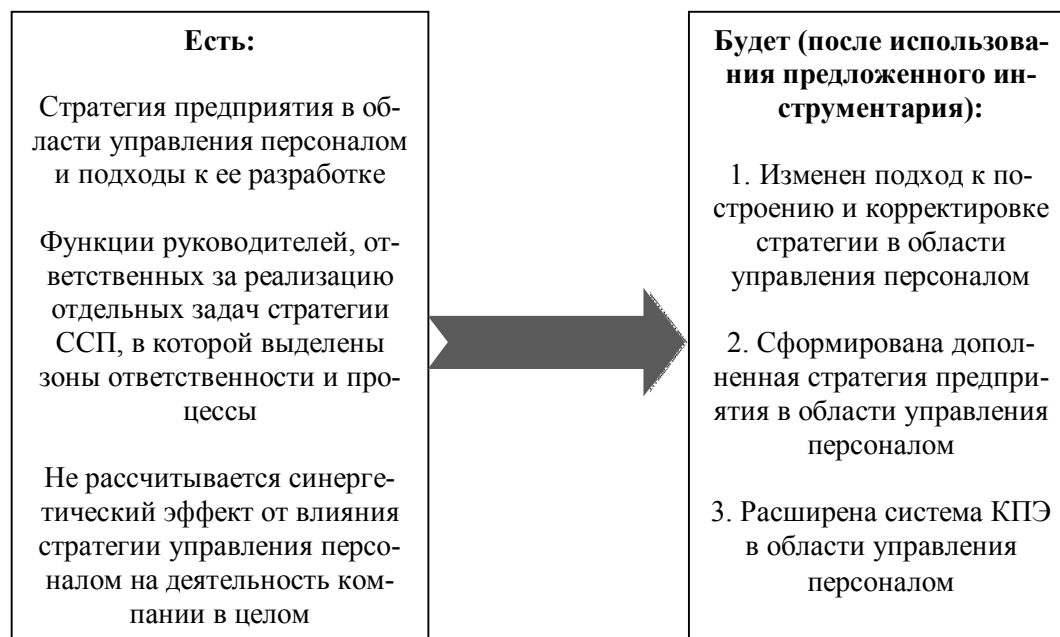
Таким образом, результатом предлагаемого подхода к совершенствованию стратегического управления персоналом нефтегазовой компании являются:

– включение дополнительных инструментов (корреляционно-регрессионный анализ) при разработке стратегии управления персоналом;

– определение целевых ключевых показателей эффективности управления персоналом как наиболее значимых для компаний.

В результате предлагаемого подхода должны произойти следующие качественные изменения в управлении предприятиями, если будет использоваться созданное методическое обеспечение:

- изменится подход к построению и корректировке стратегии в области управления персоналом;
- будут внесены дополнения в стратегию предприятия;
- будет сформирована / расширена система КПЭ предприятия (см. рис.).

Изменения в области управления персоналом компании в результате внедрения предлагаемого подхода

Внедрение предложенного подхода отразится на росте производительности труда, поскольку цель предложенного подхода как раз и состоит в том, чтобы выявить факторы, влияющие на производительность труда [2; 6].

Ключевые показатели, на которые повлияет внедрение предложенного подхода по повышению эффективности управления персоналом, следующие:

1. Рост выручки от реализации (рост показателя оценивается через темп роста производительности труда в результате предложенного подхода).
 2. Рост прибыли от продаж (рост прибыли от продаж обусловлен ростом выручки от реализации при неизменных других параметрах).
 3. Рост рентабельности продаж (обусловлен ростом прибыли при неизменных затратах).
 4. Рост доходности труда (обусловлено ростом прибыли).
- Рост рентабельности затрат на персонал (за счет роста отдачи от персонала).
5. Снижение текучести персонала (за счет более эффективности системы мотивации и стимулирования персонала через предложенную систему ключевых показателей эффективности персоналом)

Далее были предложены критериальные значения показателей, т.е. числовые значения, полученные после реализации методического обеспечения, которые будут считаться удовлетворительными/хорошими/отличными в результате реализации предложенных рекомендаций в области совершенствования управления персоналом (табл. 1).

Таблица 1

Предлагаемые критериальные значения показателей для оценки влияния разработанного подхода на эффективность деятельности компании

Ожидаемый результат	Негативно	Принято	Отлично
Рост выручки от реализации	меньше 2%	от 2% до 5%	более 5%
Рост прибыли от продаж	меньше 2%	от 2% до 5%	более 5%
Рост рентабельности продаж	меньше 2%	от 2% до 5%	более 5%
Рост доходности труда	меньше 2%	от 2% до 5%	более 5%
Рост рентабельности затрат на персонал	меньше 2%	от 2% до 5%	более 5%
Снижение текучести персонала	меньше 1%	от 2% до 3%	более 3%

Действия, которые нужно принимать предприятию, в случае наступления негативного исхода, следующие:

1. Решение вопросов укомплектованности компании квалифицированным персоналом в средне- и долгосрочном планах развития и обеспечение поддержания их высокого уровня стабильности.
2. Обеспечение достойного уровня оплаты труда, пересмотр системы мотивации персонала.
3. Пересмотр системы обучения и развития персонала [9].

Действия, которые нужно принимать предприятию, в случае наступления позитивного исхода, следующие:

1. Поддержание форм материального и нематериального стимулирования работников компании, учитывая региональные факторы и состояние отдельных профессионально-квалификационных групп на рынке труда, использование конкурентной системы оплаты труда.
2. Обеспечение качественной подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала с учетом федерального законодательства, а также стратегического развития нефтегазовых компаний.
3. Создание условий для личностного и профессионального развития работников.

Результаты и их обсуждение

Апробация предложенного подхода проведена на примере нефтегазовой компании ПАО «Газпром нефть» [11].

По результатам корреляционно-регрессионного анализа была сформирована система ключевых показателей эффективности управления персоналом компании, которые в значительной степени влияют на конечные показатели деятельности компании: выручку от реализации продукции, прибыль от реализации и рентабельность продаж. Предлагаемая система ключевых

показателей эффективности нефтегазовой компании ПАО «Газпром нефть» включает следующие показатели:

- КПЭ₁ – Производительность труда, руб./чел., %.
- КПЭ₂ – Доля персонала в возрасте до 30 лет, %.
- КПЭ₃ – Показатель среднего возраста персонала, лет.
- КПЭ₄ – Коэффициент укомплектованности кадрами, %.
- КПЭ₅ – Доля персонала с высшим образованием, %.
- КПЭ₆ – Доля персонала, прошедшее обучение, %.
- КПЭ₇ – Коэффициент текучести персонала, %.
- КПЭ₈ – Рентабельность затрат на персонал, %.

Также было спрогнозировано изменение показателей деятельности нефтяной компании ПАО «Газпром нефть» в результате предложенных рекомендаций по совершенствованию стратегического управления персоналом в компании. Ожидаемые результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2

Прогнозируемые показатели ПАО «Газпром нефть» в результате реализации предложенного подхода

Ожидаемый результат	Фактическое значение в 2021 г.	Прогноз через 1 год (2022)	Прогноз через 2 года (2023)	Прогноз через 3 года (2024)
Рост выручки от реализации, млн руб.	3068442	3419616	36039812	460210
Рост прибыли от продаж, млн руб.	561337	612173	678369	735767
Рост рентабельности продаж, %	18,3	20,0	22,0	23,0
Рост доходности труда, тыс. руб./чел.	1500	1536	1710	1623
Рост рентабельности затрат на персонал	11,6	12,1	13,4	14,1
Снижение текучести персонала, %	8,0	7,0	6,0	5,0

Внедрение предложенных ключевых показателей эффективности в области управления персоналом позволит существенно увеличить показатели деятельности компании в целом.

Заключение

Таким образом, в результате исследования предложен алгоритм по совершенствованию стратегического управления персоналом нефтегазовой компании. Ценность предложенного алгоритма для практики состоит в том, что ориентация при разработке инструментов управления персоналом на конечные результаты деятельности компании позволит обеспечить рост ключевых показателей деятельности компании.

Литература

1. Армстронг М., Тейлор С. Практика управления человеческими ресурсами. 14-е изд. Санкт-Петербург: Питер, Прогресс книга, 2018. 1038 с.
2. Балынская Н.Р., Кузнецова Н.В., Сеницына О.Н. Показатели оценки кадрового потенциала предприятия // Вопросы управления. 2015. № 2. С. 127–138.
3. Буренина И.В., Варакина В.А. Система единых показателей оценки эффективности деятельности вертикально – интегрированных нефтяных компаний // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. Вып. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/12EVN114.pdf>
4. Гайфуллина М.М., Низамова Г.З. Компетентностный подход к оценке и развитию персонала нефтяных компаний // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 1. С. 48–53.
5. Гайфуллина М.М., Низамова Г.З. Соппротивление персонала инновационным преобразованиям в компании и способы его преодоления // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 1. С. 91–96.

6. Гайфуллина М.М., Низамова Г.З., Маков В.М. Формирование стратегии эффективного управления человеческими ресурсами нефтяной компании // Нефтяное хозяйство. 2018. № 4. С. 8–11.
7. Гареева З.А., Иванова И.В. Управление по целям и ключевые показатели эффективности на предприятиях ТЭК // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 4. С. 89–95.
8. Доничев О.А., Фраймович Д.Ю. Методика оценки эффективности управления персоналом организации // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 119–123.
9. Дудник И.В. Построение системы управления персоналом в условиях длительного кризиса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?1841>
10. Маков В.М. Оценка рисков при найме персонала нефтегазового предприятия // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 4. С. 24–30.
11. Отчет об устойчивом развитии за 2020 г. / ПАО «Газпром нефть» [Электронный ресурс]. URL: <https://nangs.org/analytics/gazprom-neft-otchet-ob-ustojchivom-razviti>
12. Реймаров Г.А. Комплексная оценка персонала: Инженерный подход к управлению качеством труда. М.: Издательство ЛКИ, 2017. 422 с.
13. Соловьева И.А., Герасимова М.В., Мусина Д.Р. Формирование многокритериальной модели оценки эффективности системы обучения и развития организации // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 2.
14. Эккерсон У.У. Панели индикаторов как инструмент управления: ключевые показатели эффективности, мониторинг деятельности, оценка результатов / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 396 с.
15. Wisconte S.A., Musina D.R., Gerasimova M.V., Yangirov A.V., Nasyrova S.I. Company efficiency assessment using key indicator system. Proceedings of the International Scientific Conference «FarEastCon» (ISCFEC 2020): Advances in Economics, Business and Management Research. Vladivostok, 2020.

DOI: [10.34773/EU.2022.4.16](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.16)

Повышение эффективности процесса администрирования договорных документов

Improving the Efficiency of Contract Document Administration

**А. НИКУЛИНА, О. СТОГОВА,
О. ГРЕЧИЩЕНКО, В. НИКУЛИН**

Никулина Анастасия Константиновна, специалист ООО «РН-БашНИПИнефть», магистрант Башкирского государственного университета. E-mail: AK_Nikulina@bnipi.rosneft.ru
Стогова Ольга Витальевна, руководитель сектора ООО «РН-БашНИПИнефть». E-mail: StogovaOV@bnipi.rosneft.ru
Гречищенко Олеся Николаевна (ON_Grechishchenko@bnipi.rosneft.ru), **Никулин Владислав Юрьевич** (NikulinVY@bnipi.rosneft.ru), главные специалисты ООО «РН-БашНИПИнефть»

В статье теоретически рассмотрены особенности процесса администрирования договорных документов, изучены встречающиеся в процессе нарушения и их вероятные предпосылки и последствия. Установлено преобладание среди нарушений несоблюдения сроков предоставления подписанного оригинала договорного документа. Проанализирован опыт одной из организаций, осуществляющих услуги в нефтедобывающей отрасли, в области администрирования договорных документов. Разработаны предложения и мероприятия по нивелированию потенциальных рисков и минимизации количества нарушений, которые связаны со сроками предоставления оригиналов договорного документа. Разработаны рекомендации по адресному применению мероприятий, что позволит снизить количество нарушений и связанных с ним рисков в процессе администрирования.

Ключевые слова: договорной документ, нарушение, оригиналы, соблюдение сроков, электронная подпись, уведомление.

The article theoretically examines the peculiarities of the process of administration of contractual documents, examines the violations encountered in the process and their probable preconditions and consequences. The predominance of non-compliance with the deadline for submission of the signed original contract document has been established. The experience of one of the organizations providing services in the petroleum industry in the administration of contract documents was analyzed. Proposals and measures to level out potential risks and minimize the number of violations, which are associated with the timing of submission of the original contractual document have been developed. Recommendations on the targeted application of measures have been developed, which will reduce the number of violations and the risks associated with it in the process of administration.

Key words: contract document, breach, originals, meeting deadlines, electronic signature, notice.

Основные положения

1. Изучены встречающиеся в процессе администрирования договорных документов нарушения и их вероятные предпосылки и последствия.
2. Установлено преобладание среди нарушений несоблюдения сроков предоставления подписанного оригинала договорного документа.
3. Разработаны предложения и мероприятия по нивелированию потенциальных рисков и минимизации количества нарушений.

Введение

Общеизвестно, что оказание услуг или выполнение работ организациями осуществляется на основании договора, который является соглашением двух или нескольких сторон об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [3]. Если рассматривать крупные нефтегазовые компании, то организации, которые входят в их периметр, в рамках договорных отношений выполняют работы/оказывают услуги в большей степени для аффилированных лиц основного бенефициара. В некоторых случаях это упрощает процесс согласования договорного документа (ДД), поскольку внутри основного бенефициара действуют одни и те же требования: стандартные оговорки, порядок согласования и подписания ДД, контрольные процедуры и т.д.

Администрирование ДД – процесс, включающий в себя подготовку к согласованию, согласование, подписание, хранение и прекращение договоров. Процесс администрирования ДД начинается после достижения взаимной договоренности между сторонами о заключении договора, и за него отвечают два сотрудника – куратор и администратор. Куратор ДД – лицо, ответственное за осуществление всех действий по администрированию ДД. Куратор обладает информацией о содержании договора, позволяющей давать необходимые разъяснения согласующим лицам. Администратор – сотрудник, осуществляющий некоторые операции по администрированию договоров, которые контролирует куратор.

Процесс администрирования ДД проходит через следующие основные стадии (рисунок 1):

– назначение распоряжением куратора ДД, который: подготавливает пакет документов для создания и согласования проекта ДД, контролирует ход согласования, устраняет замечания по технической части, обеспечивает своевременное подписание и предоставление оригинала ДД, а также дальнейшее его исполнение;

– администратор готовит проект ДД на основании документов, полученных от куратора, в том числе с использованием типовых и стандартных форм договоров, направляет его на согласование в учетные системы организации, такие как 1С: Документооборот (ДО) и SAP R/3. Также он совместно с куратором контролирует процесс согласования и обеспечивает своевременное подписание и предоставление оригинала ДД, размещает скан подписанного оригинала в учетных системах организации.

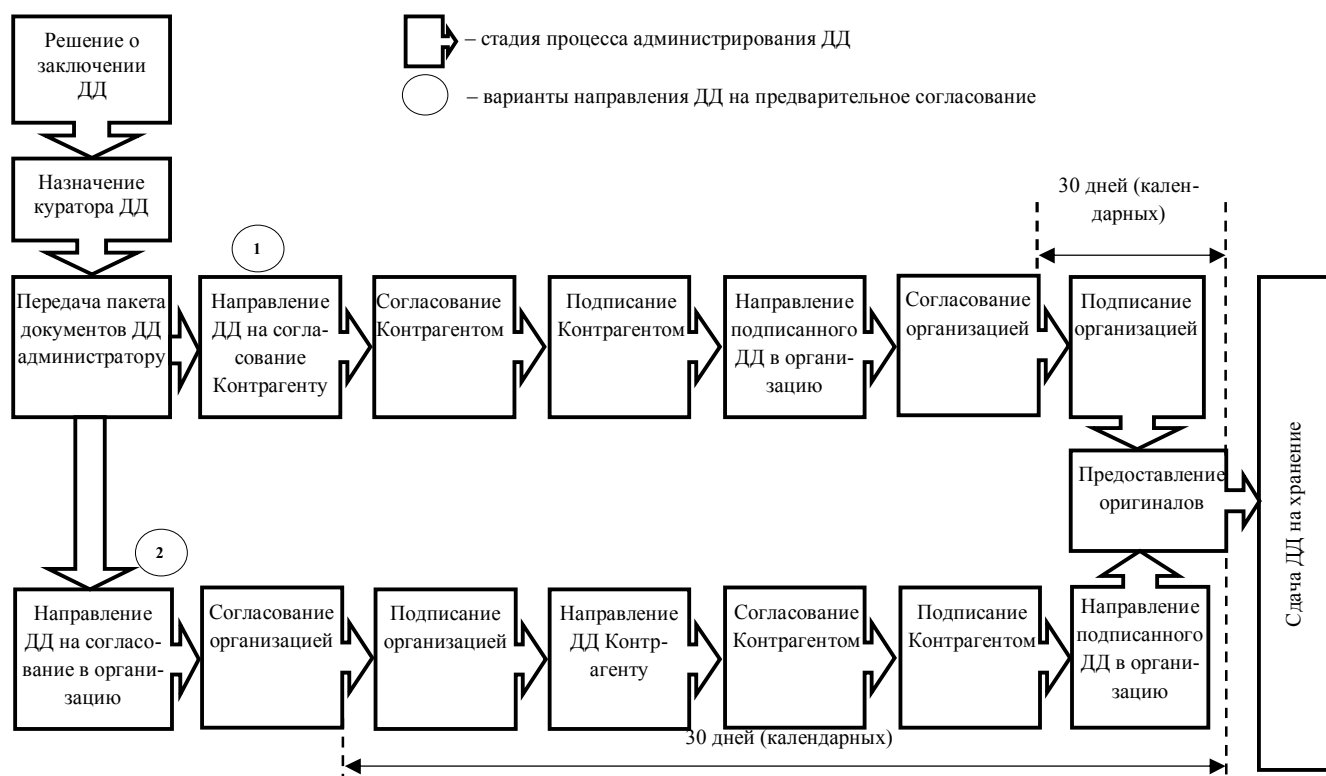

Рис. 1. Основные стадии процесса администрирования ДД

В процессе администрирования ДД возникают различные виды нарушений, такие как:

- исполнение обязательств до момента заключения договора;
- согласование или подписание договора при несоответствии условий договора решению закупочного органа;
- несоответствие подписанного обеими сторонами оригинала договора согласованному проекту договора;
- нарушение срока предоставления подписанного оригинала ДД и др.

Методы

При написании статьи были использованы общенаучные методы систематизации, обобщения и анализа информации, а также экспертные методологические подходы для разработки превентивных мероприятий как основы решения проблемы большого количества нарушений в области администрирования ДД.

Результаты

Сравнительный анализ показывает, что нарушение срока предоставления подписанного оригинала ДД является наиболее частым видом нарушения (рисунок 2).

Срок предоставления подписанного оригинала ДД и размещения его сканированной копии в учетных системах организации для осуществления контрольных процедур регламентирован и зачастую составляет тридцать календарных дней с момента согласования. Кроме того, увеличенные сроки для предоставления оригиналов встречаются для договоров с нерезидентами, договоров, требующих процедуры государственной регистрации, договоров, где количество подписантов три и более и других, но данные случаи встречаются нечасто.

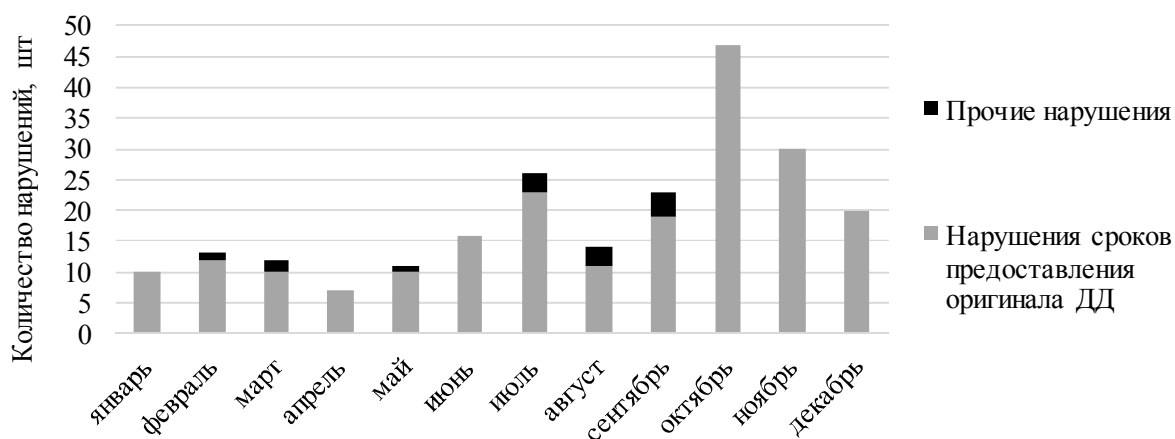

Рис. 2. Динамика нарушений в одной из нефтесервисных организаций (Исследуемое Общество) за 2019 г.

Нарушение сроков предоставления оригиналов ДД приводит к следующим последствиям:

1. Увеличение трудозатрат кураторов, администраторов и сотрудников, осуществляющих контроль контрактования и соблюдения процедур, которые задействованы в процессе администрирования ДД: дополнительные траты рабочего времени на регистрацию нарушения в учетных системах, подготовку запросов о причинах нарушения, ответов и пояснительных записок на указанные запросы, подготовку отчетности о выявленных нарушениях и т.д.

2. Высокая вероятность начала выполнения работ или оказания услуг без наличия в системах централизованного ведения договоров подписанного ДД. Зачастую указанные случаи возникают в процессе администрирования доходных внутригрупповых договоров. Работники, в рамках устоявшихся договорных отношений, приступают к выполнению работ по требованию внутригруппового заказчика согласно срокам, указанным в проекте договора. Но в данном случае возникает риск отказа потенциального заказчика от заключения договора без оплаты выполненных работ по различным причинам, в частности, – из-за изменения производственной программы.

3. Высокая вероятность срыва сроков выполнения работ (оказания услуг) при заключении расходных договоров. В случае, если подписание и предоставление оригинала ДД затягивается, контрагент вправе отказаться от выполнения работ (оказания услуг). Это, в свою очередь, может привести к невыполнению работ либо к изменению сроков и необходимости дополнительного проведения закупочных процедур.

4. Риск репутационного ущерба организации.

Таким образом, для повышения результативности процесса администрирования ДД, снижения потенциальных рисков и минимизации количества нарушений необходимо предпринимать меры по обеспечению предоставления оригиналов подписанных ДД в организацию в регламентированные сроки.

Для определения действий по снижению количества нарушений в процессе администрирования ДД и последующих рисков необходимо выявить основные причины их возникновения. Анализ опыта в области администрирования ДД, а также опрос кураторов и администраторов договоров Исследуемого Общества позволил выделить следующие основные причины нарушений [6] (см. таблицу):

1. ДД направляется контрагенту на подписание по истечении определенного времени после окончания согласования в организации (т.е. не сразу после согласования, а по истечении двух и более дней после окончания согласования) – дополнительная задержка со стороны организаций;

2. Недостаточный контроль сроков предоставления оригинала ДД со стороны куратора;

3. Недостаточная детализация обязанностей кураторов и администраторов ДД, заключающаяся в следующем: куратор несет ответственность и контролирует весь процесс администрирования, в то время как администратор является его помощником при осуществлении данного процесса. При этом куратор не контролирует должным образом процесс согласования и подписания ДД, так как полностью полагается на администратора, а администратор не осуществляет полный контроль, так как это функционал куратора, и ДД остается без должного контроля.

4. ДД должен направляться с сопроводительным письмом. На практике сопроводительное письмо прикладывается не всегда.

5. Длительные сроки согласования ДД контрагентом – актуально, если ДД согласован и подписан в первую очередь в организации.

6. Длительные сроки доставки ДД почтой – актуально, если ДД согласован и подписан в первую очередь в организации.

7. Территориальная удаленность контрагента – актуально, если ДД согласован и подписан в первую очередь в организации.

Мероприятия по минимизации рисков в процессе администрирования ДД

№	Причины возникновения нарушений	Мероприятия по нивелированию рисков
1	Направление ДД контрагенту по истечении определенного времени после окончания согласования в организации	1. Направление ДД на согласование в первую очередь у контрагента. 2. Контроль руководителем куратора ДД своевременного выполнения куратором своих функций.
2	Недостаточный контроль сроков предоставления оригинала со стороны куратора	1. Контроль руководителем куратора ДД своевременного выполнения куратором своих функций. 2. Автоматическое уведомление куратора и администратора ДД об окончании сроков. 3. При наличии вины применение мер дисциплинарного взыскания к кураторам с систематическими нарушениями.
3	Недостаточная детализация обязанностей кураторов и администраторов ДД	Контроль руководителем куратора ДД своевременного выполнения куратором своих функций.
4	Отсутствие сопроводительного письма со сроками предоставления контрагентом подписанного ДД	Направление сопроводительного письма с указанием сроков предоставления контрагентом подписанного ДД.
5	Длительное согласование и подписание ДД контрагентом	1. Усиление контроля со стороны куратора (работа с контрагентом). 2. Направление ДД на подписание контрагенту с сопроводительным письмом с указанием сроков возврата. 3. Подписание ДД в электронном виде, если у сторон имеется соответствующая техническая возможность. 4. Направление ДД на согласование в первую очередь у контрагента.
6	Длительная доставка почтой	Направление ДД на согласование в первую очередь у контрагента.
7	Территориальная удаленность контрагента	Направление ДД на согласование в первую очередь у контрагента.

Поскольку кураторы и администраторы непосредственно являются лицами, осуществляющими процесс администрирования ДД, проведено их анкетирование для изучения мнений о способах сокращения потенциальных нарушений. Были рассмотрены предложения кураторов и администраторов, которые были сопоставлены с вариантами снижения рисков и количества рассматриваемых нарушений, предложенными авторами. Предложения по нивелированию рисков и минимизации количества нарушений включают следующие мероприятия [5]:

1. Подписание ДД в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП). Она является полным аналогом собственноручной подписи, поставленной синими чернилами [7], и данные документы принимаются в качестве письменных доказательств [1] – данное предложение направлено на снижение влияния причины № 5.

Преимуществом УКЭП является гарантия подлинности, целостности и невозможности отказа (отрицания авторства или принадлежности) – отправитель не сможет заявить, что не посылал сообщение или документ, а получатель не сможет отрицать факт его получения [8]. Цифровые подписи обладают характерными свойствами, на которых строится механизм аутентификации объектов и проверки целостности данных – наличие цифровой подписи доказывает, что сообщение или документ подписаны именно отправителем. Каждый пользователь имеет уникальную цифровую подпись, поэтому тот, кто создал подпись под документом, не может впоследствии заявить, что документ был подписан кем-то другим. У УКЭП также имеются свои риски – иное лицо может завладеть доступом к электронной подписи, и она не гарантирует защиту компании от мошенников. Тем не менее, она создает для них серьезное препятствие – завладеть чужой УКЭП намного сложнее, чем подделать подпись и печать на бумаге. Кроме того, с электронной подписью шансы остановить преступников и вычислить их намного выше. Также при электронном подписании отсутствует необходимость в проставлении печати около подписи, а также отсутствует необходимость парафировать и сканировать подписанные ДД, что требует временных затрат.

2. Автоматическое уведомление (напоминание) куратора и администратора договора в системах согласования по истечении 25 календарных дней с момента полного согласования ДД в организации об окончании сроков для предоставления оригинала направлено на снижение влияния причины № 2, способствует оперативному напоминанию и повышает эффективность выполнения задач [4];

3. При наличии вины применение мер дисциплинарного взыскания к кураторам с систематическим и наибольшим количеством данного вида нарушений также направлено на снижение влияния причины № 2. Это позволяет корректировать поведение работника в соответствии с установленным внутренним трудовым распорядком, а также формировать его добросовестное отношение к должностным обязанностям [2];

4. Усиление контроля со стороны куратора за сроками предоставления оригинала ДД, контроль сроков согласования и подписания со стороны контрагента (работа с контрагентом) – эти меры направлены на снижение влияния причины № 5;

5. Направление ДД на подписание контрагенту с сопроводительным письмом, в котором указаны сроки для подписания и возврата оригинала ДД в организацию направлено на снижение влияния причин № 4 и № 5;

6. Контроль руководителями кураторов ДД своевременного выполнения функций кураторами направлен на снижение влияния причин № 1, № 2 и № 3;

7. Рекомендации кураторам: предлагать производить запуск ДД на предварительное согласование в первую очередь у контрагентов и/или параллельно согласованию ДД в организациях направлено на снижение влияния причин № 1, № 5, № 6 и № 7.

В то же время в подразделениях, осуществляющих администрирование, должен составляться и периодически обновляться перечень контрагентов, которые наиболее часто затягивают сроки согласования и предоставления оригиналов ДД, чтобы изначально держать данные ДД на особом контроле при администрировании.

На данный момент в условиях развития удаленного режима работы многие ДД подписываются с использованием УКЭП в системе ЭДО, что позволяет значительно снизить количество нарушений в области несоблюдения сроков предоставления оригинала.

Обсуждение

Процесс администрирования ДД с учетом всех рекомендуемых мероприятий выглядит следующим образом (рисунок 3).

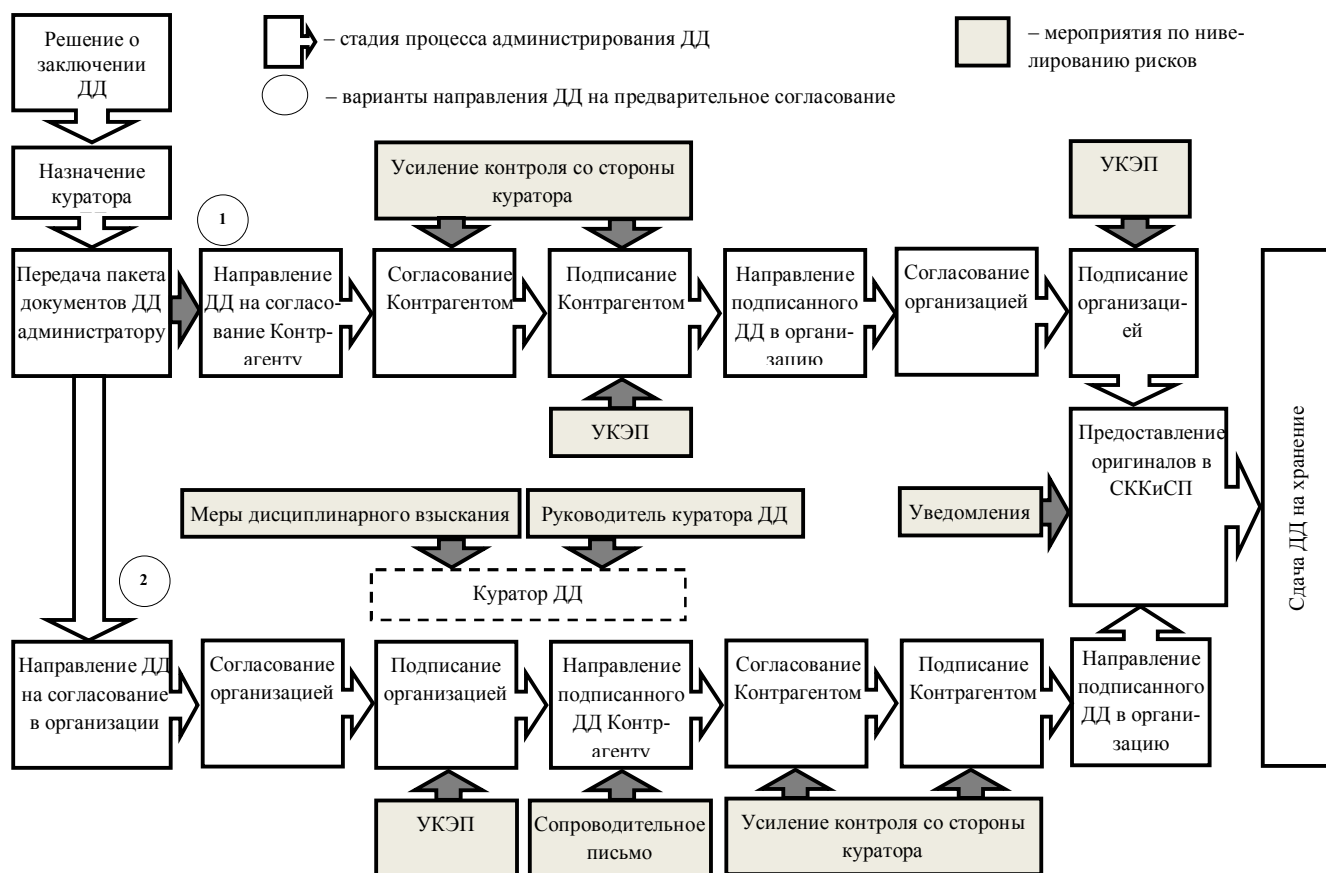

Рис. 3. Основные стадии процесса администрирования ДД с мероприятиями по нивелированию рисков

В первую очередь, разработанные мероприятия по снижению количества нарушений необходимо принять в работу в структурных подразделениях организаций, в которых наблюдается наибольшее количество заключенных ДД с нарушениями в абсолютном и относительном соотношении. Например, анализ информации по количеству заключенных ДД по подразделениям Исследуемого Общества (рисунок 4) позволяет сделать вывод, что ДД с нарушениями преобладают в подразделениях 1 и 6. При небольшом количестве заключенных договоров в подразделении 6 соответственно наблюдается и небольшое количество нарушений, но в дальнейшем их количество может вырасти, если не предпринимать действий по их нивелированию. По остальным подразделениям (кроме 1 и 6) доля ДД с нарушениями не превышает 5 %.

Заключение

На основании проведенного исследования процесса администрирования ДД сделаны следующие выводы:

1. Администрирование ДД – комплексный процесс, требующий гармоничного взаимодействия всех участников (в т.ч. куратора и администратора ДД), в котором возможны нарушения на каждом этапе. Нарушение сроков предоставления оригиналов ДД – наиболее частый (превышает 90 %) вид нарушений в процессе администрирования ДД в Исследуемом Обществе, минимизация которого позволит повысить эффективность всего рассматриваемого процесса.

2. Выявлено 7 основных причин большого количества нарушений в области несоблюдения сроков предоставления оригиналов ДД, и разработано 7 ключевых мероприятий по нивелированию рисков, которые позволят минимизировать количество данных нарушений.

3. Обновленный процесс администрирования ДД позволяет минимизировать риски увеличения трудозатрат кураторов, администраторов и сотрудников, осуществляющих контроль контрактирования и соблюдения процедур, а также начала выполнения работ и оказания услуг до подписания ДД, и повышает репутацию организаций.

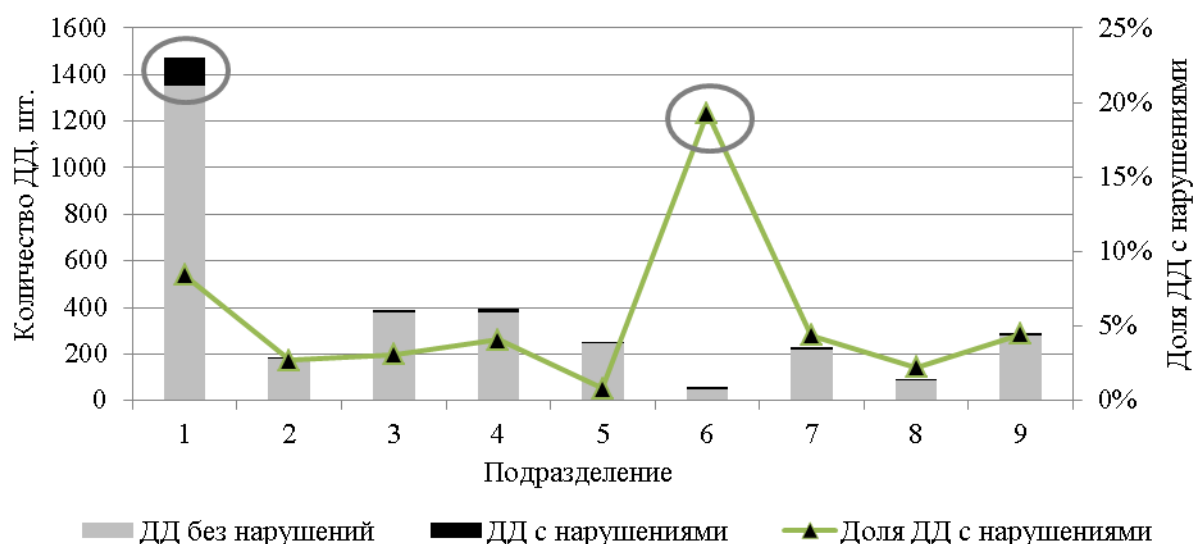

Рис. 4. Соотношение количества заключенных ДД без нарушений к количеству заключенных ДД с нарушениями по подразделениям Исследуемого Общества за 2019 г.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 08 декабря 2020).
2. Воронкова Е.Р. Формирование добросовестного отношения работника к труду как основная цель дисциплинарного производства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С.161.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01 сентября 2018 г. №199-ФЗ).
4. Денисенко В.В., Евтева К.С. Современные информационные решения, используемые для автоматизации управленческой деятельности // Colloquium-Journal. 2019. № 18-2 (42). С.29.
5. Павлова А.К. Минимизация количества нарушений сроков предоставления оригиналов договорного документа // Нефть и газ – 2021: тез. докл. 75-й Междунар. молодеж. науч. конф. Москва, 2021. Т.3. С. 174-175.
6. Павлова А.К. Снижение рисков в условиях цифровизации процесса администрирования договорных документов // Актуальные проблемы науки и техники – 2021: сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа, 2021. Т.2. С.316-318.
7. Федеральный закон от 06 апреля 2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».
8. Чуканов К.В., Чичикин Г.Я. Цифровые подписи // Вестник науки и образования. 2018. № 16-2 (52). С.21.

DOI: 10.34773/EU.2022.4.17

Совершенствование структур управления городских администраций как основа обеспечения качества управления на примере Донецкой Народной Республики

Improving the Management Structures of City Administrations as a Basis for Ensuring the Quality of Management on the Example of the Donetsk People's Republic

Л. КОСТРОВЕЦ, Р. ОБОДЕЦ,
А. КРЕТОВА

Костровец Лариса Борисовна, д-р экон. наук, доцент, проректор ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики» (ДонАУиГС).
E-mail: incubator-org@yandex.ru

Ободец Роман Васильевич, д-р экон. наук, доцент, проректор ДонАУиГС

Кретьова Алина Викторовна, канд. гос. упр., доцент, доцент кафедры менеджмента в производственной сфере ДонАУиГС

В статье детализируется процесс проведения функционального обследования структуры управления в местных администрациях на примере Донецкой Народной Республики. Процедура обследования структуры управления включает в себя четыре стадии, причем первая, самая важная, выполняется в виде подготовки плана-графика работ. Применение проектного подхода и инструментов внедрения изменений позволяет пройти оставшиеся стадии (этапы) до момента формирования эффективной структуры с ориентиром на обеспечение качества управления в администрации.

Ключевые слова: структура управления, городская администрация, функциональное обследование, качество управления, Донецкая Народная Республика.

In the article the process of conducting a functional survey of the management structure in local administrations on the example of the Donetsk People's Republic are details. The procedure for reviewing the management structure includes four stages, with the first being the most important in the form of preparing a work schedule. The use of the project approach and tools for implementing changes allows you to go through the remaining stages (stages) until the formation of an effective structure with a focus on ensuring the quality of management in the administration.

Key words: management structure, city administration, functional survey, management quality, Donetsk People's Republic.

Основные положения

Актуальность формирования структур управления на местном уровне (городские и районные администрации) без сомнения подтверждается необходимостью проработки штатной численности и эффективности их работы в условиях, когда на территории Донецкой Народной Республики ведется специальная военная операция, освобождаются территории. В турбулентно меняющихся условиях главным ориентиром местных администраций становится восстановление поврежденной инфраструктуры, обеспечение социальных гарантий и безопасности жизнедеятельности граждан, проживающих на соответствующей территории.

Целью данного исследования стала адаптация современных инструментов по формированию эффективных структур управления на уровне городских и районных администраций.

Введение

В связи с тем, что в ДНР главы городских и районных администраций с 2014 года назначаются Указами Главы ДНР, хотя институт местного самоуправления прописан в Конституции ДНР [3], необходимо более тщательно подходить к оценке работы существующих структур

управления. Политический фактор уже на протяжении последних 8 лет не позволял формировать местное самоуправление. Поэтому для оптимизации соответствующего аппарата управления перед каждой главой администрации стоит вопрос о том, готова ли действующая структура быстро перестраиваться под оперативное решение первоочередных проблем. Необходима и процедура оценки функциональной загрузки персонала администрации для понимания уровня влияния такой загрузки на качество управления.

Методы

Рассматриваемая тема исследования опирается на применении методов углубленного анализа, синтеза и обобщения результатов научных трудов отечественных ученых, которые занимались вопросами функциональной загрузки персонала, а именно А.В. Волкодаевой, Е.Ю. Бобковой [2], Т.П. Костюковой, Э.Э. Исламгуловой [4], О.В. Сморчковой [10], А.Е. Крутько [7] и многих других.

Изучение проблематики качества управления в органах государственной власти разного уровня с учетом проектного подхода позволяет выделить труды российских ученых – Е.В. Малаховой [8], Т.А. Смагиной [9], Ю.И. Чернавиной, М.В. Титовой [11], С. А. Братченко [1]. Комплексный подход к изучению научной литературы позволил сформировать методiku проведения функционального обследования структуры управления органа государственной власти.

Одним из инструментов относительно быстрого формирования адаптивной структуры управления местной администрации к местным условиям является углубленное функциональное обследование действующей структуры. При этом следует отметить, что в большинстве местных городских или районных администраций структуры и штатная их численность не менялись еще с 60-х годов прошлого столетия. Также важно отметить и важность повышения качества управления как основы функционирования организации в условиях формирования инновационной экономики [6].

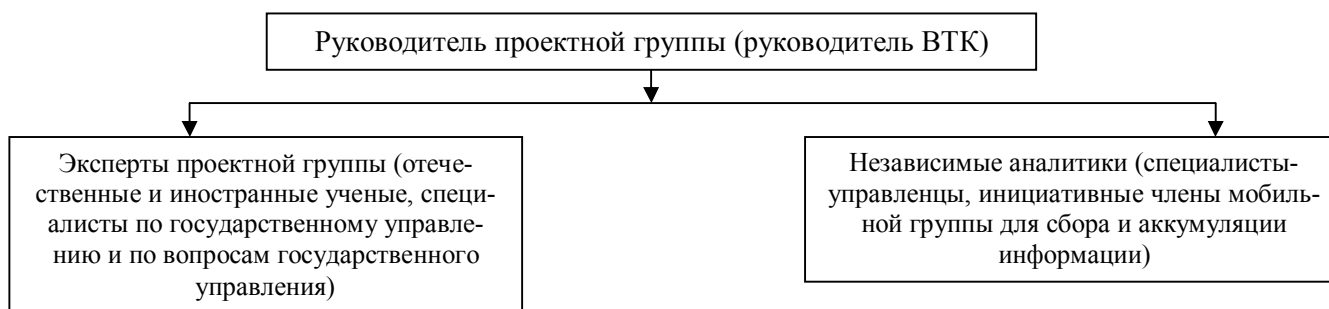
Целью проведения функционального обследования является анализ задач и функций на предмет их соответствия реальным потребностям общества и требованиям законодательства, а также на предмет соответствия организационной структуры управления местной администрации возложенным на нее задачам и функциям. Порядок проведения функционального исследования также решает вопросы проверки:

- соответствия нормативной документации отделов требованиям существующего законодательства ДНР;
- соответствия функциональных обязанностей служащих, зафиксированных в должностных инструкциях, нормативной документации отделов, секторов;
- соответствия перечня функциональных обязанностей работников аппарата управления, которые выполняются ими фактически теми, которые зафиксированы в их должностных инструкциях;
- пропорциональности разграничения функциональных обязанностей между работниками отделов и секторов во избежание дублирования;
- наличия дополнительных функций, которые не входят в нормативные документы или противоречат им;
- эффективности функционирования организационной структуры управления по основным показателям, а также разработка рекомендаций по формированию новой структуры управления.

Результаты

Далее детализируем процедуру проведения исследования на основе единого механизма сбора, анализа и обобщения информации по реализации задач и функций бюджетной организации. А также систематизации формы отчетности организации на предмет соответствия их функциональной деятельности реальным потребностям общества и действующему законодательству ДНР.

Для организации работы, связанной с проведением функционального обследования структурных подразделений аппарата управления городской администрации, необходимо создание проектной группы по организации такого исследования, состав которой утверждается руководителем Исполнителя в виде договора подряда с временным трудовым коллективом и обязательным согласованием с Заказчиком каждого члена временного трудового коллектива (ВТК). В данном случае исполнителем является образовательная организация высшего профессионального образования, способная научно обосновать структуру управления, штатную численность и оценить эффективность работы данной структуры управления. Структура состава проектной группы или ВТК для выполнения вышеобозначенных работ представлена на рисунке.

Структура состава проектной группы (ВТК)

На территории ДНР такие работы могут выполнять творческие коллективы из числа штатных сотрудников ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР». ВТК проводит функциональное обследование аппарата управления, включающее сбор, анализ и обобщение информации по оптимизации его деятельности; готовит итоговый отчет о результатах проведения функционального обследования и предложения по совершенствованию организационной структуры с обоснованием предложенных рекомендаций.

Обсуждение

Согласно разработанной и апробированной авторской методике, в порядке проведения функционального исследования аппарата управления можно выделить следующие этапы:

1. *Подготовка к проведению функционального обследования.* На этом этапе проводится ознакомление руководителей и заместителей руководителей администрации с процессами функционального обследования. Также на этом этапе утверждается состав рабочей группы (ВТК), которая будет организовывать проведение исследования. На данном этапе формулируются и согласовываются задачи проекта и утверждается план-график их выполнения. По результатам формируется отдельный промежуточный отчет о проработке и адаптации технологии проведения функционального обследования. Анализируется зарубежный опыт организации и работы подобных структур.

2. *Первый этап обследования.* На этом этапе членами проектной группы, а именно – группой независимых аналитиков, проводится тщательный анализ: законодательства в сфере государственной политики; положений о структурных подразделениях местной администрации; должностных инструкций работников структурных подразделений, планов подразделений и отчетов о работе. По результатам первого этапа функционального исследования составляется отчет, в котором приводятся недостатки функционального обеспечения и предложения по решению этих проблемных вопросов. Определяются подразделения, для которых характерно дублирование функций.

3. *Второй этап обследования.* Указанный этап проводится в подразделениях, в деятельности которых во время исследования на первом этапе было обнаружено дублирование функций. На этом этапе проводится экспресс-опрос руководителей соответствующих структурных подразделений с целью выявления противоречий и несоответствия нормативным требованиям. В отчете по второму этапу определяются недостатки существующей системы и приводятся

предложения по оптимизации работы структурного подразделения путем разграничения функциональных обязанностей между работниками отделов, исходя из соответствующих факторов (уровень квалификации, загруженность основного персонала, дублирование функций и т.д.). Также на данном этапе возможно и проведение аттестации служащих для подтверждения соответствующих компетенций.

4. *Третий этап.* Подготовка итоговых отчетов по научно обоснованным предложениям относительно совершенствования организационной структуры управления администрации и разработки соответствующих оценочных показателей в виде системы КРІ.

Далее детализируем каждый этап функционального обследования. Первый этап проводится проектной группой и начинается со сбора, анализа и обобщения информации о функциональной деятельности каждого структурного подразделения. Для этого необходимо проанализировать:

1. Положения действующего законодательства и нормативные акты ДНР в сфере государственной политики, которую реализует администрация.
2. Положения о всех структурных подразделениях, согласно существующей организационной структуре управления.
3. Должностные инструкции служащих структурных подразделений.
4. Планы работ структурных подразделений за отчетный период (оптимально – за предыдущий год).
5. Отчеты работы структурных подразделений (оптимально – за год).
6. Анализ деятельности подобных структур в международной практике.

Задача первого этапа исследования – выявить, в полном ли объеме аппарат управления администрации выполняет функции, закрепленные за ним законодательно.

Проанализировав соответствующие документы, проектная группа (каждый ее член в соответствии с закрепленным за ним структурным подразделением) заполняет специальную таблицу в виде функциональной матрицы 1, которая составлена на основе изучения трудов Братченко С.А., Волкодаевой А.В. и Крутько А.Е [1, 2, 7].

Таблица 1

Функциональная матрица структурного подразделения

№ п/п	Функции, которые закреплены за подразделением			Функции, предусмотренные должностными инструкциями				
	В соответствии с положением об отделе	Предусмотренные должностными инструкциями	Не предусмотренные положением и должностными инструкциями, но фактически выполняющиеся	Должностная инструкция начальника	Должностная инструкция заместителя	Должностная инструкция специалиста	Должностная инструкцияN
1	2	3	4	5	6	7	8	9
							

В колонках «2», «3» представитель рабочей группы приводит перечень функций, согласно указанным нормативно-правовых актов. В колонках «5» – (N+4) (N – количество работников в данном структурном подразделении) указывается номер пункта согласно должностной инструкции, в котором предоставленная функция зафиксирована. Если для данного структурного подразделения типового положения функция не предусмотрена, то колонка «2» заполняется соответственно функциям, закрепленным законодательными и нормативными актами.

Результаты анализа таблицы 1 должны быть сформулированы в виде отчета. В отчете членами рабочей группы должно быть указаны:

1. Замечания:

- предусмотренные требованиями Положения функциональные обязанности работников отдела не отражены в должностных инструкциях;
- функции отражены в должностных инструкциях сотрудников, но не предусмотрены Положением о структурном подразделении;
- зафиксированные в правовом поле функции, фактически не выполняющиеся работниками подразделения;
- или все функции, зафиксированные в правовом поле, прослеживаются в положении о структурном подразделении, но работниками не выполняются;
- не наблюдается дублирования функциональных обязанностей среди работников структурного подразделения;
- отражают ли должностные инструкции сотрудников специфику работы подразделения;
- соответствует ли целевая направленность работы подразделения целям и задачам, определенным нормативно-правовыми актами в сфере деятельности структурного подразделения в администрации.

2. Рекомендации. Сделав замечание, член группы должен разработать рекомендации по оптимизации разграничения функциональных обязанностей, учитывая специфику деятельности данного структурного подразделения. Чтобы сделать выводы об эффективности функциональной деятельности подразделения, члены рабочей группы анализируют каждую из функций по критериям: законность, соответствие приоритетам, результативность и эффективность. В результате они могут прийти к следующим выводам (гипотезам) относительно совершенствования функций структурного подразделения администрации: ликвидация функции, децентрализация функции, модификация функции, рационализация функции или оставление функции без изменений.

Естественно, необходимо учитывать тип администрации (городская, районная, сельская), размеры территории и численность проживающих на ней граждан. Также необходимо учитывать оценку развития и состояния инфраструктурного обеспечения территории, производственных процессов, отраслевой специализации и пр., а кроме того, местные особенности – исторические, природные, демографические, географические и пр.

Отчет должен быть подписан членом рабочей группы, который его составил, и должен содержать в качестве приложения таблицу, которая была заполнена в процессе выполнения первого этапа функционального исследования структурного подразделения аппарата управления администрации.

Дополнительно представляется справка в виде анализа работы подобных организаций в международном пространстве.

Задача второго этапа функционального исследования – определение направлений оптимизации деятельности структурных подразделений аппарата управления и разработка оптимальной штатной структуры подразделений.

Данный этап проводится в тех структурных подразделениях, которые отмечены как имеющие дублирование функций, или тех, которые, по мнению экспертов, нерационально используют рабочее время.

Для разработки оптимальной штатной структуры подразделений необходимо определить загруженность каждого работника структурного подразделения за отчетный период (оптимально – за год), его квалификацию, и провести экспресс-опрос руководителя подразделения с целью выявления дополнительных функций, которые не предусмотрены нормативными документами, а также выявить узкие места в работе структурного подразделения с помощью анкеты (табл. 2), разработанной на основе источника [4].

Дополнительно может быть проведен хронометраж или фотографирование рабочего дня специалистов.

Таблица 2

Анкета экспресс-опроса руководителя подразделения

№ п/п	Вопрос	Ответ
1	Какие функции, не предусмотренные нормативными документами, должностными инструкциями и т.д., фактически выполняются работниками вашего подразделения	
2	Какие функции вы выполняете и дублируются ли они работниками других подразделений	
3	Какие факторы препятствуют эффективной работе подразделения, и ваши предложения по ликвидации этих факторов	
	... Другой доп. вопрос в зависимости от специфики работы структурного подразделения	

В Отчете по второму этапу проведения функционального исследования должны быть:

1. Замечания:

- равномерно ли распределена функциональная нагрузка между работниками структурного подразделения;
- нуждается ли структурное подразделение в оптимизации штатной структуры и тому подобное.

2. Рекомендации. Сделав замечание, член рабочей группы должен разработать рекомендации по оптимизации деятельности структурного подразделения администрации и разработке оптимальной штатной структуры подразделения с ключевыми показателями эффективности (KPI).

Отчет должен быть подписан членом рабочей группы, который его составил. После заполнения таблицы 1 члены проектной группы должны проверить перечень операций на предмет дублирования функциональных обязанностей между различными структурными подразделениями. Для этого всем операциям по их принадлежности к определенной функции присваивается шифр. Шифр операции представляет собой комбинацию цифр, состоящую из трех частей (например: 01.6.44 – 44-операция по шестой функции 01-го отдела). Шифр структурных подразделений, функции и отдельных операций разрабатывается рабочей группой и обязательно должен быть зафиксирован в общем отчете. Рекомендуемым методом является порядковая нумерация подразделений согласно организационной структуре и нумерация функциональных обязанностей согласно положению о структурном подразделении. Примеры присвоения шифров функциональным обязанностям служащих приведены в таблице 3.

Таблица 3

Кодирования функциональных обязанностей служащих

№ п/п	Наименование	Шифр
	Отделы	01.
		02
		...
	<i>Функции</i>	
	Организационная функция	1
	Функция планирования	2
	Информационно-аналитическая функция	3
	Функция контроля	4
	Аналитическая	5
	Организационно-аналитическая	6

Используя таблицы 1 и 2, члены проектной группы заполняют таблицу 4.

В конце отчета отдельным разделом приводятся предложения по результатам функционального обследования администрации.

Итоговый отчет по результатам функционального обследования отдельных структурных подразделений представляет собой совокупность отчетов первого и второго этапов в виде презентации с определением концептуальной организационной структуры управления администрации в соответствии с требованиями технического задания.

Анализ разграничения функциональных обязанностей между структурными подразделениями администрации

Шифр структурного подразделения	Наименование структурного подразделения	Организационная	Планирование	Информационно-аналитическая	Контрольная	Организационно-аналитическая	Аналитическая
		1	2	3	4	5	6
01	Отдел				18 15	16 17	

Заключение

Таким образом, представленный практический инструментарий по проведению функционального обследования структуры аппарата управления городских или районных администраций позволяет выстроить эффективную организационную структуру управления, которая сможет гибко подстраиваться под изменения внешней среды и выполнять требования по обеспечению достойного качества и уровня жизни граждан, проживающих на соответствующей территории. Как результат, данные показатели могут характеризовать и качество управления на уровне городских администраций.

Литература

1. Братченко С.А. Качество управления и результативность в практике государственного управления (на примере управления государственными программами) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10-1. С. 247–260. DOI: 10.34670/AR.2021.15.53.029
2. Волкодаева А.В., Бобкова Е.Ю. Профессиональная ориентация персонала как функциональная область системы управления персоналом // Профессиональная ориентация. 2020. № 1. С. 1. DOI: 10.38182/2411-2550-2020-05-001
3. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14 мая 2014 г. (по состоянию на 29 января 2020 г.) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>
4. Костюкова Т.П., Исламгулова Э.Э. Влияние равномерной загрузки персонала на результативность управленческих процессов // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практич. конф. Казань, 26 апреля 2018 года. Казань: ООО «Агентство международных исследований», 2018. С. 160–162.
5. Кошелев Ю.Н., Степнова И.И. Управление качеством требует системного подхода и качества управления // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. 2012. № 8. С. 9–12.
6. Кретова А.В. Качество управления – основа функционирования организации в условиях формирования инновационной экономики // Сб. науч. работ серии «Государственное управление». Вып. 15: Экономика и управление народным хозяйством / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». Донецк: ДонАУиГС, 2019. С. 190–194.
7. Крутько А.Е. Особенности применения функционально-стоимостного анализа для исследования проблем регламентации труда персонала // Студенческий. 2020. № 24-2. С. 38–43.
8. Малахова Е.В. Повышение эффективности управления персоналом в органах государственной власти и органах местного самоуправления // Экономика. Менеджмент. Инновации. 2018. № 5. С. 22–26.

9. Смагина Т.А. Эффективное государственное управление: некоторые аспекты формирования органов государственной исполнительной власти в России // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 19–21. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-10-19-21

10. Сморгчова О.В. Применение междисциплинарных решений в управлении, или как использовать опыт эксплуатации технических систем при распределении загрузки персонала // Управление. 2017. Т. 5. № 1. С. 29–34. DOI: 10.12737/24699

11. Чернавина Ю.И., Титова М.В. Проектное управление в органах государственной власти и чем оно отличается от управления проектами // Цифровая экономика и экономика знаний: общественные, естественнонаучные и технологические аспекты: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. Москва, 30 марта 2018 года. М.: ООО «ИМПУЛЬС», 2018. С. 310–313.

DOI: 10.34773/EU.2022.4.18

PQ (коэффициент политического интеллекта) как фактор карьеры государственного служащего: постановка научной гипотезы

PQ (Political Intelligence Quotient) as a Factor in a Civil Servant's Career: Statement of a Scientific Hypothesis

Р. ЛАТЫПОВ

Латыпов Рустем Фаридович, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры менеджмента Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: rustemoktadm@mail.ru

Предметом статьи является научная проблема политического интеллекта (PQ) как важнейшего фактора построения успешной карьеры государственных и муниципальных служащих Российской Федерации, а также иных категорий управленческих кадров. Проведен анализ имеющейся научной литературы по данной проблематике. Сформулировано авторское определение политического интеллекта. Обозначены перспективы дальнейших научных исследований политического интеллекта. Обоснована необходимость внесения программ развития политического интеллекта в образовательные курсы профессионального и личностного развития.

Ключевые слова: коэффициент политического интеллекта (PQ), коэффициент эмоционального интеллекта (EQ), коэффициент интеллекта (IQ), профессиональная эффективность государственных служащих, карьера государственного служащего.

The subject of the article is the scientific problem of political intelligence quotient (PQ), as the most important factor in building a successful career for state and municipal employees of the Russian Federation, as well as other categories of managerial personnel. The analysis of the available scientific literature on this issue has been carried out. The author's definition of political intelligence quotient is formulated. The prospects for further scientific research of PQ are outlined. The necessity of introducing programs for the development of political intelligence into educational courses for professional and personal development is substantiated.

Key words: political intelligence quotient (PQ), emotional intelligence quotient (EQ), intelligence quotient (IQ), professional performance of civil servants, civil servant career.

Введение

Термин «коэффициент интеллекта» (IQ) был введен в научный оборот немецким психологом Уильямом Штерном в 1912 г. Под IQ понималась способность мозга человека логично и правильно анализировать определенный объем информации за ограниченное время. Психологом из США Гансом Юргеном Айзенком в середине 40-х годов XX века был разработан одноименный

тест на измерение уровня IQ, получивший самое широкое распространение и массово использовавшийся при организации конкурсов для поступления на федеральную службу США, в том числе в Вооруженные силы. Опросник включал в себя математические задачи на работу с числами, пространственную логику, задачи на математическую логику. В целом тесты IQ концептуально исходят из того, что интеллект человека определяется его способностями успешно справляться с математическими задачами.

Вместе с тем практика показала недостаточную эффективность показателя IQ при оценке компетенций государственных служащих, если исходить из определения интеллекта, данного психологом Д. Векслером (США), как «способности человека действовать разумно и справляться с жизненными обстоятельствами», что подтверждает практика оценки кандидатов на государственную гражданскую службу Российской Федерации.

Любая национальная система государственной службы построена по отраслевому принципу, реже по проектной архитектуре. Различные структурные подразделения имеют свою отраслевую специализацию: работу с техникой, информацией, гражданами и т.д. Соответственно, эти направления требуют от кандидатов развитости различных групп компетенций. В результате аналитики в сфере управления государственной службой в США заметили, что наличие высокого IQ далеко не всегда является предпосылкой высокой профессиональной результативности.

В ходе оценки кадров в Республиканском центре кадрового тестирования (РЦКТ) Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан в том числе использовался тест блока IQ, входящий в комплексный тест управленческих компетенций «Лидер-чарт» компании «Гуманитарные технологии» профессора факультета психологии МГУ им. Ломоносова А.Г. Шмелева. Как показал десятилетний опыт использования тестов IQ, наиболее высокие показатели по данному тесту набирали кандидаты, имевшие физико-математическое, техническое, химическое и, отчасти, финансовое высшее профессиональное образование. Это свидетельствует о том, что IQ можно развивать, упражняясь в решении математических задач. Как показал дальнейший карьерный мониторинг кандидатов, граждане с высоким IQ продемонстрировали лучшие результаты служебной деятельности в сфере финансов, работы со статистической информацией, а также профессиональной деятельности в технической сфере: машиностроении, капитальном и дорожном строительстве, архитектуре, жилищно-коммунальном хозяйстве. Вместе с тем, согласно данным экспертных оценок РЦКТ, кандидаты с высоким IQ показали более скромные результаты в деятельности, требующей выстраивания коммуникаций с людьми: работе в пресс-службе, социальной работе, оценке персонала, образовании, культуре, поскольку данные направления деятельности требовали компетенций, лежащих в поле эмоционального интеллекта (EQ). Термин «эмоциональный интеллект» (М. Белдок, Г. Гарднер, Д. Гоулман [1]) предполагает наличие у кандидатов навыков понимания эмоционального состояния других людей и себя самого, с одной стороны, а также навыков управления эмоциональным состоянием других и своим собственным.

Таким образом, мы имеем достаточно оснований для постановки гипотезы о том, что для успешной профессиональной деятельности в сфере государственной службы Российской Федерации необходимо иметь определенное сочетание развития математического и эмоционального интеллекта. Однако открытым остается вопрос о том, является ли развитость IQ и EQ достаточным условием для успешного построения «карьеры высоких достижений»? Ответу на данный вопрос посвящена настоящая статья.

Методы

Целью исследования является построение рабочей гипотезы политического интеллекта на основе эмпирической базы результатов профессионального тестирования более чем сотни руководителей государственной гражданской службы высшей группы должностей, в том числе в сравнении с достигнутыми показателями IQ и EQ, верификация корреляции между успешной административной карьерой и интеллектуальными характеристиками личности. В ходе десятилетних эмпирических исследований в сфере оценки административных кадров в Республиканском

центре кадрового тестирования Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (РЦКТ БАГСУ) мы пришли к выводу, что, помимо IQ и EQ, есть как минимум еще один фактор «X», определяющий успешность административной карьеры, и оказывающий не меньшее, а возможно, и большее влияние на карьерное развитие человека в аппарате государственной службы.

Обсуждение

Понятие «политический интеллект» введено в научный оборот одним из современных теоретиков менеджмента Д. Оуэном (Великобритания) [2]. По мнению исследователя, для успешной карьеры менеджеру, помимо IQ и EQ, необходим также политический интеллект «PQ». Политический интеллект, согласно Д. Оуэну, ориентирован на получение власти и использование ее ресурсов в организации. Он включает в себя умения создавать союзы с ключевыми властными фигурами, формировать коалиции в поддержку изменений, проявлять инициативу и реализовывать стратегию своего карьерного роста. Интегральный интеллект менеджера по модели «треугольника» Оуэна определяется формулой $MQ=IQ+EQ+PQ$.

К сходным выводам пришел профессор Стенфордского университета Р.М. Крамер, который утверждал, что наличие политического интеллекта является важнейшим фактором эффективности руководителя любого уровня [3, 44].

Социально-психологические детерминанты формирования политического интеллекта молодежи стали предметом диссертационного исследования доцента РГСУ В.И. Шелест [4]. Автор диссертации провела самостоятельное эмпирическое исследование политического интеллекта молодежи и понимает его как готовность индивида ориентироваться в сфере политики, принимать участие в политической жизни общества, понимать общественно-политические процессы и т.д. То есть автор, в целом, обосновывает взаимосвязь PQ с политической социализацией.

Результаты

С 28 августа по 26 сентября 2018 года РЦКТ БАГСУ была произведена кадровая оценка 96 государственных гражданских служащих региона высшей группы должностей категории «руководители». То есть в выборку исследования попали более 50 % высших региональных чиновников от генеральной совокупности рассматриваемой группы. В качестве методологического инструментария использовался продукт лаборатории «Гуманитарные технологии» профессора МГУ А.Г. Шмелева. В рамках исследования использовался тест «Лидер-чарт», который содержал показатели IQ и EQ. Согласно полученным данным, средний показатель IQ составил 5,62 (из максимально возможных 10), EQ – также 5,62 (из максимально возможных 10) [5]. Согласно имеющимся у компании «Гуманитарные технологии» статистическим данным, полученным в ходе апробации продукта, баллы в диапазоне от 4,5 до 6,5 являются статистически средними. В России такой результат получили 40 % прошедших тестирование респондентов. Полученные результаты опровергают как негативный миф о низком интеллекте и «неотзывчивости» власти, так и апологетические концепции об элите как о селекции лучших из лучших. Данные недвусмысленно указывают на неразрывную связь качества человеческого материала элит и общества, подтверждая афоризм Конфуция – Сократа – Жозефа де Местра о том, что «Любой народ имеет то правительство, которое заслуживает». То есть административная элита региона, в целом, соответствует параметрам управляемого ею общества.

Однако полученные эмпирические данные никак не объясняют карьерный успех высших управленческих кадров, являясь косвенным подтверждением того, что мы должны искать фактор «X», под которым, согласно нашей гипотезе, необходимо рассматривать политический интеллект (PQ). При этом необходимо подвергнуть конструктивной критике концепцию доцента В.И. Шелест об отождествлении политического интеллекта с багажом научных знаний в сфере политической науки, активной социальной позицией, пониманием общественно-политических процессов. Основанием для такой критики может служить тот факт, что выборочная совокупность не рекрутировалась из числа активистов неправительственных общественных организаций.

Никто из обследуемой группы не имеет политологического или социологического образования. Ни один из респондентов не рекрутировался на должность государственной службы из сферы публичной политики или активистов НКО. В этом аспекте В.И. Шелест лишь затруднила понимание сущности политического интеллекта. Нужно вернуться к пониманию RQ Д. Оуэна как качеств интеллекта, необходимых для ведения закулисной борьбы за власть внутри административных институтов.

Согласно нашей рабочей гипотезе, реальное содержание понятия «политический интеллект» включает: решительность в проявлении карьерной инициативы, умение выстроить систему личных отношений с вышестоящим руководством, обеспечить лояльность подчиненных, противодействовать интригам политических конкурентов. Очень значимы навыки формирования патрон – клиентских сетей, лоббистских групп, парантелл (гетерий). Важны знания, но не из сферы академической политологии и социологии, а инсайдерская информация о реальной расстановке сил политических кланов и групп влияния. В связи с этим актуальны особые навыки добычи и обработки так называемой «карьерной информации», включающей в себя бэкграунд и компромат на основных действующих игроков, сведения об их психологических особенностях, состоянии здоровья и даже сексуальной ориентации.

Таким образом, можно сформулировать авторское определение понятия политического интеллекта как способности головного мозга стратегически и оперативно мыслить в категориях политической целесообразности в целях расширения своего политического влияния.

Заключение

Научными результатами настоящей статьи является определение понятия политического интеллекта и построения рабочей гипотезы, а также актуализация необходимости развития доказательной базы с целью разработки научно обоснованной теории политического интеллекта. В связи с этим необходимы дальнейшие научные исследования в сфере изучения структуры политического интеллекта и его дифференциации от общепризнанного социального интеллекта, уточнение его определения как научного понятия.

В аспекте прикладной политологии, менеджмента и HR-оценки кадров остро необходима разработка надежного диагностического инструментария в формате кейсовых заданий и тестов замера политического интеллекта. При этом имеющийся тест В.И. Шелест, по нашему мнению, не является валидным, так как осуществляет замер не политического интеллекта, а отдельных аспектов политической социализации личности, хотя это совершенно разные понятия, отражающие различные процессы и явления.

Литература

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 544 с.
2. Оуэн Д. Как управлять людьми. Способы воздействия на окружающих. М.: Претекст, 2011. 351 с.
3. Петрова Е.А., Шелест В.И. Политический интеллект в структуре интеллектуальных способностей // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2014. Т. 7. С. 43–52.
4. Шелест В.И. Социально-психологические детерминанты политического интеллекта у молодежи: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. [Место защиты: Рос. гос. социал. ун-т]. М., 2013. 21 с.
5. Отчет по результатам психодиагностической процедуры (методика ЛИДЕР-ЧАРТ) заместителей руководителей органов исполнительной власти и Администрации Главы Республики Башкортостан // Текущий архив Республиканского центра кадрового тестирования 2018 г.

Принятие государственных стратегических решений: проблемы и перспективы

Adoption of State Strategic Decisions: Problems and Prospects

Р. КУНАКБАЕВ

Кунакбаев Рафик Хакимович, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: kunakbaev_60@mail.ru

В статье проведен анализ условий, факторов и перспектив развития системы государственного управления в России, процессов подготовки и реализации управленческих решений. Исследуются проблемы стратегического государственного управления, выработаны предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: государство, управление, государственное управленческое решение, государственное управление, приоритетные цели.

The article contains analysis of conditions, factors and prospects of state administration development in Russia, preparatory processes and implementation of management decisions. Problems of strategic public management are investigated and proposals on its improvement are worked out.

Key words: state, management, administrative decision-making, public administration, priority goals.

Основные положения

1. Представлена критика структуры и реализуемых функций действующей системы государственного управления России, системы исполнительной власти в процессах принятия и реализации стратегических управленческих решений.
2. Проведен анализ роли современной российской политико-административной элиты в процессах функционирования системы государственного управления, использования политических механизмов подготовки и принятия стратегических управленческих решений, поддержания субъект-объектных связей.
3. На основе проведенного анализа выявлены основные структурно-функциональные и кадровые проблемы системы государственного управления России, имеющие приоритетное значение в процессах принятия и реализации стратегических решений.
4. По результатам проведенного исследования выработаны рекомендации по повышению эффективности системы государственного управления в процессах подготовки, принятия и реализации стратегических управленческих решений.

Введение

Сегодня внешняя среда системы государственного управления России продолжает оставаться во многом неблагоприятной. При разработке стратегических управленческих решений многие географические и иные особенности страны, наличие богатейших природных ресурсов обуславливают необходимость их учета на основе соблюдения интересов российского общества и государства, использования традиционных культурных ценностей. Такая необходимость особенно четко проявилась в условиях введения Западом экономических санкций в отношении нашей страны и проведения специальной военной операции на территории Украины.

Для поступательного развития системы государственного управления России, функционирование которой обеспечивает общественную стабильность, целенаправленное изменение объектов управления, большое значение имеет решение проблем оптимизации процессов принятия и реализации стратегических управленческих решений. В центре внимания остаются проблемы совершенствования российских элит, выстраивания адекватной целям и задачам

организационной структуры системы органов государственного управления, учитывающей внешние и внутренние факторы, а также интересы и устремления российского общества.

Методы исследования

В качестве методов исследования были использованы как общенаучные методы (историко-логический метод, метод анализа и синтеза), так и методы системного анализа и структурно-функционального анализа в рамках теории управления. Теоретическую базу работы составили исследования отечественных ученых в сфере принятия и реализации управленческих решений. Разработка практических рекомендаций проведена на основе анализа и обобщения практики осуществления стратегического управления в России.

Результаты и их обсуждение

Эффективность стратегического государственного управления будет определяться в том числе и целесообразным использованием ряда значимых факторов, таких, как: 1) соответствие и оптимальность структурно-функциональной организации системы государственного управления ее целям и задачам; 2) качество политико-управленческих элит, определяемое их профессионализмом, умениями и навыками, опытом принятия и реализации стратегических управленческих решений; 3) возможность целесообразного использования внутренних и внешних ресурсов системы управления для достижения высокого уровня жизни населения, создания возможностей развития творческого потенциала человека.

Общее состояние системы государственного управления в настоящее время определяется тем, что в период 2004-2020 годов произошел отход от принципов трехуровневого разграничения полномочий между органами исполнительной власти, установленных Указом Президента «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» № 314 от 9 марта 2004 года. Указанная особенность их функционирования во многом стала основным трендом в развитии системы государственного управления, что приводило к неэффективному использованию федеральных и иных ресурсов [5, 2-3].

Сегодня основные направления действия системы государственного управления в России во многом определяются в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» № 204 от 7 мая 2018 года, которым закреплены основные цели развития страны. Анализ показывает, что практической реализации национальных проектов препятствуют причины, происхождение которых объясняется недостаточным уровнем их организационного, правового и методического сопровождения, в числе которых можно указать на несогласованность стратегических целей, закрепленных в различных документах стратегического управления, недостаточный уровень нормативной правовой базы, слабость методического обеспечения мероприятий, реализуемых в рамках реализации национальных проектов, а также непроработанность механизма ответственности за практическое осуществление тех или иных мер.

В целом, как свидетельствуют эксперты, функционирование системы государственного управления в части реализации стратегий сопровождается проявлением следующих проблем: 1) большое число стратегических мер осуществляется без опоры на административную поддержку; 2) такая форма осуществления проектных мер сопровождается вмешательством директив вышестоящих органов государственной власти; 3) латентное накопление противоречий ведет к скрытому торможению управленческих процессов, нарушению сроков реализации и потере актуальности; 3) несоответствие между объемом намеченных бюджетных средств и выделяемых для реализации проектных мер также ведет к нарушению сроков реализации; 4) в системе государственного управления принималось избыточное число стратегических решений, эти стратегии содержали внутренние и внешние противоречия [2, 24-25].

Результативность системы государственного управления во многом зависит также и от качества политико-административной элиты, задействованной в процессах принятия и реализации стратегических управленческих решений. Постсоветская элита, как свидетельствуют

результаты исследований, имеет следующие характеристики: 1) ее состав во многом формируется в аппарате федеральных и региональных государственных структур, а также муниципальных структур крупных российских городов; 2) она сравнительно замкнута, и хотя участвует в подготовке, принятии и реализации стратегических решений, часть ее представителей не обладает достаточными социальными и профессиональными ресурсами; 3) проводимая государственная политика во многом способствует сохранению в российском обществе имущественного расслоения, удержанию преобладающей части богатств страны в руках узкой группы имущих людей, которая оторвана от интересов и нужд большинства населения; 4) прогрессивное развитие политической элиты в интересах российского общества и государства связано с решением проблемы ее качественного обновления, предотвращения ее сохранения в виде замкнутой привилегированной группы, проявления клановых интересов и коррупции [3].

Решение вышеперечисленных проблем основано в том числе и на формировании эффективной многопартийной системы, функционирование которой позволяет агрегировать и выразить общественные интересы, донести их до представительных органов государственной и муниципальной власти, где возможно принятие управленческих решений, в которых обеспечивается учет упомянутых интересов при решении приоритетных социальных проблем. Такие действия позволяют укрепить многопартийную систему, выстроить эффективный политический механизм решения приоритетных общественных проблем, снять напряжённость в обществе и повысить уровень общественного доверия к управленческой элите.

Развитие современной российской политической системы связано с дальнейшим ростом уровня партнерства социальных субъектов в публичной сфере, их участием в многосторонних социальных взаимодействиях. Между тем, указанные процессы протекают на общественном фоне, имеющем следующие характеристики: 1) проявляется необходимость учитывать настроения населения при принятии стратегических управленческих решений в условиях сокращения социальной мобильности; 2) проявляется общественный запрос на обновление кадрового потенциала системы управления на базе использования профессиональных качеств и творческого личностного потенциала; 3) усиливается приток образованной молодежи в российские столицы и сжимается потенциал регионального человеческого капитала при одновременном ограничении потенциала поступательного развития регионов и расширения возможностей инновационного развития; 4) отмечается направленность усилий региональных властей на сохранение общественной стабильности и снижение роста безработицы, между тем вне зоны внимания остаются проблемы инновационного развития региона [1].

Сегодня в процессах принятия и реализации стратегических управленческих решений предстоит задействовать основные природные, экономические, интеллектуальные и социальные ресурсы развития России. Среди ресурсов повышения их эффективности можно выделить следующие: 1) многие общественные инициативы выражали коренные интересы российского общества и требовали усилий для практической их реализации в условиях финансирования из-за рубежа отдельных некоммерческих организаций, обеспечивающих цели и интересы иностранных государств, что приводило к слабому учету общественных интересов в процессах политического целеполагания; 2) без интеллектуальной и социальной мобилизации, учитывающей национальные интересы российского государства, последнее не сможет справиться с многочисленными вызовами, поэтому предстоит осознать национальные интересы России, добиться их выражения в стратегических управленческих решениях; 3) необходимо более эффективно использовать управленческий потенциал государства и возможности властно-управленческой вертикали на основе совершенствования ее структуры, усиления контроля над процессами принятия и реализации стратегических управленческих решений; 4) создание широких возможностей для расширения инновационного развития экономики, развития малого и среднего бизнеса, в том числе и в наукоемких отраслях, его взаимодействия с государственными структурами при принятии управленческих решений [4].

Заключение

В сегодняшних условиях, когда России противостоит весь коллективный Запад, находят применение военные и информационные технологии, жесткие финансовые и другие санкции, у страны нет временных ресурсов для осуществления подготовительных мероприятий. Предстоит осуществлять стратегическое государственное управление в целях усиления импортозамещения, обеспечения дальнейшего развития конкурентоспособных отраслей экономики, поиска и реализации приемлемых управленческих решений для поддержания сырьевых отраслей и т.д. Важной представляется активизация процессов дальнейшего развития предпринимательства в целях обеспечения инновационного развития российского общества, особенно в наукоёмких и ресурсосберегающих отраслях, которые станут основой успешного решения задачи ликвидации технологического отставания страны от Запада, снижения зависимости России от импорта инновационных технологий.

Одной из приоритетных возможностей повышения эффективности стратегического государственного управления является выстраивание оптимальной организационно-функциональной структуры системы государственного управления, эффективной системы органов представительной, исполнительной и судебной власти, адекватной целям и задачам долгосрочного развития российского общества и государства. Если оптимизация работы органов представительной власти видится в совершенствовании их взаимодействия с органами исполнительной власти в процессах создания законодательных основ стратегического управления, укреплении контроля над исполнением управленческих решений, то в системе исполнительной власти важным является решение задачи уточнения ее структуры и исполняемых функций.

Другой возможностью оптимизации управленческих процессов является успешное решение задач улучшения состава российской управленческой элиты, позиция которой определяет многое в достигнутых результатах. Они зависят, прежде всего, от результативности связей управленческой элиты с широкими слоями населения, успешности форм и технологий ее рекрутирования, а также дальнейшего развития российской системы образования. Российская управленческая элита должна в стратегических решениях обеспечить всемерный учет всего спектра общественных интересов путем участия населения в процедурах подготовки и принятия управленческих решений, совершенствования политической системы, активизации процессов выражения коллективных инициатив и развития общественных движений.

Литература

1. Волков Ю.Г. Новые социальные лифты в региональном пространстве // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 131–159.
2. Евдокимова Т.Р. Проблемы стратегического планирования и управления экономикой в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3. С. 20–26.
3. Никовская Л.И. Роль элиты в российской трансформации (в контексте теории социального конфликта) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4. С. 232–248.
4. Пантин В.И. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы // История и современность. 2018. № 3. С. 32–50.
5. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Государственное управление и межсекторное партнерство // Гражданский сектор в государственном управлении / Отв. ред. А.И. Соловьев. М.: Аргамак-Медиа, 2018. С. 207–225.

Онлайн-исследования в современной России: новые стратегии и тактики

Online Research in Modern Russia: New Strategies and Tactics

Г. КАМАЛОВА, Ш. ШАКУРОВА

Камалова Гульдар Рашитовна, канд. полит. наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: guldar@mail.ru

Шакурова Шаура Рашитовна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник НИИ Стратегии развития образования Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. E-mail: sh-shaura@mail.ru

В статье рассматриваются новые исследовательские стратегии и тренды, которые характерны для современных онлайн-исследований. Авторы анализируют новые тенденции, которые стали характерны в цифровую эпоху для количественных и качественных онлайн-исследований.

Ключевые слова: онлайн-исследования, социологические исследования, количественные исследования, онлайн-опрос, качественные исследования, интервью, цифровизация, IT-технологии, big data.

The article discusses new research strategies and trends that are characteristic of online sociological research. The authors analyze new trends that have become characteristic in the digital age for quantitative and qualitative online research.

Key words: online research, sociological research, quantitative research, survey, qualitative research, interview, digitalization, IT technologies, big data.

Введение

Социологические исследования в современный период, как справедливо отмечают социологи, переходят в онлайн-пространство, в котором применяются новые стратегии и формируются новые тренды. Традиционные методы существенно трансформировались, стало возможно, например, включить в исследование малодоступные социальные группы, расширились территориальные границы и т.д. Сложности, которые возникали с виртуальной идентичностью, также претерпели изменения. Респонденты все реже прибегают к вымышленным персонажам. Значительно расширилось поле для исследования – появились новые феномены, связанные непосредственно с Интернет-средой. Новые методологические возможности позволили исследовать новые сегменты, так, на примере личных аккаунтов увеличилось количество различных тем по потребительским предпочтениям, досуговым практикам и т.д. Один из методов, который стал снова популярен – анализ документов. Современные исследователи все чаще обращаются к анализу документов через анализ публикаций сетевых СМИ, записей в блогах, Твиттере и т.д.

Методы

В целях изучения современной тенденции и сложившихся практик нами были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, а также в целях выявления применяемых методологических особенностей – анализ данных и исследовательских парадигм ряда крупнейших исследовательских агентств (Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Российское общественное мнение и изучение рынка (РОМИР), Фонд Общественное мнение (ФОМ), Агентство FDF Group, Международный институт маркетинговых и социальных исследований GfK).

Результаты

Ряд российских консалтинговых агентств, социологических центров стали чаще использовать онлайн-исследования в связи с чем стало возможно расширить географию участников, ускорить процесс проведения, обработки и представления результатов.

По-прежнему востребованными остаются количественные онлайн-исследования, которые позволяют в сжатые сроки провести масштабные исследования. Как отмечают эксперты, все сложнее стало находить респондентов, которые готовы тратить свое время на участие в опросе; однако при этом, стоит отметить, что в период пандемии был характерен новый интерес респондентов к участию в исследованиях, поскольку у людей появилось свободное время и желание узнать что-то новое. Все чаще пользуется успехом так называемые экспресс-опросы, которые позволяют при меньшей затрате времени ответить на вопросы и увидеть предварительные результаты.

Нужно отметить, что методы маркетинговых исследований напрямую зависят и тесно связаны с цифровыми технологиями. Именно поэтому, онлайн-опросы стали наиболее популярными и превышают долю различных видов интервью. На сегодняшний день все основные маркетинговые и консалтинговые агентства имеют свои базы данных (онлайн-панели), в которые входят респонденты, готовые участвовать в опросах. Такие базы данных позволяют быстро и качественно провести опросы населения по репрезентативной выборке по широкому кругу тем. При этом базы данных позволяют провести масштабные исследования, поскольку панель может состоять до 600 тысяч респондентов (скажем, у ОМІ или других компаний).

В последние годы стали распространены онлайн-опросы. Среди первых онлайн-панели запустили Агентство FDF Group, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и другие. Основная проблема таких опросов – репрезентативность выборки, сложно описать генеральную совокупность. Прежде всего в список респондентов попадают люди, которые пользуются мобильными телефонами и интернетом (поскольку рекрутинг осуществляется только среди пользователей мобильных телефонов). То есть в исследовательское поле попадают только активные жители страны, которые освоили современные IT-технологии. На сегодняшний день также актуальна проблема так называемых профессиональных респондентов. Во избежание данной проблемы ряд исследователей четко отслеживают их участие в опросах (респонденты могут участвовать не более двух раз в месяц), другие отказались от оплаты респондентам. Именно оплата участия респондента в исследовании, с одной стороны, привлекает потенциальных участников опроса, с другой стороны ставит ряд вопросов. Прежде всего – это появление профессиональных панелистов (рациональных респондентов), которые в погоне за заработком готовы принимать участие в онлайн-исследованиях, но не всегда качественно заполняют опросные листы. Для решения подобных проблем, исследователи предложили видоизменить сам процесс заполнения онлайн-анкет – вводить поэтапно вводную часть, затем вводить сам вопрос и только после этого на экране должны появляться предложенные варианты ответов, тем самым исключая возможности быстрых ответов. Данный принцип, считают исследователи, позволит респондентам вдумчиво отвечать на вопросы, тем самым повысить качество получаемых данных. Как показал замер, этот метод должен касаться основных вопросов анкеты, квотные данные лучше заполнять в обычном режиме. Также в целях решения вопроса слепого заполнения, с которым зачастую сталкиваются исследователи, компания GfK [3] разработала специальную программу для выявления так называемых таблиц, заполненных вслепую [4]. Данная ситуация может сложиться, когда респондент в целях быстрого заполнения анкеты выбирает один и тот же вариант ответа в табличном опросе. Именно в связи с этим, все чаще исследовательские агентства используют таблицы, которые исключают использование данного метода респондентом – речь идет о специальных функциях Капча [2], а также другие методы, например, так называемый метод ступенчатых вопросов и др.

Многие агентства, вслед за ВЦИОМ, формирует свою базу респондентов, что позволяет проводить еженедельные опросы населения. База формируется из мобильных номеров всех операторов связи в разрезе всех субъектов России. Как проанализировали эксперты ВЦИОМ,

в группу не пользователей Интернета входят в первую очередь респонденты старшего поколения. В основном это – женщины, жительницы сел и поселков городского типа, чаще не имеющие высшее образование, относящиеся к менее обеспеченным слоям населения, по занятости – это работающие пенсионеры, в том числе по инвалидности, которые являются рабочими (квалифицированными и неквалифицированными).

Нужно отметить, что стали применяться также качественные онлайн-исследования, которые реализуются социологами в рамках конкретных проектов. Проводятся онлайн-интервью (глубинные, экспертные, фокусированные, биографические и т.д.) и фокус-группы. Качественные онлайн-исследования проводятся также маркетинговыми агентствами. Некоторые маркетинговые агентства предоставляют свою платформу для реализации качественных онлайн-исследований, что позволяет проводить лонгитюдные исследования. Привлечение IT-специалистов и использование специального программного продукта позволяет не только качественно подготовиться к исследованию (обеспечить участие респондентов из разных социальных групп, территорий; подготовить репрезентативную выборку и т.д.), но и скажем, отследить потенциальных респондентов через мобильные и стационарные устройства (речь идет о различных программах, например, самый простой из них – так называемый куки (cookie) – данные, которые позволяют отследить интересы и обращения к рекламным текстам, продуктам и т.д.). При качественных онлайн-исследованиях применяются такие ресурсы как Skype, WhatsApp, текстовые сообщения и электронная почта.

Важным остается вопрос рекрутинга. В связи с переходом на онлайн-исследования также меняются стратегии поиска респондентов, поскольку, зачастую, необходимо здесь и сейчас набрать необходимую выборку. Ряд исследовательских агентств используют набор потенциальных респондентов через телефонный опрос. На первом этапе происходит обзвон будущих респондентов, берется согласие на участие в опросах и на полученный электронный адрес отправляется ссылка для прохождения онлайн-опроса. При этом, до начала опроса потенциальным респондентам высылаются письма-напоминания (вплоть до пяти напоминаний). Другим популярным методом проведения онлайн-исследований становится ривер-сэмплинг (River Sampling) или принцип поточной выборки, при котором респонденты формируются не из панели (базы данных), а привлекаются среди пользователей интернета под конкретный опрос. Как показала практика, данный метод позволяет привлечь новых респондентов под каждое конкретное исследование и исключить профессиональных. Таким образом, привлечение респондента происходит через весь интернет – социальные сети, новостные порталы, приложения и игры, различные блоги и группы, баннеры и др. Преимущество данной методики, как отмечают эксперты – малый бюджет на реализацию, возможность в быстрые сроки провести исследование и получить результат, возможен замер актуальных тем, имеющих большой общественный резонанс или новых, неизвестных тем, по которым нет информации и т.д.

Однако вопрос привлечения респондентов к онлайн-исследованиям по-прежнему является актуальным, особенно для проведения исследований с репрезентативной выборкой, поэтому многие эксперты предлагают различные возможности, среди которых – геймифицированные опросы, исследовательские игры, различные игровые методы [1], которые включают в себя нестандартные решения, такие как: всплывающие подсказки, аватарки, нарративы, графический контент, различные системы и уровни вознаграждений, музыкальные сопровождения и др.

Заключение

Таким образом, онлайн-исследования стали востребованы и широко стали применяться. Однако при их проведении возникают различные сложности, начиная от построения репрезентативной выборки, до применения новых программных продуктов, а также в выборе методик проведения конкретных исследований. Как показал анализ, будущее будет за теми компаниями, которые будут иметь большие базы данных (big data), способные обрабатывать эти большие массивы, а наличие этих метаданных предоставят свободу в выборе методов и стратегий в проведении конкретных исследований.

Литература

1. Адаму Б., Беркс Д. Использование исследовательских игр вместо геймифицированных опросов. Влияние метода исследовательских игр на вовлеченность респондентов и вероятность их будущего участия в подобных проектах // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / Под ред. Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М.: Типография, 2016. С. 267–321.
2. Капча (от CAPTCHA – англ. Completely Automated Public Turing test to tell Computers and Humans Apart – полностью автоматизированный публичный тест Тьюринга для различения компьютеров и людей) [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Капча>
3. GfK – глобальная аналитическая платформа и консалтинговый сервис на базе искусственного интеллекта для индустрии потребительских товаров // URL: <https://www.gfk.com/ru/home>
4. Menold N., Winker P., Storfinger N. and Bredl S. “Interviewers’ Falsifications in Face-to-Face Surveys” // Improving Survey Methods: Lessons from Recent Research. 2014. Pp. 86–97.

DOI: [10.34773/EU.2022.4.21](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.21)

Особенности управления социальной сферой на муниципальном уровне

Features of Managing the Social Sphere at the Municipal Level

Г. ИСХАКОВА

Исхакова Гюзель Рамильевна, канд. ист. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: guzel7373@mail.ru

В данной статье исследуются особенности реализации социальной политики государства на уровне органов муниципального управления и факторы повышения эффективности решения социальных проблем на современном этапе. В частности, исследуется проблема создания системы структур, которые занимаются научной экспертизой развития социальной сферы регионов, проблемы использования цифровых технологий при оказании социальных услуг, особенности создания социальных кластеров на муниципальном уровне, а также система взаимодействия органов государственного и муниципального управления с социально ориентированными некоммерческими организациями.

Ключевые слова: органы государственного и муниципального управления, социальная сфера, научная экспертиза, цифровые технологии, социальный кластер, некоммерческие организации.

This article examines the features of the implementation of the social policy of the state at the level of municipal governments and the factors for increasing the efficiency of solving social problems at the present stage. In particular, the problem of creating a system of structures that are engaged in scientific expertise of the development of the social sphere of the regions, the problems of using digital technologies in the provision of social services, the features of creating social clusters at the municipal level and the system of interaction between state and municipal governments and socially oriented non-profit organizations are being studied.

Key words: state and municipal authorities, social sphere, scientific expertise, digital technologies, social cluster, non-profit organizations.

Введение

Актуальность темы исследования. Формирование муниципальной социальной политики – это процесс создания целостной системы взаимодействия административных методов и

методов самоорганизации населения в решении проблемы дальнейшего развития общества и государства.

В этом процессе государству отводится роль фактора, определяющего модель развития социальной сферы каждого региона с учетом его географических, экономических, национальных, ментальных особенностей.

Важнейшим фактором повышения эффективности решения социальных проблем по-прежнему остается модель финансирования этих мероприятий. Соответственно, используя этот механизм, органы государственного управления имеют возможность регулировать темпы социального развития регионов и создавать условия для повышения уровня развития социальной сферы Российской Федерации в целом.

Проблема исследования. Именно органы муниципального управления отвечают за повышение уровня жизни населения в конкретном образовании, в силу своей близости к населению. Поэтому от эффективности их деятельности зависит повышение уровня легитимности власти, что является важнейшим фактором, гарантирующим стабильное развитие государственной системы по всем направлениям.

Цель исследования. Исследовать факторы повышения эффективности решения социальных проблем органами муниципального управления на современном этапе.

Задачи исследования. Изучить проблему создания системы структур, которые занимаются научной экспертизой развития социальной сферы регионов, проблемы использования цифровых технологий при оказании социальных услуг, особенности создания социальных кластеров на муниципальном уровне, а также систему взаимодействия органов государственного и муниципального управления с социально ориентированными некоммерческими организациями.

Методы исследования

Сравнительный анализ, системно-функциональный анализ.

Результаты

Расширение направлений и объема предоставления населению социальных услуг постоянно растет, а также интенсивно меняются их формы и технологии. В связи с этим возникает проблема приведения в соответствие темпа развития социальной сферы с потребностями и запросами современного общества.

Для интенсификации этого процесса, на наш взгляд, необходимо уделять внимание созданию на государственном и муниципальном уровне системы структур, которые занимаются научной экспертизой развития социальной сферы. К направлениям их деятельности можно отнести анализ уровня социально-экономического развития региона, подготовку научных заключений междисциплинарного характера, на основе которых будет проводиться корректировка решения социальных проблем и профилактика их появления. Для эффективного решения этой задачи государству необходимо уделить внимание подготовке высококвалифицированных кадров, создать возможности для формирования рабочих групп специалистов из управленцев-практиков и ученых-специалистов по проведению междисциплинарных исследований. На наш взгляд, использование подобного опыта в решении социальных проблем позволит сформировать особый интеллектуальный ресурс как фактор целесообразности использования остальных ресурсов.

В этой связи право на проведение научной экспертизы в социальной сфере необходимо предоставить органам государственного и муниципального управления, общественным и некоммерческим организациям, а также группам инициативных граждан.

Как технология, экспертиза должна включать оценку уровня социального развития региона, диагностику позитивных и негативных последствий развития социальной сферы на 3–5 лет, научное консультирование, разработку планов развития региона и достижения социальной безопасности [4].

Именно такие экспертные группы позволят реализовать стратегию разностороннего развития секторов социальной сферы, и в целом позволят создать сбалансированную модель решения социальных проблем в масштабе государства. Бесспорно, этот проект рассчитан на длительную перспективу, но его успешная реализация позволит создать серьезную научную основу для постоянного совершенствования социальной сферы.

Стоит отметить, что темп преобразований в сфере предоставления социальных услуг задает время. С 2020 года в условиях пандемии чрезвычайно актуальными в сфере оказания социальных услуг стали цифровые технологии. С их использованием решались задачи контроля за перемещением людей, дистанционного оказания необходимых социальных услуг в сферах здравоохранения, образования, предоставления финансовых услуг, а также были созданы и усовершенствованы механизмы и условия для дистанционной занятости населения. Увеличились количественно и стали более разнообразными виды организаций, предоставляющих социальные услуги населению. Следовательно, мы можем утверждать, что к настоящему времени сформировалась практика решения социальных проблем в цифровом формате [3].

В этих условиях появилась возможность для организации деятельности вышеуказанных экспертных групп на основе современных информационных и коммуникационных технологий.

На наш взгляд, для повышения эффективности управления развитием социальной сферы можно использовать экономический метод создания кластеров. Оптимальный вариант – создание социальных кластеров, которые позволят решать проблемы населения. В состав кластера необходимо включить высококвалифицированных и опытных работников органов местного самоуправления, а для этого необходимо использовать все возможности обучения на курсах повышения квалификации или профессиональной переподготовки, а также систематическое самообразование. При решении социальных проблем населения они, бесспорно, должны взаимодействовать и сотрудничать по всем направлениям с активными представителями общественности, чтобы повысить актуальность рассматриваемых вопросов и обеспечить «прозрачность» их решения.

Также в структуре кластера необходимо создать экспертную группу для изучения особенностей региона и интеллектуализации управления. Это будет способствовать поступательному развитию территории с учетом ее особенностей.

Абсолютно верно, на наш взгляд, структуру социального кластера охарактеризовала Л.В. Иваненко: «ядро социального кластера формирует прежде всего население данной территории, которое притягивает к себе кластеры-спутники: кластер образования, кластер здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, транспортный, аграрно-пищевой, кластер бытового обслуживания, туристический, кластер культуры и искусства» [2].

На наш взгляд, важную роль в развитии таких кластеров сыграют социально ориентированные некоммерческие организации, деятельность которых регламентируется государством [5].

В законе четко определены социально ориентированные некоммерческие организации, правовые аспекты их создания и деятельности, структурирована система их отношений с органами муниципального управления.

Например, в нашей республике уже апробированы разнообразные формы взаимодействия с социально ориентированными некоммерческими организациями, что позволило повысить эффективность решения самых сложных проблем на уровне муниципалитетов. С 2016 года действует Региональный ресурсный центр «Действуем вместе», который осуществляет поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций [1].

Центр осуществляет поддержку по следующим направлениям: организационное, финансовое, материально-техническое, консультативное, информационное.

Важнейшим итогом деятельности центра на сегодняшний день является то, что созданы условия для привлечения граждан к реализации их социальных инициатив и быстрого и эффективного решения социальных вопросов.

Обсуждение

На наш взгляд, на уровне органов муниципального управления до сих пор не решен вопрос взаимодействия с предпринимательским сектором. В ближайшее время необходимо решить проблему создания системы поддержки тех форм бизнеса, которые имеют социальную направленность.

Заключение

На современном этапе деятельности органов государственного и муниципального управления в решении социальных вопросов, на наш взгляд, на постоянной основе решаются такие вопросы, как совершенствование структуры органов муниципального управления, совершенствование законодательства в этой сфере, сокращение числа бюрократических барьеров, организация системы антикоррупционного контроля и создание системы, гарантирующей доступ населения к информации о реализации политики в этой сфере. В то же время, на современном этапе развития социальной сферы существуют реальные возможности для интенсификации этого процесса.

Литература

1. Закон Республики Башкортостан от 11 июля 2012 г. № 565-з «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW140&n=79050>
2. Иваненко Л.В. Управление регионом. Концепция многокластерной организации экономики: монография. Самара, 2008.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
4. Урбан О.А., Демчук Н.А. Социальные практики ресурсообеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона // Регионология. 2022. Т. 30. № 1. С. 103–128
5. Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12174777/>

Социальные последствия пандемии Ковид-19 (по материалам Республики Башкортостан)

Social Consequences of the Covid-19 Pandemic (based on the Materials of the Republic of Bashkortostan)

Т. ДАУТОВА

Даутова Танзиля Ахтямовна, канд. соц. наук, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. E-mail: dautova_07@mail.ru

В статье на основе эмпирического материала, полученного автором в результате онлайн-анкетирования респондентов, проживающих в Республике Башкортостан, анализируются социальные последствия пандемии Ковид-19. Проведена дифференциация последствий по сферам общественной жизни и применительно к различным группам населения. Сделана попытка ранжирования последствий по степени их негативного потенциала.

Ключевые слова: пандемия Ковид-19, пандемическая реальность, смертность, ограничения, дистанционная форма обучения, ПЦР-тест, маска, медицинская культура, социально-психологические последствия.

Based on empirical material obtained by the author as a result of an online survey of respondents living in the Republic of Bashkortostan, the article analyzes the social consequences of the Covid-19 pandemic. The consequences are differentiated by spheres of public life and in relation to various groups of the population. An attempt was made to rank the consequences according to the degree of their negative potential.

Key words: Covid-19 pandemic, pandemic reality, mortality, restrictions, distance learning, PCR test, mask, medical culture, socio-psychological consequences.

Введение

Пандемия Ковид-19 оказала существенное воздействие на образ жизни населения большинства стран мира, в том числе и России. Высокая смертность, быстрое распространение болезни, невысокая эффективность лечебных процедур и ряд других особенностей поставили эту болезнь в ранг наиболее опасных и масштабных явлений первой половины XXI в. Как справедливо пишут авторы монографии, посвященной данной проблематике: «распространение коронавируса привело к возникновению новой пандемической реальности. Вызванные пандемией глобальные и уникальные общественные потрясения ведут к масштабным социальным последствиям, требующим своего описания и изучения» [8; 5]. Нам представляется, что феномен социальных последствий пандемии является чрезвычайно актуальной темой, требующей глубокого специального исследования. Важнейшими из последствий, на наш взгляд, являются социально-политические, социально-экономические, социально-трудовые, социально-психологические, социально-образовательные, социально-гигиенические, социально-коммуникационные, культурно-досуговые и духовно-нравственные.

В научной литературе исследуются, в основном, отдельные аспекты социальных последствий. Представляется целесообразным рассмотреть социальные последствия в рамках системного подхода, где каждый аспект, с одной стороны, специфичен, а с другой – проявляется наряду и во взаимосвязи с другими аспектами. Исследовательская проблема заключена в необходимости определения сфер общественной жизни, подвергшихся воздействию пандемии, и степени её воздействия на конкретные аспекты жизнедеятельности общества. Аналогичный подход детально прописан в монографии под ред. А.В. Торкунова. Исследователи анализируют общественное мнение о пандемии на примере России, Великобритании, Италии и США [6]. Наше

исследование в принципиальных подходах соответствует вышеназванной работе, однако ареал респондентов ограничивается Республикой Башкортостан.

Методы

Основным методом исследования был выбран метод социологического замера индивидуального восприятия респондентом социальных последствий пандемии. В статистическом ряду субъективных оценок последствий пандемии определяется доминирующий вектор, позволяющий идентифицировать объективное состояние.

Результаты и обсуждение

Характеризуя социально-политический контекст последствий пандемии, следует отметить, что властные структуры вынуждены были принять ряд ограничений, ущемляющих права граждан, но сдерживающих быстрое распространение болезни. Ограничения на передвижение внутри поселений и между ними, ограничения возможности посещения массовых политических, культурно-зрелищных, спортивных мероприятий, торговых и сервисных заведений вызвали недовольство со стороны определенных слоев населения. Особенно острую реакцию вызвала настойчивая рекомендация властных структур пройти большинству населения вакцинацию от коронавируса. Пандемия способствовала снижению политического «капитала» властных структур за то, что население оказалось незащищенным от опасной болезни, за то, что финансовые и материальные издержки средних – и, особенно, бедных слоев населения оказались чрезмерными, а помощь со стороны государства – несущественной, большинству же населения не было оказано вообще никакой помощи. Социально-политические настроения определенной части населения приобрели негативную окраску.

Социально-экономические последствия оказались весьма тяжелыми для широких слоев населения. Некоторые граждане трудоспособного возраста потеряли работу, некоторые ушли в отпуск без содержания, многие работники негосударственных организаций лишились полноценной зарплаты. Большинство субъектов предпринимательской деятельности в сфере сервиса потеряли значительную часть своих клиентов и оказались в экономически недееспособном состоянии. Одним из экономических последствий стало снижение доходов широких масс, а, следовательно, снижение спроса на многие группы товаров.

Социально-трудовые отношения претерпели в некоторых своих проявлениях существенные изменения. Так, многие специалисты, занимающиеся компьютерным сопровождением производственных процессов, были переведены на дистанционную форму работы. В определенной мере они получили более удобный формат работы (отсутствие необходимости ездить на работу и обратно, домашнее питание и т.д.). Однако учителя и преподаватели профессиональных учебных заведений при дистанционной форме работы получили резкое увеличение своих функциональных обязанностей без увеличения заработной платы: постоянная проверка резко возросших письменных работ, подготовка многочисленных дидактических материалов, обеспечивающих эффективную дистанционную работу учащихся, отсутствие возможности моментального исправления некоторых ошибок учащихся, эпизодически возникающих в процессе текущей учебной деятельности и т.д. [3; 4]. Работники сферы сервиса существенно пострадали в период пандемии, во-первых, из-за сокращения числа обращений к ним (запрет на выход из дома пенсионерам и другим категориям населения), а, во-вторых, из-за резко возросшего риска заразиться коронавирусом. Работники тех негосударственных производственных или инфраструктурных заведений, которые были в период пандемии закрыты, существенно потеряли в зарплате или вообще лишились работы (если предприятие в дальнейшем оказалось банкротом и закрылось).

Социально-психологические последствия пандемии Ковид-19 оказались максимально ущербными для населения. Переживания по поводу болезни (часто со смертельным исходом) близких родственников, друзей, знакомых, постоянный страх перед возможностью заразиться самому, боязнь получить административное наказание за попытки посетить то или иное

заведение вдалеке от дома (внутри города или за его пределами) стали обыденным явлением, что вводило в депрессивное состояние на долгое время.

Социально-образовательные последствия пандемии связаны, во-первых, с необходимостью перехода на дистанционную форму обучения и, во-вторых, со снижением качества обучения (в большинстве случаев) без проведения очных лабораторных работ, физкультурных, лингвистических тренингов (в процессе обучения иностранному языку) и т.д. [3].

Социально-гигиенические последствия, напротив, носят позитивный характер, поскольку люди стали тщательнее мыть и обрабатывать руки, чаще убираться в доме, квартире, соблюдать социальную дистанцию. Медицинская культура существенно выросла, что можно расценивать как положительное последствие пандемии.

Социально-коммуникационные последствия выразились в том, что люди почти перестали встречаться не только с близкими друзьями, но и с родственниками. Студенты лишились возможности непосредственно общаться друг с другом и преподавателями, что крайне негативно отразилось на первокурсниках, не сумевших пройти полноценную студенческую социализацию. Однако дистанционные коммуникации с друзьями и знакомыми резко возросли и приобрели более качественную глубину (став чем-то большим, чем формально-мимолетный обмен мнениями по текущим событиям в жизни).

Культурно-досуговая активность населения преобразилась в структурном отношении. Резко снизилось количество посещений театров, кинотеатров, других массовых зрелищных мероприятий. Основными видами занятий стали просмотр телепрограмм, обзор сайтов в Интернете, чтение книг и другие виды индивидуальной досуговой самозанятости. Одновременно получили развитие цифровые технологии в этой сфере: онлайн-путешествия, обучение иностранным языкам, приобщение к многим другим знаниям и умениям.

Имели место и духовно-нравственные последствия. Часть населения заинтересовалась религиозными ценностями. Некоторые категории людей озадачились философскими вопросами: если резко повысился риск заболеть (и даже умереть), то, как правильно и более насыщенно следует прожить оставшуюся жизнь; как выстроить приоритеты – жить с эгоцентрической или альтруистической внутренней ориентацией и др. Уровень сочувствия друг к другу, доброты и благожелательности возрос, однако некоторые сограждане, наоборот, стали более раздражительными.

Для уточнения вышеназванных тезисов нами было проведено в ноябре-декабре 2021 г. конкретное социологическое обследование на тему «Что изменил в нашей жизни Covid-19?». Методом случайной выборки было опрошено 364 респондента. Следует отметить, что имело место некоторое смещение выборочной совокупности в сторону увеличения количества женщин (76 %), молодежи в возрасте 16-29 лет (49,7 %) и лиц с высшим образованием (43 %), что, в целом, не нарушило принципа репрезентативности. Среди других параметров выборочной совокупности отмечается доминирование лиц, занятых интеллектуальным трудом – 47 % (из всех опрошенных); занятых в сфере образования – 19 %; проживающих в городе-миллионнике – 61 %; имеющих удовлетворительное материально-финансовое состояние – 48,6 %. Представляет интерес информация об опыте отношений респондентов с пандемией. Так, 71 % опрошенных переболели данной болезнью с различной степенью тяжести, 28 % – не болели вообще. 34,6 % опрошенных ответили положительно на вопрос об имевших место смертельных случаях от Ковида-19 среди родственников и близких знакомых.

Анализ полученных ответов показал наличие изменений по всем предложенным вопросам, связанным с появлением в регионе пандемии Ковид-19. Так, на вопрос анкеты «Что изменилось в вашей работе (учебе)?» лишь 30 % ответили, что ничего не изменилось. Из всех опрошенных 25,1 % отметили, что нагрузка на работе существенно увеличилась; 25 % перешли на дистанционную форму выполнения трудовых функций; 23,6 % ответили, что сочетают традиционный формат работы с дистанционной; 5,4 % отметили, что много стало вынужденных простоев и неоплачиваемых отпусков. Таким образом, около половины опрошенных вынуждены

были изменить режим работы и испытали ухудшение своего финансового состояния (из-за задержек зарплаты и, во многих случаях, даже снижения ее размера).

С точки зрения экономических последствий пандемии следует отметить, что в наибольшей степени она повлияла на цены на товары и услуги, вызвав их повышение, на что указали 66,6 % опрошенных; 42 % респондентов отказались совершать запланированные крупные покупки (недвижимость, автомобили); 22,3 % отметили, что у них снизился ежемесячный доход, а 20,9 % признались в том, что у них существенно повысились ежемесячные расходы на обслуживание своей жизнедеятельности. На прямой вопрос «Что изменилось в Вашем финансово-экономическом положении в связи с коронавирусом?» 29,7 % опрошенных ответили, что оно ухудшилось, 6,3 % – что ухудшилось существенно. В целом 33,9 % респондентов испытали прямое негативное последствие от ввода ограничений по пандемии. Данный показатель применительно к генеральной совокупности может быть увеличен, поскольку в выборочной совокупности имел место сдвиг в сторону респондентов, тесно связанных с государственно-бюджетными отношениями (студенты, преподаватели государственных вузов, сотрудники госструктур, пенсионеры и т.д.), которые получали стабильное финансирование.

Частный бизнес, индивидуальное предпринимательство испытали на себе более существенные негативные экономические последствия. Слабое развитие страховых отношений не позволило многим субъектам экономической деятельности выжить или амортизировать ухудшение финансово-экономического состояния. Целевое интервьюирование 10 предпринимателей по единственному вопросу: «Как изменилось состояние Вашего бизнеса в связи с пандемией Ковид-19?» показало, что 6 опрошенных попали в крайне затруднительное положение. Трое прогнозируют скорое прекращение своей бизнес-активности. Вместе с тем, некоторые виды предпринимательской деятельности получили позитивный импульс для своего развития. К ним можно отнести службы доставки на дом (или на рабочее место) продуктов, других необходимых товаров; производство масок и других средств профилактического предостережения от пандемии; службы проведения и обеспечения интернет-связи; негосударственные службы медицинского обслуживания, службы ритуальных услуг.

Вместе с тем следует признать, что доля не ощутивших негативного экономического последствия пандемии также оказалась достаточно высокой. Так, 45,9 % опрошенных указали на то, что их финансовое положение не изменилось, 3,3 % – что улучшилось и 1,2 % – что улучшилось существенно. В сумме это дает 50,4 % опрошенных, не ощутивших негативных финансовых последствий пандемии. Однако нам представляется, что негативные финансовые последствия коснулись большего процента населения, которые возможно было бы определить при более масштабном формате исследования.

Особо значимыми представляются ответы на вопрос об оценке выполнения государством своих обязательств в связи с пандемией. Неудовлетворительно оценили деятельность государства в указанном направлении 34,8 % опрошенных, 36 % респондентов оценили на удовлетворительно, 6,6 % – на хорошо и 1,8 % – на отлично. Суммарный показатель положительной оценки – 44,4 % респондентов – показывает достаточно высокий уровень доверия граждан государству, однако оно характерно все же лишь для меньшей половины исследуемого сообщества.

Данное состояние коррелирует с ответами на вопрос об оценке качества медицинского обслуживания в связи с пандемией. Большинство опрошенных – 56,9 % респондентов – ответили, что оно ухудшилось. 17,6 % опрошенных посчитали, что государственное медобслуживание в связи с пандемией не изменилось. Небольшое количество опрошенных – 11,2 % – почувствовали улучшение медицинского обслуживания и почти столько же затруднились ответить на этот вопрос. На вопрос об изменениях в медицинском обслуживании на муниципальном уровне были получены аналогичные ответы. Согласно нашему опросу, больше всего респондентов указали на изменения в худшую сторону (37,1 %), на отсутствие изменений указали 31 % респондентов, на изменения в лучшую сторону – 8,5 %.

Опыт жизни в режиме пандемии позволил многим гражданам сформировать свой оптимальный виртуальный пакет мер, который следовало бы принять (если бы у них были

полномочия). Так, 74 % опрошенных сделали бы ПЦР-тесты бесплатными для всех категорий населения (а не только для подозреваемых в возможной инфицированности); 50 % респондентов считают необходимым стационарное медицинское обслуживание не только тяжелобольных, но и больных средней и легкой степени тяжести; 30 % считают важным выплату бонусов за вакцинацию (ревакцинацию), как это делается в некоторых компаниях. 41 % опрошенных предприняли бы такую административную меру противостояния пандемии, как закрытие всех границ для предотвращения перемещения граждан в другие страны и обратно. Представляется важным ответ на вопрос: «Изменился ли уровень доверия к власти, её действиям в условиях пандемии?». Меньше стали доверять власти 48 % опрошенных. 20 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос. 31 % опрошенных отвергли наличие изменений в уровне доверия к власти по результатам ее деятельности по борьбе с пандемией.

Таким образом, государство как основной организатор борьбы с пандемией, по мнению опрошенной аудитории, справилось с образовавшейся ситуацией в медицинской сфере весьма посредственно. Более эффективным было информационно-пропагандистское сопровождение государственными СМИ процесса борьбы с коронавирусом. Реакция респондентов по данному вопросу оказалась следующая: 50,5 % считают, что информация в СМИ была необъективная и содержала много «пустой» пропаганды, 56 % отметили, что усилились различные слухи, к которым неизвестно, как относиться; 22 % считают, что информация в СМИ по пандемии была недостаточно полная, и лишь 16,5 % респондентов посчитали информацию достаточной. Таким образом, информационно-пропагандистская кампания в период пандемии была в определенной степени манипулятивной, не предоставляющей потребителям полноценной первичной информации. Нижеуказанный источник совершенно справедливо фиксирует, что «распространение коронавирусной инфекции сопровождается ... масштабным и беспрецедентным распространением разной степени достоверных информационных сообщений, опасений, ожиданий и призывов, влияние которых на людей настолько очевидно, что привело к появлению специального термина “инфодемия”, под которым ВОЗ понимает чрезмерность информационного потока о пандемии, от которого трудно оградиться, и в котором трудно определить, что достоверно, а что – нет» [7].

Имели место и социально-психологические последствия. Так, 44 % опрошенных считают, что в период пандемии люди стали более замкнутыми, а 10,2 % отметили, что люди, наоборот, стали более внимательными и доброжелательными друг к другу. Около 23 % респондентов считают, что никаких социально-психологических последствий от пандемии они не испытали. Вместе с тем, 52 % опрошенных стали реже встречаться с родственниками и друзьями, что можно однозначно отнести к негативным последствиям пандемии.

Определенное влияние на себе испытали и семейные отношения. 12,1 % опрошенных указали на то, что во время пандемии отношения в семье улучшились, 75,3 % – что не изменились, и только 7 % респондентов отметили, что в этот период семейные отношения, наоборот, ухудшились. В полной мере соглашаемся с утверждением профессора Антонова А.И., что «ситуация карантина и удалёнки выявила жизнеспособность семьи как домашнего офиса и школы на дому. Прогноз Тоффлера о семье будущего как центре работы – образования – рекреации реализован ... в условиях мирового локдауна» [1].

Больше всего изменения коснулись сферы досуговой деятельности населения. Так, 48,4 % опрошенных стали меньше посещать культурные заведения, 31 % стали меньше выезжать на отдых и на экскурсии, 33,5 % респондентов стали меньше посещать кафе и рестораны.

У определенной части респондентов во время пандемии произошли мировоззренческие изменения. Так, 33 % стали больше ценить каждый день жизни, 19 % указали на то, что у них изменились приоритеты в сторону повышения значимости духовных ценностей, а 6,3 % опрошенных признались, что у них появилось желание приобщиться к религиозным ценностям. У 24 % опрошенных появилось желание уехать в страны с более высоким уровнем медицинского обслуживания, а 40,5 % респондентов положительно ответили на вопрос о намерении поиска возможности переезда в другую страну.

Существенные изменения произошли в бытовой жизни опрошенных. Почти половина (47 %) из них показала свое раздражение тем, что вынуждены везде показывать сертификат о вакцинации; 42,6 % опрошенных отметили, что стали больше заботиться о чистоте в жилище и на работе; 32,6 % респондентов стали существенно реже посещать торговые центры и места скопления людей; 32,2 % опрошенных практически прекратили посещение кинотеатров и театров; 22,8 % стали реже ездить на общественном транспорте; 22,3 % ограничили свои поездки на отдых и экскурсии, а 15,4 % респондентов отметили, что перестали ездить в зарубежные туры.

При всей негативной нагрузке, которую оказала пандемия на российское население, обнаружились и некоторые ее положительные последствия. Так, 29,1 % опрошенных стали бережней относиться к своему здоровью. 13,8 % почувствовали, что у них повысилась медицинская информированность, и медицинская культура в целом. Из других позитивных последствий респонденты отметили то, что они освоили дистанционные технологии работы и учебы (53,8 %), повысили свою компьютерную грамотность (33,9 %), реализовали многократно откладываемые планы (прочитать книги, посмотреть фильмы, обучиться игре на музыкальных инструментах и т.д.) – 27,6 %.

Выявленные изменения в общественной жизни вообще и в частной жизни конкретного человека, обусловленные пандемией, вызвали существенный негативный резонанс. Каждый, кто пытается осознать произошедшее социально-медицинское патологичное явление, ставит перед собой ряд вопросов: почему после получения информации о начале распространения чрезвычайно контагиозной (заразной) болезни в Китае компетентные властные структуры в России не перекрыли оперативно каналы проникновения болезни в страну, а начали с опозданием реагировать лишь вдогонку быстро распространяющейся пандемии, когда ситуация уже вышла из-под контроля? Почему по фактам заболевания среди населения давалась ограниченная информация, либо некорректная (когда вместо диагноза «коронавирус» фиксировали обыкновенную пневмонию)? Почему государственная медицина оказалась беспомощной в борьбе с опасной болезнью? Почему средства профилактики, предохранения от болезни в первый месяц распространения пандемии были недоступны широким массам населения (в продаже не было даже масок)? Почему плановое медицинское обслуживание по другим заболеваниям было сокращено до минимума и тем самым широкому кругу нековидных пациентов был нанесен существенный ущерб и др.

Ответственность за низкую эффективность в деле противостояния пандемии лежит и на самих гражданах. Только 7 % опрошенных оценили уровень своей медицинской культуры как высокий, 62 % респондентов – как средний и 14 % – как низкий. Уровень медицинской культуры населения в целом оценивается респондентами как низкий (47,4 %), как средний (36,6 %) и как высокий (0,6 %). Пандемия поставила граждан перед необходимостью поднять свою медицинскую культуру. Так, 28,3 % опрошенных стали вести более здоровый образ жизни, 25 % респондентов стали чаще прибегать к медицинским услугам, чтобы не запускать болезни, принимать витамины для усиления иммунитета, стали чаще дезинфицировать руки, 18 % стали больше читать медицинскую литературу на тему пандемии.

Заключение

Анализ научных источников и результатов собственного эмпирического исследования позволяет констатировать, что в период распространения пандемии Ковид-19 усилились угрозы безопасности населения страны. Таковыми негативными последствиями стали: повышение смертности, особенно людей пожилого возраста; обострение хронических и иных заболеваний после перенесенного Ковид-19; некоторое ухудшение состояния здоровья пациентов с нековидными заболеваниями; значительное ухудшение финансово-экономического положения населения, особенно бедных и средних слоев; высокий уровень неудовлетворенности определенной части населения деятельностью государственных органов, обязанных обеспечивать условия для полноценной жизни граждан; сужение диапазона культурно-досуговых видов занятости населения, перевод на режим онлайн потребления культурных и интеллектуальных ценностей;

усиление психологической напряженности в семьях (в связи с необходимостью круглосуточно-го многомесячного совместного времяпровождения всех членов семьи в ограниченном пространстве городских квартир); личный психологический дискомфорт, вызванный страхом заразиться болезнью, утерей сложившихся социальных связей и обычаев, снижением веры в лучшее будущее.

Вместе с негативными последствиями, пандемия имела и некоторые ситуативные позитивные последствия. Таковыми можно считать повышение медицинской культуры населения; приобретение способности к правильной расстановке жизненных приоритетов и ценностей; удовлетворение отложенных потребностей; повышение культуры дистанционного получения образования; повышение социальной и личной дисциплинированности, связанной с соблюдением профилактических мер противостояния пандемии.

В целом, можно констатировать, что пандемия Ковид-19 преподнесла человечеству урок того, что следует и что не следует делать, чтобы не допустить следующих волн опасных массовых заболеваний. Пандемия оказала серьезное негативное влияние на многие стороны жизни, послужила экспериментальным фактором, позволившим обнаружить «слабые», проблемные места практически во всех сферах жизни общества. Трудно предвидеть более долговременные последствия пандемии коронавируса. Ученые-эксперты Ю.Г. Волков и В.И. Курбатов, однако, предлагают вполне реальные сценарии возможных последствий, основываясь на работах широкого круга исследователей рассматриваемой проблемы [2].

Бурное развитие научно-технического прогресса в XX–XXI веках сформировало у человечества иллюзорное представление о том, что, имея на вооружении такой мощный инструмент, как наука, можно легко справиться с любой глобальной проблемой. Пандемия коронавируса показала, что это представление ошибочно. Человечеству следует всегда быть готовым к появлению еще более сложных проблем и научиться справляться с ними с минимальными издержками. Полноценной готовности к профилактике, эффективному медицинскому сопровождению и преодолению всевозможных последствий пандемии коронавируса мировое сообщество, к сожалению, не продемонстрировало. Формирование готовности к противостоянию любым глобальным угрозам – актуальная задача, которую следует решать уже сегодня как государственным структурам, так и обществу в целом.

Литература

1. Антонов А.И. Риски дивного мира цифровизации: социолого-демографическая интерпретация пандемии / Сб. материалов XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения» «Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». Москва. 4 марта 2021 г. М.: Макс пресс, 2021. 1241 с.
2. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9. № 2.
3. Даутова Т.А. Дистанционное обучение глазами студентов (на примере Республики Башкортостан) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 4. С. 146–150.
4. Даутова Т.А., Фролова И.В., Христуло О.И. Дистанционное обучение в условиях пандемии: опыт социологического мониторинга (на примере вузов Республики Башкортостан) / В кн.: Аэрокосмическое образование в России. Кадровое обеспечение оборонно-промышленного комплекса. М., 2021. С. 87–96.
5. Образ жизни. Как коронавирус изменил повседневность / А.А. Ослон, А.И. Боброва, Г.Л. Керман, Е.С. Закутина, И.Г. Осипова, К.П. Глазков / Литрес: 2022. 216 с.
6. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]. М.: «Аспект Пресс». 2021. 248 с.
7. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Издательство Московского университета, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://msupress.com/ebook/2021_COVID_ebook.pdf?ysclid=l6btbz29ar948455040
8. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение, 2021. 319 с.

Регулирование занятости: теоретические предпосылки исследования

Regulation of Employment: Theoretical Background of the Research

Р. АЛЛАГУЛОВ, А. АЛЛАГУЛОВ

Аллагулов Ринат Хасанович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и регионального развития Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: allagulovrh@mail.ru

Аллагулов Анвар Ринатович, технический директор ООО «Сёрфингбёрд». E-mail: payable@yandex.ru

В связи с наблюдающейся в России макроэкономической нестабильностью, актуализируется исследование ряда теоретических аспектов ее регулирования. Регулирование занятости является производной от состояния отношений занятости на определенной территории. Политика занятости охватывает все стадии становления и развития человеческих ресурсов. Стратегической целью политики занятости в современных условиях является развитие человека, его потенциала. В качестве первоочередных задач можно выделить достижение вначале рациональной, а затем полной, эффективной занятости. Каждому уровню (международному, национальному, региональному, локальному) и в каждый период времени присущи своя специфика целей и особенности применяемых инструментов.

Ключевые слова: занятость населения; регулирование (политика) занятости; уровни, цели и инструменты политики занятости; макроэкономические модели; особенности политики занятости.

In connection with the macroeconomic instability observed in the country, the study of a number of theoretical aspects of its regulation is being updated. Employment regulation is a derivative of the state of employment relations in a certain territory. Employment policy covers all stages of formation and development of human resources. The strategic goal of employment policy in modern conditions is the development of a person, his potential. As primary tasks it is possible to allocate achievement at first rational, and then full, effective employment. At each level (international, national, regional, local) and in each period of time - its own specific goals and features of the tools used.

Key words: employment of the population; regulation (policy) of employment; levels, goals and instruments of employment policy; macroeconomic models; features of employment policy.

Основные положения

1. Регулирование занятости является производной от состояния отношений занятости на определенной территории. Политика занятости шире политики на рынке труда: охватывает все стадии становления и развития человеческих ресурсов.
2. Стратегической целью политики занятости в современных условиях является развитие человека, его потенциала. В качестве первоочередных задач можно выделить достижение вначале рациональной, а затем полной, эффективной занятости.
3. Каждому уровню (международному, национальному, региональному, локальному) и в каждый период времени присущи своя специфика целей и особенности применяемых инструментов. Инструментами политики занятости обычно выступают инструменты макроэкономической политики, которые зачастую трансформируются в ее специфические методы.
4. Взаимосвязь целей и инструментов политики занятости, возможные результаты применения последних в определенной степени могут быть исследованы при помощи использования макроэкономических моделей. В условиях современной макроэкономической нестабильности применение большинства моделей ограничено.

Введение

«Занятость», наверное, одна из самых известных (вспомним хотя бы работу «Общая теория процента, занятости и денег» родоначальника макроэкономики Дж. М. Кейнса), но

продолжающая и сегодня оставаться актуальной в исследовании экономическая категория. В связи с наблюдающейся в России макроэкономической нестабильностью, вызванной пандемией, санкциями и др. факторами, затронувшей и сферу занятости, сегодня важно, на наш взгляд, рассмотреть ряд теоретических аспектов регулирования последней. Проблема актуализируется и в связи с такими современными вызовами и процессами, как необходимость структурной перестройки и завершения перехода к рынку, дальнейшей постиндустриализации (в т.ч. цифровизации) и «переформатирования», глобализации национальной экономики.

Методы

Методологической основой исследования являются общенаучные методы абстрагирования, сравнения, индукции и дедукции, анализа и синтеза. Используются методы восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического, комплексный и междисциплинарный подходы.

Результаты

Прежде всего, уточним современное понимание экономической категории «занятость». Это, считаем мы, даст возможность более четко и комплексно определиться с базовыми элементами регулирования (политики) занятости. Наша позиция в данном вопросе выражена следующим образом: «Занятость в широком смысле охватывает все ее составляющие (компоненты) – воспроизводство, использование и распределение человеческих ресурсов, в то время как рынок труда – только последнее». ...Занятость в широком смысле – общеэкономический (и даже цивилизационный) феномен, сравнимый с такими понятиями, как труд, образ жизни и т.п. Такой подход одновременно дает возможность оценить, проанализировать проблему занятости через призму человеческого развития» [2]; «Современный тип занятости связан, во-первых, с переходом к рынку, во-вторых, к постиндустриальной стадии экономического развития, в-третьих, с глобализацией экономики» [3].

Отсюда – с точки зрения определения содержания регулирования отношений занятости – можно сделать следующие выводы:

1. Регулирование занятости в широком смысле должно охватывать все стадии формирования человеческих ресурсов (воспроизводство, использование и распределение);

2. Занятость тесно взаимосвязана с человеческим развитием, является как элементом последнего (испытывая его воздействие), так и фактором, влияющим на него. Соответственно, стратегической целью политики занятости должно являться развитие человека, его потенциала. В качестве первостепенных задач можно выделить достижение вначале рациональной, а затем полной, эффективной занятости;

3. Занятость населения как явление, а, следовательно, ее формы, методы регулирования могут быть специфичными для различных регионов и изменяются с течением времени;

4. Регулирование занятости в значительной мере связано с регулированием рынка труда, но гораздо шире последнего. В связи с тем, что рынок труда в нашей стране находится на этапе формирования и несовершенен, регулирование занятости в существенной своей части должно быть направлено в т.ч. и на устранение недостатков рыночного механизма.

Более полное исследование регулирования занятости предполагает выяснение его уровней, целей и инструментов.

5. Сегодня общепризнанно, что занятость является макроэкономической категорией. Вместе с тем, ее вполне логично и целесообразно рассматривать не только на национальном (и международном), но и на региональном, и даже на локальном (например, на муниципальном) уровнях. Более того, ряд ее элементов вполне можно рассматривать и на уровне отраслей, предприятий. Вышесказанное вполне соотносится с тем, что занятость «многоаспектная категория, обладающая характерными свойствами. Она объективно обусловлена и связана со многими сторонами жизнедеятельности людей: производством, распределением, обменом и потреблением; демографическими характеристиками населения; его доходами, культурой, образом жизнедеятельности; экономической политикой и др.» [3]. А большинство этих элементов как раз и

складываются в регионе. Сюда же можно отнести и такие компоненты, как «этнический состав населения, трудовые ресурсы, социальная инфраструктура, социально-психологический климат, политические аспекты развития региона, культурные факторы и т. д.» [2]. Следовательно, и уровнями регулирования занятости выступают: международный, национальный, региональный, локальный (особенно если это моногорода или монорайоны).

6. Важно определиться и с целями регулирования занятости. «Основной (стратегической) целью развития отношений занятости в современных условиях выступает повышение человеческого потенциала» [3]. На это в перспективе в макроэкономическом аспекте должно быть направлено и регулирование занятости. На практическом уровне задачи регулирования занятости конкретизируются [4; 5; 6]. Само же регулирование, считаем мы, должно быть сегодня направлено на достижение рациональной занятости, т.е. занятости, обоснованной «с точки зрения процессов формирования, распределения (перераспределения) и использования трудовых ресурсов с учетом их половозрастной и образовательной структуры, режимов воспроизводства трудоспособного населения и его размещения по территории» [11]. Отсюда вытекает, что при регулировании занятости на всех уровнях особое внимание следует обратить на следующие пропорции и показатели: «1. Пропорции распределения времени работников между рабочим и внерабочим временем; 2. Уровень занятости трудоспособного населения в общественном производстве, доля экономически активного населения в составе всего населения страны; 3. Отраслевая структура занятого населения; 4. Профессионально-квалификационная структура занятого населения; 5. Территориальная структура трудового потенциала и занятого населения» [1]. В краткосрочном аспекте и на тактическом уровне целью регулирования занятости зачастую выступают рост занятости и снижение безработицы. Обратим внимание: хотя такие элементы экономически активного населения, как занятые и безработные, в известной степени выступают антиподами, при их анализе необходимо учитывать потоки из экономически активного населения в экономически неактивное население, и наоборот.

Ряд целей политики занятости связаны с использованием труда, повышением его производительности: учет и реакция на отраслевые, демографические и иные сдвиги в структуре занятости; сокращение излишней занятости (скрытой безработицы); контроль над уровнем безработицы посредством прироста рабочих мест.

Помимо того, что цели регулирования занятости могут быть стратегическими и тактическими, целесообразно выделять также цели на разных уровнях: национальном, региональном, локальном. Региональные и локальные цели могут иметь свою специфику в зависимости от особенностей ситуации на данной территории.

Цели политики занятости должны коррелировать с инструментами их достижения. Так, например, вышерассмотренные цели могут быть достигнуты при помощи как экономических, так и административных методов. При этом необходимо следить за тем, чтобы они не противоречили, а дополняли друг друга. При использовании тех или иных инструментов на всех уровнях важно иметь в виду суть неравенства Тинбергена: количество инструментов не должно быть менее количества поставленных целей.

В реализации отношений занятости в связи с пониманием их «в узком и широком смысле слова» логично разделить кратковременные и долговременные цели и инструменты их достижения. Их соотношение, в частности, может быть таким: 1. Занятость в узком смысле слова – краткосрочная цель; задачей такой политики является регулирование (уменьшение) текущей безработицы; средства достижения цели – в основном инструменты пассивной политики занятости; 2. Занятость в широком смысле слова – долгосрочная цель; задача такой политики – обеспечение полной занятости как необходимой предпосылки реализации прав граждан на труд и достижение высокого уровня жизни; средства достижения цели – в основном инструменты активной политики занятости.

I. Инструментами политики занятости обычно выступают инструменты макроэкономической политики, хотя это не исключает применения специфических методов (например, общественных работ): «На систему отношений занятости влияет экономическая политика государства

(как общая, так и частная, то есть проводимая непосредственно в сфере занятости)» [3]. Более того, следует различать национальную и региональную, а в ряде случаев и муниципальную (например, в моногородах) политику занятости. Федеральная политика влияет на занятость, прежде всего через инструменты макроэкономической (бюджетно-налоговой и денежно-кредитной) политики [7; 8; 9; 10]. На региональном (и, тем более, локальном) уровне возможности применения большинства этих инструментов (изменение налогов, госрасходов, процентной ставки и др.) зачастую недоступны или ограничены. Безусловно, можно воздействовать на занятость путем изменения местных налогов и сборов, а также изменяя направления использования регионального и муниципального бюджета (например, направляя определенную их часть на обучение населения или общественные работы).

При выборе инструментов формирования и проведения политики занятости необходимо:

1) Учесть продолжительность внешних и внутренних шагов, для краткосрочных колебаний разработать автоматические стабилизаторы; 2) Предвидеть будущие возможные нарушения (естественное и механическое движение населения, изменение доходов, снижение производительности труда, рентабельности производства, рост цен, изменение валютного курса и др.); 3) Определить соответствующие меры: а) выявить, является ли нарушение постоянным; б) определить, требуется ли стимулирующая или сдерживающая политики; в) сформулировать сочетания макроэкономической политики для достижения необходимых изменений; г) распределить по времени инструменты экономической политики (учитывая, что различные инструменты имеют неодинаковые периоды действия).

II. Достижение поставленных целей при наличии тех или иных инструментов вполне может быть промоделировано. Базовой макроэкономической моделью для изучения воздействия экономической политики государства на экономику, в т.ч. и на занятость, является модель AD – AS. Однако она не всегда наглядно демонстрирует воздействие фискальной политики на экономику, и практически не дает возможности детально исследовать последствия денежно-кредитной политики. А ведь именно инструменты этого вида политики стали чаще применяться в современной экономике, в т.ч. в России. Поэтому закономерно возникает необходимость привлекать к анализу модель IS – LM, учитывая, что все переменные, которые зависят от доходов или от процентной ставки (налоги, потребление, бюджетный излишек) могут оказаться под воздействием сдвигов IS или LM. Определенный интерес (с точки зрения регулирования занятости) представляют закон Оукена (связь между политикой роста выпуска и занятости) и кривая Филлипса (связь между безработицей и инфляцией). Несмотря на достаточно интересные возможности, предоставляемые для исследования, они, по нашему мнению, являются локальными макромоделями; на их основе сложно, а зачастую и невозможно, определить влияние на динамику занятости цен, потребительского спроса, инвестиций, а также налогов и других инструментов экономической политики. Проблематичным, по нашему мнению, является и их использование в полной мере применительно к современной переходной экономике, т.к.: а) для определения естественного уровня безработицы требуется достаточно продолжительное время, причем не только в условиях спада, но и подъема экономики; б) спад производства и инфляция в России обусловлены не только экономическими, но и, в значительной мере, политическими процессами (к тому же инфляция и безработица были относительно разнонаправленными только в условиях «классического» цикла перепроизводства).

III. В целом, конечная цель – изменение занятости населения, ее структуры – реализуется фискальной и монетарной политикой как одними из направлений экономической политики (наряду с валютной, внешнеторговой, структурной и другими видами политики). Это означает, что политика, направленная на изменение занятости, является производной от этих направлений экономической политики или представляет собой синтез вышеперечисленных видов экономической политики. В узком сегменте отношений занятости, очевидно, можно выделить и специфические инструменты политики занятости, в частности, ряд мер, связанных с уменьшением безработицы. Стандартные инструменты фискальной и монетарной политики вызывают лишь краткосрочные изменения величины и структуры занятости, не способствуя росту

экономического потенциала. Задачи обеспечения долгосрочного экономического роста связаны с политикой в области совокупного предложения, которая должна включать программы поддержания занятости, переподготовки работников, стимулирования конкуренции, налоговые реформы и т.д.

Обсуждение

1. Чтобы оказывать позитивное воздействие на уровень и структуру занятости, НТР, постиндустриализация, цифровизация должны разворачиваться в русле макроэкономической политики, направленной на рост производства и формирование «нового спроса» на труд [12]. Оптимизация занятости в нынешних условиях проявляется не только и не столько в уменьшении живого труда, но и в улучшении его качества; необходимо учитывать повышение производительности труда (и роста эффективности использования капитала), т.е. современное регулирование занятости должно быть направлено на интенсивное развитие экономики. Только в этом случае, полагаем мы, экономический рост приведет к максимизации среднедушевого потребления, дальнейшему развитию человеческого потенциала.

2. Политика занятости должна быть соотнесена с экономическим спадом, происходящим в стране, принимать во внимание структурные сдвиги в экономике (в том числе связанные с санкциями, импортозамещением), сопряжена с меньшими финансовыми затратами, учитывать огромные региональные различия в ситуациях на рынке труда. При формировании новой модели необходимо учитывать следующие явления на российском рынке труда: демографическую ситуацию в стране, начавшийся переход открытой безработицы в скрытую, сокращение емкости официального рынка труда, высокий динамизм процессов, присущий всем рынкам в условиях макроэкономической нестабильности и многое другое, что определяет современные тенденции, включая изменения большинства количественно-качественных показателей, характеристик рынка труда, в частности, низкую цену труда.

3. Регулирование занятости на нынешнем этапе должно, видимо, носить комбинированный характер: основываться на сочетании отдельных элементов практики организации гибкого (в том числе с применением дистанционных технологий) и регулируемого рынков труда, с постепенным расширением методов активной политики на рынке труда по мере стабилизации и оживления экономики, совершенствования инфраструктуры в сфере трудовых отношений и укрепления организации института социального партнерства. Эта модель может быть рассчитана лишь на ограниченный срок действия (период нестабильности и выхода из него), в течение которого будут созданы предпосылки для перехода к более совершенной модели регулирования занятости, способной справиться с проблемами, возникающими в условиях нестабильной (и в значительной мере «подсанкционной») экономике.

Заключение

1. Политика занятости: а) шире политики на рынке труда – она охватывает все стадии становления и развития человеческих ресурсов; б) представляет собой совокупность мер прямого и косвенного воздействия на социально-экономическое развитие общества для достижения полной и эффективной занятости; в) ее стратегической целью в современных условиях является развитие человека, его потенциала. В качестве первостепенных задач можно выделить достижение вначале рациональной, а затем полной, эффективной занятости; г) осуществляется на различных уровнях: национальном, региональном, и локальном. Все уровни объединены единой концепцией (моделью) занятости, отражающей принятый тип рыночного развития.

2. Выяснение содержания занятости, ее целей, инструментов и их соотношения, воздействия различных форм и методов федеральной, региональной, локальной (муниципальной) политики на занятость населения даёт возможность в дальнейшем обосновать выбор типа политики занятости населения в современный период, когда происходят быстрые (и не всегда позитивные) количественные и качественные изменения в сфере отношений занятости. В целом, считаем мы, для России сегодня необходима особая политика занятости. Эта политика,

несомненно, должна учитывать как общие закономерности и теоретические модели экономического развития, так и особенные условия, в которых находится российская экономика.

Литература

1. Аллагулов Р.Х. К вопросу о полной и эффективной занятости // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 1. С. 52–56.
2. Аллагулов Р.Х., Аллагулов А.Р. О значении исследования отношений занятости в современных условиях и «широте» ее трактовок // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 4. С. 116–119.
3. Аллагулов Р.Х., Аллагулов А.Р. Занятость как социально-экономическая категория: методологические аспекты исследования // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 5. С. 130–134.
4. Габитов И.М. Воспроизводство рабочей силы и проблемы рождаемости / В сб.: Демографические чтения. Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов. Уфа, 2020. С. 30–33.
5. Кузяшев А.Н., Лупу О.Н., Белугина Д.С. Некоторые аспекты современной социальной политики // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 211–215.
6. Нур Р.Х., Артемова Д.А., Кузяшев А.Н. Безработица как одна из ключевых проблем России // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-2. С. 15–18.
7. Междисциплинарные аспекты методологии экономических исследований / Под науч. Ред. Г.М. Россинской. Уфа, 2019. 328 с.
8. Механизм трансформации социально-экономических процессов: междисциплинарный подход / Под ред. К.Е. Гришина, Н.А. Кузьминых. М., 2021. Т. I. 186 с.
9. Механизм трансформации социально-экономических процессов: междисциплинарный подход. Под ред. К.Е. Гришина, Н.А. Кузьминых. Москва, 2021. Том II. 216 с.
10. Проблемы и стратегические приоритеты социально-экономического развития Республики Башкортостан / Под ред. К.Е. Гришина, Н.А. Кузьминых. Монография, посвящ. 30-летию Института экономики, финансов и бизнеса ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». Уфа, 2018. 388 с.
11. Рациональная занятость [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/18060>
12. Шарафуллина Р.Р. Институциональные преобразования в сфере социальной политики и занятости в условиях цифровизации / В сб. «Демографические чтения. Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов». Уфа, 2020. С. 267–269.

DOI: [10.34773/EU.2022.4.24](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.24)

Расширение цифровых навыков как фактор снижения риска бедности

Expanding Digital Skills as a Poverty Risk Reduction Factor

З. ИБРАГИМОВА

Ибрагимова Зульфия Фануровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: badertdinova@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы доступа к информационным технологиям различных групп населения и наличия у них цифровых навыков. Показаны особенности цифрового разрыва, проявляющегося между отдельными социальными группами на трёх уровнях. Обосновано, что наименее обеспеченные группы остаются в стороне от возможностей, которые предоставляет цифровая экономика. Обсуждаются вопросы формирования цифровых навыков у низкодоходных групп населения, в том числе в контексте пандемии и других негативных факторов, представлены основные выводы.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровые навыки, бедные, Интернет, персональные компьютеры, смартфоны.

The article discusses the problems of access to information technologies of various groups of the population and their availability of digital skills. The features of the digital divide that manifests itself between individual social groups at three levels are shown. It is proved that the least affluent groups remain aloof from the opportunities provided by the digital economy. The issues of formation of digital skills in low-income groups of the population are discussed, including in the context of the pandemic and other negative factors, the main conclusions are presented.

Keywords: digital divide, digital skills, poor, internet, personal computers, smartphones.

Основные положения:

- для достижения успеха в цифровой экономике необходимо совершенствовать как базовые, так и продвинутые цифровые навыки;
- существует тесная взаимосвязь между развитием цифровых навыков и рабочими местами, поэтому они должны рассматриваться комплексно, в рамках целостного подхода;
- лица с более высоким социально-экономическим статусом используют информационные технологии более продуктивно и получают от них больший экономический эффект, чем индивиды с более низким статусом;
- современная система образования должна гарантировать приобретение минимального уровня цифровых навыков всеми гражданами, особенно самыми бедными и маргинализированными.

Введение

Цифровые технологии сегодня стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей. С момента начала широкого применения компьютеров в 1950-х гг. произошли кардинальные сдвиги в формировании человеческого капитала. В современном обществе человеческий капитал должен накапливать и реализовывать новые компетенции, включая как технические навыки, необходимые для взаимодействия с машинами, так и коммуникативные навыки, необходимые для формирования отношений в виртуальном пространстве.

В целом, с одной стороны, использование цифровых технологий становится критерием успешности и предопределяет благосостояние населения. С другой стороны, низкий уровень благосостояния является барьером в приобретении цифровых навыков. В целом, цифровая экономика приносит с собой ряд возможностей, а также новые вызовы и правила игры для индивидов. При цифровой трансформации положение индивидов во многом зависит от их способности адаптироваться к новым условиям [4, 16].

Методы

Вопросы формирования и проявления цифрового разрыва на разных уровнях рассмотрены через призму междисциплинарного подхода, включающего анализ не только сложившихся тенденций доступа к цифровым технологиям, но и наличия цифровых навыков у разных групп населения. В рамках сравнительного анализа были использованы следующие общенаучные методы: системный подход, аргументация, анализ, описательный и логический методы.

Результаты и обсуждение

Эксперты давно используют термин «цифровое неравенство» или «цифровой разрыв» для характеристики неравного доступа «... к компьютерам, информации, Интернету и телекоммуникациям на глобальном, региональном, национальном и местном уровне, который также включает неравный доступ к возможностям трудоустройства, ресурсам и обучению» [13]. Цифровое неравенство является сложной и многогранной проблемой, множественные аспекты которой не всегда явно выделены. Например, в [8] автор разграничил два аспекта: технический аспект, который относится к доступности инфраструктуры, аппаратного и программного обеспечения, т.е. физическую доступность технологии, и социальный аспект, относящийся к профессиональным знаниям и техническим навыкам, необходимым для извлечения выгоды из информационных технологий. В [11] автор указал на различия на трех уровнях: глобальный

разрыв, который охватывает различия между промышленно развитыми и менее развитыми странами; социальное расслоение, характеризующее поляризацию населения внутри одной страны; демократический разрыв, который относится к различиям между теми, кто использует и не использует цифровые технологии для участия в общественной жизни. В [9] авторы утверждают, что цифровой разрыв следует описывать как четыре различных разрыва: разрыв в доступе, разрыв в навыках, разрыв в экономических возможностях и разрыв в демократии. Еще в одной работе [5] авторы предложили пять аспектов, по которым могут существовать различия:

1. технические средства (программное обеспечение, оборудование, качество связи);
2. автономия использования (место доступа, свобода использования среды для предпочтительной деятельности);
3. паттерны использования (типы использования Интернета);
4. сети социальной поддержки (наличие других пользователей, к которым можно обратиться за помощью, размер сетей для поощрения использования);
5. мастерство (способность эффективно использовать среду).

Таким образом, ученые предложили уточненное понимание цифрового разрыва, предполагая, что имеются разные уровни, на которых существуют такие разрывы. Принято выделять три уровня «цифрового разрыва»: разрыв первого уровня означает неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям, разрыв второго уровня означает дифференциацию навыков использования информационно-коммуникационных технологий, разрыв третьего уровня – это неравенство возможностей, открывающихся при использовании информационно-коммуникационных технологий.

Вследствие дороговизны персональных компьютеров и отсутствия подключения к сети Интернет жители многих стран остаются в стороне от возможностей, которые предоставляет цифровая экономика. Например, по данным Всемирного банка [14], в Афганистане только около 6% граждан могут пользоваться компьютером, и только 9,4% являются пользователями социальных сетей. В Бангладеш только около 8% населения используют компьютеры или аналогичные устройства, и только четверть из них может выполнять задачи на основном офисном программном обеспечении (например, электронные таблицы, презентации). Аналогичная ситуация и в Пакистане, где лишь около 8% лиц (10 лет и старше) сообщают об использовании компьютера, ноутбука или планшета за последние три месяца. В Индии только 42,6% женщин когда-либо пользовались Интернетом (по сравнению с 62,2% мужчин).

С появлением недорогих мобильных устройств и разнообразных приложений возможности бедных существенно расширяются. Сегодня все больше и больше бедных могут позволить себе покупку смартфонов, предоставляющие круглосуточный и неограниченный доступ в Интернет. Согласно данным Всемирного банка, пять миллиардов из шести миллиардов мобильных телефонов во всем мире находятся в развивающихся странах. В последнее десятилетие наблюдается значительное снижение стоимости смартфонов, что несомненно благотворно влияет на сокращение разрыва первого уровня. Например, телефон Gongkai из Китая стоит 12 долларов США и имеет четыре диапазона [16].

Внедрение мобильной телефонной связи в развивающихся странах приносит большие перемены и возможности для бедного населения. Например, распространение «мобильных» денег в Кении способствовало снижению уровня бедности, увеличению сбережений, переходу женщин для работы из сельского хозяйства в сферу бизнеса и розничной торговли [15]. Технологическая платформа Aadhaar, основанная на биометрической идентификации, открыла малоимущим в Индии доступ к кредитам [12]. В Малави и в Западной Африке фермеры с помощью мобильных телефонов своевременно узнают о болезнях сельскохозяйственных культур и текущих ценах, по которым продается урожай на рынке, а также получают предупреждение о надвигающихся опасных погодных явлениях, которые могут угрожать их урожаю или их домам [7]. В Кении используется приложение для смартфонов, которое может выявлять определенные заболевания одной из самых важных продовольственных культур страны, маниока, на несколько дней раньше, чем сами фермеры смогут определить «на глаз» [7]. Это всего лишь несколько

примеров роли, которую информационные технологии могут играть в решении проблем бедных, предоставляя им широкие возможности для улучшения жизни. И таких примеров можно привести множество.

Среди экспертов все чаще встречаются высказывания о том, что доступ в Интернет с помощью мобильного телефона является более ограниченной формой по сравнению с доступом через персональный компьютер. Например, в [10] показано, что мобильный доступ в Интернет представляет собой низшую форму доступа в Интернет по ряду параметров — доступность контента, открытость платформы и сети, скорость, объем памяти и функциональность интерфейса. Кроме того, автор утверждает, что эти различия пагубно влияют на способности пользователей заниматься поиском информации и созданием контента, а также развивать широкий спектр цифровых навыков.

Исследователи отмечают, что бедные для выхода в Интернет используют только мобильные телефоны в отличие от более обеспеченных граждан, которые могут воспользоваться и персональным компьютером. Последние сначала получают доступ в Интернет с помощью компьютера, а уже когда приобретают необходимые навыки работы, начинают пользоваться для выхода в Интернет смартфоном, или же пользуются и смартфоном, и персональным компьютером одновременно. Например, авторы в [6] находят убедительные доказательства того, что те индивиды, у которых имеется доступ в Интернет через персональный компьютер, с большей вероятностью будут обладать более высоким уровнем онлайн-навыков и использовать более широкий спектр функций мобильного телефона. Основываясь на этих выводах, они выказывают обеспокоенность тем, что использование индивидами устройств с различными функциональными возможностями усугубит существующий цифровой разрыв. В целом, авторы приходят к мнению, что мобильные устройства, по-видимому, дополняют традиционный доступ к Интернету, а не заменяют его [6]. В целом, следует согласиться с тем, что «...быстрое развитие технологий мобильной связи создает новые возможности для людей быть на связи и получать информацию, однако это также создает новые проблемы для тех, у кого более низкий уровень владения технологиями, и это может негативно сказаться на способности человека максимизировать преимущества технологий мобильной связи».

Очевидно, что уровень социально-экономического неравенства определяет глубину цифрового разрыва. С нашей точки зрения, цифровой разрыв первого уровня может быть преодолен при соответствующей политике государства и на сегодняшний день не представляет серьезной угрозы. Цифровой разрыв второго уровня относится к пробелам в соответствующих наборах навыков использования технологий, которые могут сохраняться даже после устранения различий в доступе к технологиям. В исследовании [17] показано, что «малообеспеченные молодые люди использовали гораздо более узкий диапазон возможностей своих смартфонов, чем люди с более высоким социально-экономическим статусом, в основном из-за отсутствия соответствующих компетенций». Поэтому для сокращения цифрового разрыва второго и третьего уровней необходимо создание системы для обучения бедных в соответствии с требованиями цифровой экономики.

Глобальная пандемия Covid-19 углубила цифровой разрыв [1] и продемонстрировала всю важность и необходимость формирования цифровых навыков у населения. Многомесячная изоляция во многих странах способствовала переходу из физического мира в виртуальную среду. Этот ускоренный переход к цифровым технологиям выявил проблемы, которые все еще не решены: в частности, речь идет о наличии в домашних хозяйствах персональных компьютеров, подсоединенных к глобальной сети Интернет, а также о цифровых навыках, необходимых для эффективного участия в онлайн-мире, особенно для бедных слоев. Во время пандемии сфера образования впервые столкнулась с масштабным дистанционным обучением и онлайн-обучением как единственным способом продолжения образования. В этот период дети из бедных семей не смогли получить качественного образования из-за недостаточного или дорогостоящего доступа в Интернет, отсутствия компьютеров или ноутбуков, а также отсутствия средств и возможностей для дистанционного обучения. Кроме того, во время изоляции многие организации перешли на

удаленную работу. Однако удаленная работа также сопряжена с проблемами, связанными с наличием оборудованием и навыками работы в цифровой среде.

Как мы уже отмечали, «в цифровой экономике меняется характер работы» [2], т.е. потребности в навыках развиваются в соответствии с новыми технологиями. Такие изменения представляют собой не только проблему для бедных, но и дают возможность трудоустройства, и в этом контексте развитие творческих и нестандартных навыков, требуемых новыми технологиями, может стать важным фактором, способствующим успешной адаптации. Это указывает на необходимость разработки специальных мер по развитию у бедных цифровых навыков с целью сокращения цифрового разрыва второго уровня.

Реализация комплексного подхода к решению этой проблемы может начаться с включения цифровых навыков в национальные стратегии, а также с запуска программ для обучения квалифицированной цифровой рабочей силы в соответствии с требованиями цифровой экономики.

Цифровые навыки и обучение могут быть включены в систему школьного образования с помощью подключения к Интернету и оснащения современными цифровыми устройствами. Специальное обучение для женщин и пожилых людей также будет способствовать сокращению «цифрового разрыва».

Кроме того, «для всестороннего развития индивида необходимы внешние условия, обеспечивающие его комфортное существование в социуме, т.е. должен быть обеспечен высокий уровень благосостояния. Увеличение доходов будет способствовать заинтересованности работника, и это приведет к дальнейшему инвестированию в человеческий капитал». Универсальный базовый доход [3] может стать эффективным финансовым инструментом, обеспечивающим бедным минимальный уровень социальной защиты и вследствие этого позволяющий сконцентрироваться на получении новых навыков.

Заключение

Таким образом, цифровизация экономики характеризуется возросшим спросом на высококвалифицированную рабочую силу. В этой ситуации расширение цифровых навыков малообеспеченных слоев может стать ключевым фактором снижения бедности, способствуя расширению их возможностей.

Литература

1. Ибрагимова З.Ф. Неравенство и пандемия Covid-19: вопросы взаимосвязи // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 6. С. 19–23. DOI: 10.34773/EU.2021.6.2
2. Ибрагимова З.Ф. О двойственном характере влияния информационных технологий на социально-экономическое неравенство // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 1. С. 48–49.
3. Ибрагимова З.Ф. Роль универсального базового дохода в смягчении негативных последствий цифровизации экономики // Уфимский гуманитарный научный форум. 2020. № 2. С. 32–36. DOI: 10.47309/2713-2358_2020_2_32
4. Ибрагимова З.Ф., Ишмухаметов Н.С., Россинская Г.М. Цифровизация и домохозяйства: неравенство возможностей и дифференциация состояния // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 1. С. 14–18. DOI: 10.34773/EU.2020.1.3
5. DiMaggio P., Hargittai E. From the «digital divide» to «digital inequality»: Studying Internet use as penetration increases. Princeton University Center for Arts and Cultural Policy Studies, Working Paper Series, 2001.
6. Hargittai E., Kim S.J. The prevalence of Smartphone use among a wired group of young adults. Institute for Policy Research Northwestern University, Working Paper Series, 2010.
7. Jacob D. Farmers using mobile phones in the fight against poverty and hunger across Africa [Electronic resource]. URL: <https://developmenteducation.ie/blog/2018/10/12/farmers-using-mobile-phone-in-the-fight-against-poverty-and-hunger-across-africa/>

8. Kling R. Technological and Social Access on Computing, Information and Communication Technologies. White Paper for Presidential Advisory Committee on High-Performance Computing and Communications, Information Technology, and the Next Generation Internet, 1998.
9. Mossberger K., Tolbert C.J., Stansbury M. Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide. Washington, DC: Georgetown University Press, 2003. 192 pp.
10. Napoli P.M., Obar J.A. The Emerging Mobile Internet Underclass: A Critique of Mobile Internet Access // The Information Society. 2014. Vol. 30. Iss. 5. Pp. 323–334. DOI: 10.1080/01972243.2014.944726
11. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet in Democratic Societies. New York: Cambridge University Press, 2001.
12. Not just loans, SmartCoin brings financial health to low-income Indians [Electronic resource]. URL: <https://medium.com/accion/not-just-loans-smartcoin-brings-financial-health-to-low-income-indians-ec22a161fe64>
13. Oxford Reference: overview «digital divide» [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803095718186>
14. South Asia's Digital Economy: An Opportunity to Build Back Better, Digitally. Washington, World Bank, 2022.
15. Study: Mobile-money services lift Kenyans out of poverty [Electronic resource]. URL: <http://news.mit.edu/2016/mobile-money-kenyans-out-poverty-1208>
16. The Role of Mobile Devices in Fighting Poverty [Electronic resource]. URL: <https://blogs.worldbank.org/digital-development/role-mobile-devices-fighting-poverty>
17. Wijetunga D. The Digital Divide Objectified in the Design: Use of the Mobile Telephone by Underprivileged Youth in Sri Lanka // Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. Vol. 19. Iss. 3. Pp. 712–726. DOI: 10.1111/jcc4.12071

DOI: [10.34773/EU.2022.4.25](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.25)

Институциональные факторы существования бедности Institutional Factors for the Existence of Poverty

В. АДЫЛГАРЕЕВ

Адылгареев Вадим Ильдусович, аспирант кафедры экономики и регионального развития Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: adyilgareevvi@mail.ru

В статье исследована бедность с позиции институционального подхода. Бедность в данном контексте рассматривается не как результат воздействия какого-либо одного фактора, а результата взаимодействия ряда факторов в их совокупности. Также дополнительно проведено исследование в части анализа влияния бедности на образ жизни человека.

Ключевые слова: доходы населения, бедность, институт, методы.

The article examines poverty from the perspective of an institutional approach. Poverty in this context is considered not as a result of the impact of any one factor, but the result of the interaction of a number of factors in their totality. Additionally, a study was conducted to analyze the impact of poverty on a person's lifestyle.

Key words: income of the population, poverty, institution, methods.

Основные положения

1. Бедность есть результат взаимодействия комплекса институциональных факторов.
2. Причины низкого уровня доходов следует искать не только во внешних факторах, но и в самом образе жизни индивидов.
3. Повышение уровня доходов необходимо обеспечить комплексом мер.

Введение

Проблема существования бедности имеет важное значение как для отдельного государства, так и в глобальном плане для всего мира. Бедность в современном мире уже давно стала устойчивой и неотъемлемой частью нашей жизни. Последствия высокого уровня бедности очевидны: стагнация экономики, увеличение числа кризисных ситуаций, ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки и т.д.

Важность сокращения количества бедного населения в мире является неоспоримым постулатом. Многие международные сообщества и организации уже обозначили решение данной проблемы одной из своих приоритетных задач.

Все же, если изначально пути разрешения данной ситуации сводились к необходимости дополнительного финансирования, то многочисленные проведенные исследования показали необходимость поиска дополнительных альтернатив.

Стало очевидно, что рост количества бедного населения является не просто результатом влияния отдельного адресного воздействия, а сочетания различных институциональных факторов. Соответственно, для выработки целенаправленных и оптимальных решений проблемы бедности необходимо произвести комплексную оценку явления и выявить его первопричины.

Проблемой исследования институциональных основ бедности занимались многие ответственные ученые-экономисты – такие, как О. Белокрылова, Л. Шаховская, В. Вольчик и др.

Цель данной работы – проанализировать институциональные причины возникновения бедности, а также оценить степень воздействия самой бедности на образ жизни человека.

Методы

При подготовке данной статьи были применены такие общенаучные методы, как анализ, опрос, систематизация. Статистической основой для исследования послужили данные Росстата, а также проведенный автором опрос респондентов.

Результаты и обсуждение

В рамках исследования институциональных причин образования бедности последняя рассматривается не только как положение индивида при недостатке денежных средств, но и как состояние, не соответствующее принятым в обществе стандартам.

Для немонетарного подхода одним из важнейших институциональных факторов, на наш взгляд, является **воздействие средств массовой информации**. Примером такого влияния служит излишняя фокусировка СМИ на конкретном слое населения, например, на так называемых «звездах»: их образе жизни, местах отдыха, одежде, автомобилях, доходах и т.д. Соответственно, ряд профессий становится непрестижным, многие важные в современном мире специальности вытесняются пропагандируемыми. Представители молодого поколения чаще стремятся стать блогерами, артистами, спортсменами, политиками. Происходит подмена ценностей, когда на первый план выходит не желание развить свои профессиональные качества, а иметь более высокие доходы или долю медийности. Очевидно, что это приводит, с одной стороны, к нехватке квалифицированных кадров, а с другой – к дополнительным психологическим расстройствам индивидов, связанным с недостигнутыми целями. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2019 году почти 1 млрд человек страдал психическими расстройствами. В отчете World mental health report: transforming mental health for all за 2022 год отмечено, что странам с высокой поляризацией доходов свойственна высокая степень распространения депрессии, расстройств, шизофрении среди населения. Социально-экономическое неравенство является одной из глобальных угроз для психического здоровья человека.

Рассмотрим факторы, влияющие непосредственно на уровень доходов населения. В первых, это **политический фактор**.

По мнению менеджера по глобальной практике в области сельского хозяйства и продовольствия группы Всемирного банка Джулиана Ламплетти, одной из глобальных проблем в скором времени станет нехватка продовольствия и рост цен на продукты, что приведет к

увеличению количества бедного населения. Только по сравнению с прошлым годом цены на кукурузу выросли на 55 %, а на пшеницу – на 91 %. При этом на Россию и Украину приходится 15 % всей выращиваемой пшеницы, а доля экспорта составляет 30 % для пшеницы и 60 % для подсолнечного масла.

Международная организация ЮНИСЕФ призвала страны «большой семерки» выделить дополнительно 1,2 млрд долларов на спасение от голода миллионов детей. Статистика такова, что в мире сейчас каждую минуту появляется еще один истощенный от голода ребенок.

В России, согласно статистическим данным Росстата, в 2021 году численность населения с доходами ниже границы бедности составила 16,1 млн человек или 11,0 %. Граница бедности соответствует величине прожиточного минимума и равнялась 11 908 руб. В I квартале 2022 года количество бедного населения выросло до 20,9 млн человек или до 14,3 %.

Следующим фактором, влияющим на увеличение доли бедного населения, является **социальный фактор**, проявление которого выражается в следующем.

Во-первых, несовершенство системы социального обеспечения затрудняет получение льгот и выплат представителями наиболее уязвимых слоев населения. Проведенный компаниями «Росгосстрах» и «Росгосстрах Жизнь» опрос показал, что 57 % респондентов не пользуются никакими мерами социальной поддержки. При этом каждый третий россиянин (33 %) не обращается за положенными льготами, вычетами просто потому, что не знает об их существовании. Следует отметить, что правительством РФ в 2019 году были внесены поправки в Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» в части возможности получения гражданином полной информации о положенных ему льготах. Также с 11 мая 2021 года начали действовать поправки к вышеуказанному закону, касающиеся возможности назначения и предоставления мер социальной поддержки гражданам в беззаявительном порядке.

Во-вторых, низкий установленный уровень прожиточного минимума. На 01 июня 2022 года величина прожиточного минимума была в очередной раз проиндексирована согласно Постановлению Правительства РФ от 28.05.2022 г. № 973 и составила 13 919 рублей. Несмотря на ежегодное повышение прожиточного минимума, его значение недостаточно для комфортного существования человека и обеспечивает лишь его выживание, ввиду того, что одновременно происходит повышение цен на основные товары и услуги (за последние 10 лет цена на некоторые из них выросла более чем в 2 раза).

В-третьих, отсутствие оптимальной системы прогрессивного налогообложения. Например, в ряде европейских стран налоговая ставка находится в диапазоне от 0 до 45 %, причем наиболее уязвимые слои населения освобождены от уплаты налогов. В России же налоговая ставка до 2021 года была одинакова для всех категорий граждан и равнялась 13 %. Федеральный закон от 23.11.2020 года № 372-ФЗ внес поправки в систему налогообложения для лиц, чей доход превышает 5 млн в год. В этом случае индивиды должны заплатить 13 % с дохода 5 млн рублей и 15 % – с оставшейся части.

Еще один фактор, замедляющий рост доходов российских граждан – **исторический**. Только за последние 100 с небольшим лет Россия была втянута в многочисленные войны: русско-японскую, Первую мировую, советско-финскую, Великую Отечественную, войны в Афганистане и Чечне и др. Многие вооруженные конфликты происходили на территории РФ, что приводило к очередному экономическому кризису, росту военных затрат, безработице и т.д. Соответственно, в периоды кризисных ситуаций в стране деятельность человека более ориентирована на удовлетворение самых минимальных физиологических потребностей и потребностей в безопасности.

Также немаловажным является **правовой фактор**. Следствиями несовершенства правовой системы государства являются:

- наличие теневой экономики;
- отсутствие конкуренции, рост монополий и олигополий;
- нереализуемость на практике принципа равенства всех перед законом;

- лоббирование интересов определенных лиц;
- принятие законов и внесение поправок в них под конкретных людей и т.д.

Доля теневой (или ненаблюдаемой) экономики, по данным Росстата, составила в 2019 году 11,6 % от ВВП. Причем 4 % составили теневые операции по уклонению от уплаты налогов. Существуют также сферы, которым наиболее присущи сомнительные операции. Подобные исследования проводит ряд коммерческих банков и Банк России. На рисунке приведена диаграмма, на которой указано распределение долей различных отраслей в теневом бизнесе в 2021 году.

Следующий фактор можно назвать **традиционным**, так как он проистекает из традиций и обычаев. Если обратиться к русскому фольклору, то можно сделать вывод, что богатство испокон веков воспринималось как порок и ассоциировалось с жадностью, злобой, хитростью и т.д. Считалось, что честный человек своим трудом разбогатеть не может.

Итак, как было замечено ранее, бедность формируется под действием различных институциональных факторов, причем приведенный выше перечень не является полным и окончательным.

Кроме исследования институциональных основ бедности, небезынтесным, на наш взгляд, является поиск ответа на вопрос о том, оказывает ли сама бедность влияние на образ жизни людей. Для решения данной задачи было проведено дополнительное исследование – опрос респондентов. Анкетирование производилось по следующим категориям:

- 1) уровень дохода;
- 2) количество откладываемых с дохода денежных средств;
- 3) частота употребления спиртных напитков;
- 4) количество времени, проводимого в социальных сетях.

Результаты опроса сведены в таблицу.

Результаты опроса респондентов

Параметр	Значение					
	12 тыс. руб. и менее	12–25 тыс. руб.	25–50 тыс. руб.	50–100 тыс. руб.	свыше 100 тыс. руб.	-
уровень дохода	44,6 %	21,1 %	13,0 %	12,5 %	8,8 %	-
	0 %	0–10 %	10–20 %	20–30 %	30–40 %	свыше 40 %
количество откладываемых денежных средств с дохода	62,6 %	10,0 %	7,9 %	4,4 %	2,8 %	12,3 %
	ежедневно	несколько раз в неделю	несколько раз в месяц	несколько раз в год	не употребляю совсем	–
частота употребления спиртных напитков	8,5 %	5,4 %	11,5 %	34,6 %	40,0 %	–
	менее 1 часа	1–2 часа	2–3 часа	3–4 часа	более 4 часа	–
количество времени, проводимого в социальных сетях	27,2 %	18,2 %	16,1 %	20,6 %	18,0 %	–

Выводы, которые можно сделать, исходя из проведенного исследования:

- 1) за границей бедности в России находится чуть менее половины опрошенного населения;
- 2) большая часть людей не откладывает денежные средства с дохода;
- 3) 74,6 % опрошенных респондентов или не употребляют спиртные напитки, или делают это несколько раз в год;
- 4) около половины населения проводит ежедневно в социальных сетях более двух часов.

Также можно резюмировать, что большая часть опрошенных респондентов находится за чертой бедности, соответственно, получаемые ими доходы не позволяют производить накопление. При этом опровергнуто предположение о прямой пропорциональности низкого уровня доходов и злоупотреблении спиртными напитками.

Заключение

Бедность является важной проблемой современного общества. Проведенный анализ показал большое количество существующих институциональных факторов, влияющих на уровень доходов населения. Кроме того, дополнительно проведенное исследование выявило расхождение в сведениях органов государственной статистики и данных опроса. Это говорит о необходимости более детального изучения проблемы бедности, а также комплексного анализа как первопричин ее возникновения, так и оценки уровня ее распространения в РФ.

Литература

1. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.05.2022) «О государственной социальной помощи» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/a3307a5078f04e69b3eec39bff9ac78d6b2a3450/
2. Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 г. № 973 «Об особенностях исчисления и установления в 2022 году минимального размера оплаты труда, величины прожиточного минимума, социальной доплаты к пенсии, а также об утверждении коэффициента индексации (дополнительного увеличения) размера фиксированной выплаты к страховой пенсии, коэффициента дополнительного увеличения стоимости одного пенсионного коэффициента и коэффициента дополнительной индексации пенсий, предусмотренных абзацами четвертым–шестым пункта 1 статьи 25 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417976/
3. Шаховская Л.С., Климова К.О. Институционализация бедности в России: можно ли остановить этот процесс? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 3. С. 67–78.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
5. Why Is the World Facing a Food Crisis? | The Development Podcast [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/podcast/2022/06/10/world-food-crisis-security-hunger-supply-chains-war-ukraine-development-podcast>
6. World mental health report: Transforming mental health for all [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240049338>
7. ЮНИСЕФ: каждую минуту в мире появляется еще один истощенный от голода ребенок [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426422>
8. Теневой бизнес в 2021 году: рекомендации для бизнеса [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/tenevoj-biznes-rossii-v-2021-riski-i-posledstviya-dlya-ekonomiki
9. Россияне назвали причины, по которым не обращаются за льготами и вычетами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2021/615d76399a7947cee563d572>

Сравнительная оценка результативности деятельности ведущих университетов Республики Башкортостан

Comparative Evaluation of the Performance of the Leading Universities of the Republic of Bashkortostan

В. ТИМИРЬЯНОВА, А. СТОЛЬ

Тимирьянова Венера Маратовна, д-р экон. наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: 79174073127@mail.ru
Столь Анна Викторовна, канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: stolav@isi-rb.ru

В статье приводятся данные по результативности деятельности пяти ведущих университетов Республики Башкортостан за период 2017–2020 гг. на основе анализа фактических и плановых значений целевых параметров развития вузов, представленных в программах их развития на рассматриваемый период. Выявлено, что по факту достижения планируемых значений результативным можно считать только один вуз – Уфимский государственный нефтяной технический университет. Остальные вузы региона не сумели достичь плановых значений программных индикаторов развития.

Ключевые слова: вуз, мониторинг, НИОКР, профессорско-преподавательский состав, публикационная активность, эффективность, результативность.

The article presents data on the performance of five universities of the Republic of Bashkortostan for the period 2017-2020 based on the analysis of actual and planned indicators of the observed development of universities, presented in their development programs for the proposed period. It was revealed that only one university – USPTU, can be considered an effective university in terms of the achievement of measurement results. The rest of the universities in the region do not have a wide coverage of planned indicators of program development indicators.

Key words: university, monitoring, research and development, teaching staff, publication activity, efficiency, effectiveness.

Введение

Тема эффективности управления в сфере образования, эффективности использования бюджетных ресурсов в сфере услуг в целом является весьма сложной, поскольку в настоящее время отсутствуют общепринятые методы оценки результата, его качества и соотношения с вложенными усилиями и ресурсами, затрачиваемыми при предоставлении таких услуг. Н.С. Беляков и С.А. Беляков отмечают, что «Зарубежные авторы указывают на двойственность содержания понятия эффективности как аналога коэффициента полезного действия в технике (efficiency) и состояния полного достижения поставленных целей (effectiveness). Проводимые исследования направлены на формирование научной базы реформирования системы образования для повышения ее производственной эффективности (production efficiency), соотносящей входные параметры (время и ресурсы) с образовательным процессом для получения желаемого результата» [1]. В ряде работ [17, 16, 18, 13] проводится сравнительный анализ понятий «результативность» и «эффективность». Результативность в стандартах ГОСТ и ИСО, и в стандарте финансового контроля [17] означает степень достижения планируемых результатов, а эффективность – соотношение результатов с затраченными для их достижения ресурсами.

Во многих нормативных актах (в частности, в Федеральном законе от 31.07.2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской

* Работа выполнена в рамках государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» на 2022 г.

Федерации» (в редакции Федеральных законов от 11.06.2021 № 170-ФЗ, от 02.07.2021 № 359-ФЗ, от 06.12.2021 № 408-ФЗ) [14], в региональных, муниципальных программах, в оценках выполнения муниципальных заданий) результативность и эффективность не различаются: два понятия используются одновременно без уточнения терминологических отличий. В Постановлении Правительства РФ от 17.07.2019 № 903 (ред. от 02.11.2021) «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [3] эффективность государственных программ включает в себя оценку достижения целевых показателей, кассовое исполнение мероприятий и само проведение мероприятий (наступление контрольных событий), анализ деятельности исполнителей. Таким образом, в данном подходе оценки эффективности в основе лежит результативность, соотношение результата и ресурсов не определяется.

Сложность оценки эффективности образовательной деятельности заключается в том, что образование представляет собой процесс, а это наделяет его признаками услуги, но по итогам завершения этого процесса покупатель получает результат в виде готовности выполнять определенные трудовые функции, результат в виде получения определенного дохода за профессиональную деятельность, результат в виде социализации, изменения мировоззрения, наличия социального капитала и т.д. При этом государство как участник и организатор системы высшего образования, а часто и как заказчик (если обучение происходит за счет бюджета) получает результат в виде трудовых ресурсов, востребованных в экономике страны и способных обеспечить себя получаемым доходом.

Для управленческих целей была разработана система мониторинга показателей деятельности организаций для системы высшего и среднего специального образования, описывающая финансирование, инфраструктуру и научные результаты организаций, а также контингент обучающихся. Эта система содержит в названии понятие «эффективность», однако, строго говоря, единого сводного показателя эффективности в ней нет. Минобрнауки проводит мониторинг вузов по 126 показателям, итоги публикуются на странице: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>. Для оценки эффективности деятельности в системе СПО проводится мониторинг качества подготовки кадров по 112 показателям, итоги публикуются здесь: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo>.

Целью данной работы является оценка эффективности деятельности ведущих вузов Республики Башкортостан, вошедших в Программу «Приоритет – 2030», в систему научно-образовательного центра (НОЦ) региона, в терминах результативности, то есть достижения тех параметров развития, которые вузы сами перед собой ставили. Понятие и методы оценки эффективности системы образования и вузов, в частности, путем соотнесения результатов с ресурсами, затраченными для их достижения, выносим за рамки данного исследования и планируем рассмотреть в будущих исследованиях.

В Республике Башкортостан был создан научно-образовательный центр (НОЦ), в который вошли, помимо научных организаций, и шесть организаций высшего образования Республики Башкортостан, которые являются участниками Евразийского НОЦ мирового уровня: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (БашГУ), ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ), ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (УГАТУ), ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет» (БГАУ), ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (БГПУ), ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет» (БГМУ).

Методы и данные

В данной работе использован сравнительный метод исследования – сбор данных о плановых и фактических показателях стратегий развития вузов Республики Башкортостан за

2018–2020 гг.: БашГУ, УГАТУ, УГНТУ, БГАУ и БГПУ. На сайте БГМУ не представлены программы развития вуза на период, включающий в себя отчетные 2018–2020 гг., в результате чего этот вуз был исключен из анализа.

Далее проводится анализ результативности реализации стратегий развития 5 вузов Республики Башкортостан по нескольким показателям их деятельности: БашГУ, УГНТУ, УГАТУ, БГАУ и БГПУ.

Гипотезой исследования является 100%-ное выполнение большинства планируемых значений показателей, так как мы полагаем, что вузы максимально учитывали и адекватно оценивали обстоятельства, свои ресурсы и возможности, а также тенденции на региональном рынке образования.

Невыполнение планов может свидетельствовать как о некачественном планировании со стороны вузов (когда за ориентир были взяты завышенные обязательства), так и о некачественном управлении и неумении организовать работу для выполнения программ развития. Еще одним фактором, снижающим ценность анализа по параметрам, заложенным в планы вузов и в мониторинг, является то, что непосредственно образовательная деятельность, сложная для оценивания, и имеющая приоритет (так как ради нее, собственно, вузы и создаются), описывается лишь 12 показателями, что составляет лишь одну десятую от общего количества показателей мониторинга. В результате вузы оказываются в сложной ситуации: с одной стороны, необходимо обеспечить образовательный процесс, с другой стороны – не ухудшить показатели мониторинга, следствием чего может стать потеря бюджетных мест, а, значит, и перспектив финансирования, и самого существования вузов. В итоге декларируемые результаты зачастую выпадают из приоритетов преподавателей, занятых аудиторной нагрузкой, вузы не могут обеспечить им условия полноценной научной и исследовательской работы, итоги которой представлены в мониторинге.

В открытом доступе (на сайтах вузов) имеются Программы развития образовательных организаций высшего образования РБ:

- Программа развития БашГУ на 2017–2021 гг. (принята в 2017 г.) [4];
- Программа развития БашГУ на 2021–2030 (и УГАТУ – «Приоритет – 2030», принята в 2021 г.) [5];
- Программа развития опорного университета УГНТУ (принята в 2016 г.) [6];
- Программа развития УГНТУ на 2021–2030 гг. (принята в 2020 г.) [7];
- Проект программы развития УГНТУ «Приоритет–2030» (принят в 2021 г.) [11];
- Программа развития УГАТУ на 2017–2021 гг. (принята в 2017 г.) [8];
- Программа развития БГАУ до 2025 г. (принята в 2017 г.) [9];
- Программа развития БГПУ на 2019–2023 (принята в 2018 г.) [10].

Итоги факта достижения целевых показателей сопоставляются с планом из программ развития на основе отчетных данных вузов. Фактические данные взяты из информационно-аналитической системы «Мониторинг» Минобрнауки РФ, где представлены согласно Приказу Минобрнауки РФ № 544 от 30.07.2019 (<https://monitoring.miccedu.ru>) [15]. Плановые данные взяты из программ развития вузов, представленных на сайтах вузов. Был проведен анализ по итогам мониторинга вузов РБ за 2017–2020 гг. по 5 показателям, по которым имелись данные фактические, плановые по всем пяти вузам (см. табл. 1):

1. Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.;
2. Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.;
3. Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.;
4. Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.;

5. Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на 1 НПП, тыс. руб.

Результаты

Собранные в ходе проведенного исследования фактические и плановые показатели представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели программ развития образовательных организаций высшего образования РБ (план и факт)

№ п/п	Шифр показателя из системы мониторинга вузов (https://monitoring.miccedu.ru)	Наименование показателя	Факт, план	Значение показателей				Темп роста 2020 к 2017
				2017	2018	2019	2020	
Башкирский государственный университет								
1.	V.1.2	Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.	факт	8 678	8 371	8 082	8 321	0,96
			план	9 000	9 200	9 400	9 700	1,08
2.	V.48	Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.	факт	1 570	1 873	2 033	2 085	1,33
			план	2 100	2 150	2 200	2 250	1,07
3.	2.4.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.	факт	24	34,73	35,44	36,81	1,56
			план	17	18	19	20	1,18
4.	2.5.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.	факт	29,56	44,94	47,38	46,9	1,59
			план	25	26	27	30	1,20
5.	E2	Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на 1 НПП, тыс. руб.	факт	176,61	198,97	227,62	269,56	1,53
			план	180	185	190	195	1,08
Уфимский государственный нефтяной технический университет								
1.	V.1.2	Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.	факт	9 853	10 224	10 377	10 737	1,09
			план	9 700	9 800	9 900	10 300	1,06
2.	V.48	Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.	факт	2618,3	2924,9	3016,3	3134,7	1,20
			план	2700	2800	2900	3000	1,11
3.	2.4.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.	факт	17,49	28,25	19,95	20,32	1,16
			план	9	13	16	20	2,22
4.	2.5.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.	факт	24,12	36,8	37,49	56	2,32
			план	10	13	16	20	2,00
5.	E2	Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на 1 НПП, тыс. руб.	факт	275,08	368,31	367,29	269,78	0,98
			план	260	280	300	310	1,19

Уфимский государственный авиационный технический университет								
1.	V.1.2	Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.	факт	10 160	9 522	8 742	8 684	0,85
			план	10 390	10 800	11 600	12 100	1,16
2.	V.48	Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.	факт	2075,4	2258,6	2249,8	2256,3	1,09
			план	2107,4	2750	3300	4100	1,95
3.	2.4.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.	факт	37,58	18,1	21,02	19,66	0,52
			план	10	14	19	25	2,50
4.	2.5.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.	факт	56,15	32,81	43,49	46,5	0,83
			план	18	24	30	40	2,22
5.	E2	Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на 1 НПП, тыс. руб.	факт	240,08	264	334,73	314,11	1,31
			план	289,6	420	500	550	1,90
Башкирский государственный аграрный университет								
1.	V.1.2	Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.	факт	3 835	3 198	3 013	3 115	0,81
			план	4 800	4 600	4 400	4 200	0,88
2.	V.48	Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.	факт	874,3	955,5	941	935,8	1,07
			расчет из факта НПП и плана доходов на 1 НПП	план	835,8	739,6	721,6	693
3.	2.4.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.	факт	9,12	18,58	22,02	22,55	2,47
		Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science и Scopus на 100 НПП, ед.	план	200	300	300	400	2,00
4.	2.5.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.	факт	12,58	35,21	37,75	45,83	3,64
5.	E2	Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на 1 НПП, тыс. руб.	факт	126,49	155,75	210,99	237,25	1,88
			план	80	90	100	110	1,38
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы *								
1.	V.1.2	Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.	факт	4 431	4 164	4 201	4 251	0,96
			план	4 500	4 900	5 000	5 300	1,18
2.	V.48	Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.	факт	1070,6	1102,3	1149,5	1065,9	1,00
			план			1070	1100	

Окончание таблицы 1

3.	2.4.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.	факт	7,44	11,12	8,97	12,54	1,69
			план			13	14	
4.	2.5.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.	факт	8,72	16,42	13,99	16,73	1,92
			план			16	17	
5.	E2	Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на 1 НПП, тыс. руб.	факт	112,01	126,84	61,53	67,43	0,60
			план			120	130	

* в Стратегии развития БГПУ на 2016–2020 гг. на сайте <https://bspu.ru/files/9886> нет цифровых параметров на 2017–2019 гг. В таблице приведены данные из [10].

На основании параметров, заложенных в программы развития пяти исследуемых вузов, и фактических данных за 2017–2020 гг., можно сделать вывод об эффективности деятельности только одного из вузов – УГНТУ. По всем доступным для анализа данным (5 показателей по БашГУ, УГНТУ, УГАТУ, БГАУ и БГПУ) план выполнен только у УГНТУ (табл. 1, табл. 2).

Таблица 2

Результативность выполнения программ развития вузов Республики Башкортостан в 2017–2020 гг. (факт/план) **

Вуз	Год	Численность обучающихся по образовательным программам высшего образования по очной форме обучения, чел.	Совокупный объем доходов из всех источников, млн руб.	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, на 100 НПП, ед.*	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, на 100 НПП, ед.	Общий объем НИОКР в расчете на 1 НПП, тыс. руб.
БашГУ	2017	0,96	0,75	1,38	1,18	0,98
	2018	0,91	0,87	1,93	1,73	1,08
	2019	0,86	0,92	1,87	1,75	1,2
	2020	0,86	0,93	1,84	1,56	1,38
УГНТУ	2017	1,02	0,97	1,94	2,41	1,06
	2018	1,04	1,04	2,17	2,83	1,32
	2019	1,05	1,04	1,25	2,34	1,22
	2020	1,04	1,04	1,02	2,8	0,87
УГАТУ	2017	0,98	0,98	3,76	3,12	0,83
	2018	0,88	0,82	1,29	1,37	0,63
	2019	0,75	0,68	1,11	1,45	0,67
	2020	0,72	0,55	0,79	1,16	0,57
БГАУ	2017	0,8	1,05	0,11	-*	1,58
	2018	0,7	1,29	0,18	-*	1,73
	2019	0,68	1,3	0,2	-*	2,11
	2020	0,74	1,35	0,17	-*	2,16
БГПУ	2017	0,98				
	2018	0,85				
	2019	0,84	1,07	0,69	0,87	0,51
	2020	0,80	0,97	0,9	0,98	0,52

* Для БГАУ показатели по индексации в Web of Science и Scopus приведены в одной строке, исходя из плановых параметров программы развития вуза.

** Жирным шрифтом выделены показатели ниже плановых значений (коэффициент ниже 1,0).

Заслуживает внимания тот факт, что УГНТУ также был единственным вузом, который попал в группу исследовательских вузов по итогам анализа вузов в РФ еще в 2012 г. (он был на 36-й позиции из 38 российских вузов, отнесенных Я.И. Кузьминовым, Д.С. Семеновым и И.Д. Фруминым к исследовательским университетам России) [2].

По показателям результативности выполнения программ развития вузы можно ранжировать следующим образом (табл. 2): 1) УГНТУ, 2) БашГУ, 3) УГАТУ, 4) БГАУ, 5) БГПУ.

Практически все исследуемые вузы, кроме УГНТУ, столкнулись со сложностями в наборе студентов в 2017–2020 гг., что является главным фактором снижения общей величины доходов. Несмотря на это, научная деятельность и публикационная активность в большинстве вузов увеличивается, что говорит о значительном научном и кадровом потенциале вузов региона, а также о серьезных усилиях администраций вузов и самого преподавательского сообщества по подготовке публикаций в системах Web of Science и Scopus.

Заключение

Анализ темпов роста исследуемых показателей позволяет сделать вывод об эффективности научной деятельности (судя по росту объема НИОКР) и публикационной активности (судя по публикациям Web of Science и Scopus) БашГУ и БГАУ, а также о публикационной активности БГПУ. Говоря о развитии УГАТУ, судя по представленным показателям, нельзя сделать однозначный вывод об эффективности или неэффективности: с одной стороны наблюдаются потери в численности студентов и публикационной активности, с другой стороны – налицо рост доходов и рост объема НИОКР. С учетом падения численности ППС [12] в УГАТУ можно констатировать сокращение научного и кадрового потенциала этого вуза.

Таким образом, ряд вузов, сталкиваясь в условиях снижения численности студентов и, в итоге, падения финансирования своей деятельности, продолжают развивать научную деятельность, повышать количество публикаций в системах Web of Science и Scopus. Это может свидетельствовать о значимом научном и кадровом потенциале рассматриваемых вузов, который важно сохранить в период оптимизации и реорганизации.

Литература

1. Беляков Н.С., Беляков С.А. Обзор международного опыта оценки эффективности образования // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 1. С. 105–117.
2. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314336015/2013-4_Kuzminov.pdf
3. Постановление Правительства РФ от 17.07.2019 № 903 (ред. от 02.11.2021) «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329312/
4. Программа стратегического развития ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» на 2017–2021 годы (Уфа, 2017) [Электронный ресурс]. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/page_znakomstvo/files/programma_strategicheskogo_razvitiya_bashgu_na_2017-2021_gody_0.pdf
5. Программа развития ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» на 2021–2030 годы (Уфа, 2021) [Электронный ресурс]. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/upload/1/files/programmarazvitiya_bashgu.pdf
6. Программа развития опорного университета ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» [Электронный ресурс]. URL: https://rusoil.net/files/УНИВЕРСИТЕТ/Starateg_develop/Программа%20развития%20УГНТУ_2017.pdf

7. Программа развития ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» на 2021–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://rusoil.net/files/2020-12/Programma-2021-2030.pdf>
8. Программа развития УГАТУ на 2017–2021 гг. (Уфа, 2017) [Электронный ресурс]. URL: https://ugatu.su/media/eduInfo/Prikaz_Ob-objavl-Programm-razvitija-UGATU_N1072-O_16.06.2017.pdf
9. Программа развития ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет» на период до 2025 г. (Уфа, 2017) [Электронный ресурс]. URL: https://www.bsau.ru/doc/Program_razv_vuza_do_2025.pdf
10. Программа развития ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» на 2019–2023 (Уфа, 2019) [Электронный ресурс]. URL: http://bspu.ru/data/rector/Program_Kudinov.pdf
11. Проект программы стратегического развития университета на период 2021–2030 гг. «Приоритет–2030» [Электронный ресурс]. URL: <https://rusoil.net/page/prioritet-2030>
12. Столь А.В. Сравнительная оценка деятельности ведущих университетов Республики Башкортостан. // Сб. статей междунар. науч.-практич. конф. «Акселерация инноваций – институты и технологии / Под ред. А.Н. Дегтярева, А.Р. Кузнецовой. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2021. С. 122–129.
13. Тишутина О.И., Михайлов А.В. Бюджетные расходы: вопросы эффективности, результативности и разработка системы показателей оценки // Проблемы современной экономики. 2012. № 4. С. 194–198.
14. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/
15. Характеристика системы высшего образования Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2021/_vpo/material.php?type=2&id=10806
16. Центр фискальной политики. К вопросу об эффективности и результативности бюджетных расходов [Электронный ресурс]. URL: <http://fpcenter.ru/news/k-voprosu-ob-effektivnosti-i-rezultativnosti-byudzhethnyh-rashodov>
17. Цуркан М.В., Викторенков В.В. Разграничение понятий «результативность» и «эффективность» в контексте реализации проектного подхода в публичном управлении // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 1. С. 3–8.
18. Шмиголь Н.С. Современные подходы к оценке результативности государственных расходов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 45. С. 15–22.

Формирование образовательных экосистем в цифровой среде

Formation of Educational Ecosystems in the Digital Environment

О. СИДОРОВА, З. САБИРОВА

Сидорова Ольга Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: sidorova_o@yahoo.com

Сабирова Земфира Эмильевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ. E-mail: Zemfira-2601@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования экосистем в сфере образования, включая особенности их развития в условиях цифровизации, а также определение возможных точек роста цифровых экосистем в образовании. Задачи, раскрывающие названные направления, включают: рассмотрение терминологического аппарата экосистем в сфере образования; определение разницы между классическими системами образования и образовательными экосистемами; раскрытие специфики функционирования российских образовательных экосистем в условиях цифровизации.

Ключевые слова: образовательные услуги, экосистема, цифровая среда, трансформация системы образования, online-платформы.

The article deals with the formation of ecosystems in the field of education, including the features of their development in the context of digitalization, as well as the identification of possible growth points for digital ecosystems in education. The tasks that reveal these areas include: consideration of the terminological apparatus of ecosystems in the field of education; determining the difference between classical education systems and educational ecosystems; disclosure of the specifics of the functioning of Russian educational ecosystems in the context of digitalization.

Key words: educational services, ecosystem, digital environment, transformation of the education system, online platforms.

Основные положения

1. Выделены ключевые предпосылки трансформации системы образования в цифровой среде.
2. Дано понятие экосистемного подхода в образовании, включая элементы самой экосистемы обучения.
3. Рассмотрены кейсы зарубежных и отечественных экосистем в сфере образования.
4. Раскрыты особенности развития образовательных экосистем в России в условиях цифровизации.
5. Определены ключевые проблемы развития образовательных экосистем в РФ, включая стремительный рост темпов обновления информации и цифровизации учебного процесса, трансформацию рынков труда, «отмирание» ряда профессий и демографические сдвиги, глобальные трансформации.

Введение

Трансформация системы образования в соответствии с современными вызовами неизбежна, а технологии, являющиеся сегодня драйверами масштабных социально-экономических преобразований в обществе, обладают огромным потенциалом использования на разных ступенях учебного процесса.

Классическая система массового образования сложилась в индустриальную эру. Но с началом эпохи цифровизации большинство отраслей экономики уже не так остро нуждаются в профессионалах, выпускаемых учебными заведениями в рамках системы традиционного образования.

Само понятие «экосистемы» появилось в исследованиях о развитии образования в начале XXI века, однако до сих пор не выработано его общее определение. Часто термин «экосистема»

в сфере образования применяется с целью обозначения некой совокупности образовательных технологических решений (например, использование образовательных платформ) являющихся доступными для образовательных учреждений и индивидуальных обучающихся [1; 2].

Необходимо отметить, что само понятие «экосистемного подхода» в сфере образования сегодня окончательно не сформировано, терминология в данной области только начинает складываться – в том числе из опыта самих компаний-разработчиков таких систем.

Одно из наиболее полных определений данного понятия в нашей стране дано научным руководителем холдинга LANIT Education А.М. Конадковым. Он определил образовательную экосистему как «интегративную среду взаимодействия на базе обмена данными между участниками образовательных отношений с использованием различного адаптивного и вариативного образовательного контента, инновационных продуктов, технологий и иных элементов экосистемы, обеспечивающих личную безопасность, реализацию требований федеральных государственных образовательных стандартов, формирование навыков XXI века, личностную, социальную и профессиональную самореализацию человека в условиях сетевого общества» [6].

В контексте данной статьи под экосистемами в сфере образования понимаются взаимосвязанные образовательные пространства, которые объединяют как институциональных, так и индивидуальных участников (провайдеров образования), оперирующих различными образовательными ресурсами для индивидуального и коллективного обучения.

Методология

В качестве методов исследования авторы использовали анализ кейсов зарубежных и отечественных экосистем в сфере образования; метод аналогии биологических (природных) экосистем с Learning Ecosystems в образовании, где все участники взаимодействуют как между собой, так и с составными элементами самой экосистемы обучения (аналог биотопа), а участники образовательного процесса обмениваются информацией, по аналогии с энергетическим обменом в природных экосистемах. Логико-исторический анализ как метод исследования позволил проследить изменение соотношения теории и практики в современном образовательном процессе.

Формирование образовательных экосистем в цифровой среде

Образовательные экосистемы в наши дни функционируют во многих странах, включая Россию. Сегодня они, как правило, не очень масштабны, но это только начало.

В настоящее время экосистемы создаются в цифровой среде посредством возможностей образовательных online-платформ (например, с использованием глобальной экосистемы платформ Open edX) и сетями университетов (например, Laureate International Universities). В США реализуется проект LRNG, который предоставляет участникам разных возрастных групп доступ к образовательным программам для построения карьеры. Данный доступ осуществляется посредством online-платформы и мобильного приложения, где размещаются online-курсы. Провайдеры образовательных курсов представлены национальными и местными работодателями, университетами, библиотечными сетями. Обучающиеся объединяются на платформе в группы самостоятельно. Часть программ являются бесплатными, часть доступны за небольшую оплату.

В Великобритании примером такого проекта является Cities of Learning Королевского общества искусств, производителей и торговцев (RSA).

Проект Global Change Leaders Collaborative, в числе сооснователей которого и компания Global Education Futures, реализуется с целью создания и распространения в разных странах образовательных экосистем для обучения нового поколения.

Примеры экосистемного подхода как в секторе традиционного, так и неформального образования, есть и в России. Среди отечественных образовательных экосистем выделим развитие региональной образовательной экосистемы Республики (Саха) Якутии, на базе которой планируется создание «Парка будущих поколений». Проект является государственной инициативой,

что, на первый взгляд, противоречит базовому принципу управления экосистемами, который подразумевает распределённый, а не централизованный управленческий подход. Однако государство тоже может быть катализатором экосистем при условии организации взаимодействия независимых участников. В рамках проекта задействованы двадцать команд из разных уголков Якутии, которые разрабатывают образовательные программы по направлению креативной экономики. На первый взгляд, данный процесс похож на стартап-акселератор. Однако в этом проекте формируется сообщество участников, представленных разными территориально-административными единицами региона, разделяющими видение общего образа будущего и выстраивающими долгосрочные тренды развития обучающихся посредством этих программ. По сути, это прообраз экосистемного взаимодействия с вовлечением нескольких команд школ, колледжей и учреждений дополнительного образования.

К инициативам в сфере дополнительного и альтернативного образования, относится образовательный проект для взрослых «Трава», реализуемый в Санкт-Петербурге. Он базируется на принципах горизонтального сообщества, ориентированных на решение вопросов локального значения и изучение города. При этом участники проекта соотносят свою деятельность с глобальными трендами.

Особенности развития образовательных экосистем в России в условиях цифровизации

Так как процесс цифровизации является противоречивым и встречает ряд институциональных, технических и методических препятствий, цифровые образовательные разрывы на данном этапе социально-экономического развития страны неизбежны [3; 4]. Очевидно, что отечественная образовательная система не может перейти на экосистемное цифровое образование одномоментно.

Рассмотрим далее примеры коммерческих экосистемных образовательных продуктов в цифровой среде, разрабатываемые отечественными компаниями:

1) Mail.ru Group. Среди образовательных проектов, входящих в Mail.ru Group, отметим:

- детское образование (Алгоритмика, Тетрика, Учи.ру);
- дополнительное профессиональное образование (Skillbox – крупнейший игрок на отечественных рынках Edtech и ДПО (размер выручки в 2020 году составил около 4,5 млрд рублей, что превышает, например, сегодняшний бюджет ряда столичных вузов)), Skillfactory и Geekbrains.

Mail.ru Group участвует в совместных образовательных проектах с десятью российскими вузами, а также оказывает поддержку в развитии крупнейших российских образовательных онлайн-платформ.

Необходимо отметить, что Mail.ru Group является компанией, не только реализующей проекты в сфере образования, но и инвестирующей в данное направление. Компания впервые обнародовала данные об инвестициях в образовательные проекты – в стартапы в сфере образования было вложено более \$100 млн (около 7,3 млрд руб.), начиная с 2016 г. К 2023 г. компания планирует нарастить охват пользователей своих образовательных программ до 10 млн человек. (Mail.ru, 2020) [4].

2) Яндекс. Объединяет следующие образовательные продукты:

- школьное образование (Я.Репетитор, Я.Уроки, Я.Учебник, Я.Учитель, Я.Школа и Я.Лицей – единственный off-line формат, реализуемый более чем в 160 городах России и Казахстана);
- дополнительное профессиональное образование (Я.Практикум);
- образование для взрослых и не только (Школа анализа данных, Школа менеджеров);
- английский язык (Я.Flow).

Большая часть перечисленных продуктов являются самодостаточными, поэтому в данном случае сложно говорить об экосистемизации продуктовой образовательной линейки в общепринятом понимании.

3) ПАО «Сбербанк». Сбербанк начал реализацию образовательных проектов с отечественного рынка классического образования, включая:

- «Школу 21» – проект, являющийся образовательной инициативой Сбербанка. Базируется на использовании методики «школы будущего», которая с 2013 года применяется инновационной французской школой программирования Ecole 42. «Школа 21» нацелена на подготовку специалистов международного класса в области IT-технологий по уникальным образовательным методикам, в которых исключено присутствие учителей, отсутствуют лекционные занятия и оценки. Обучение базируется на использовании метода peer-to-peer, подразумевающего равноправие участников. Получение образования в «Школе 21» бесплатно;

- школьную цифровую платформу, объединившую софт и контент для школ с уникальной программой. То, что данный подход понятен не всем преподавателям, является в основном вопросом времени;

- корпоративный университет Сбера, обучающий в течение года сотни тысяч специалистов и активно реализующий свои учебные курсы на открытых рынках.

Стоит также отметить, что с приобретением портала Rabota.ru Сбербанк получил возможность реализовывать полный образовательный цикл, начиная с обучения детей, далее подростков, затем студентов, повышая в дальнейшем их квалификацию и трудоустраивая.

4) Skyeng. Компания развивает платформенный экосистемный подход.

В 2020 году для запуска школьного образовательного проекта в пандемию компании понадобилось две недели. Обладая активной базой в 150 тысяч обучающихся, Skyeng имеет возможность перенаправлять трафик, существенно снижая стоимость привлечения новых пользователей (CAC).

В 2021 году компания Skyeng открыла базовую кафедру совместно с Институтом образования ГУ ВШЭ, объединив исследователей Инобра и специалистов-практиков крупнейшей онлайн-школы России. Исследовательское направление деятельности кафедры посвящено изучению вовлеченности и мотивации обучающихся в online, развитию новых подходов преподавания в условиях цифровизации. Помимо образовательных курсов по математике и английскому языку, компания Skyeng предлагает обучение и по другим дисциплинам школьной программы. Рабочие тетради Skysmart (вместе с издательским домом «Просвещение») в 2020 году обеспечили компании прирост в 2 млн активных пользователей и более 100 тыс. преподавателей. Компания планирует расширение линейки детских учебных программ, и создание новых продуктов для других сегментов образовательного рынка.

5) МТС. Компания давно присутствует на рынке и школьного, и профессионального образования. Корпоративный университет МТС награжден международной премией GlobalCCU Awards (второе место в номинации Best Innovative Corporate University).

Авторы образовательных программ сами разрабатывают online-курсы, как это делается на платформах Coursera или Udacity, используя и систему управления обучением (Learning Management System), и контент, созданный пользователями (User Generated Content).

6) Нетология групп.

Нетология групп объединяет образовательные проекты:

- детского образования («Фоксфорд», в рамках которого функционирует школа государственного образца с полностью дистанционным образованием);

- дополнительного профессионального образования (Нетология и EdMarket);

- on-line школу английского языка Wordika.

Заключение и направления дальнейших исследований

Сегодня даже самым передовым вузам не под силу самостоятельно реагировать на все вызовы, возникающие перед системой образования. Выделим ключевые проблемы данной сферы:

– **стремительный рост темпов обновления информации.** Классическая система образования в ряде случаев базируется на уже устаревших стандартах, так как их изменение

представляет собой длительный бюрократический процесс. А когда образовательная система существует изолированно от индустрии, она не успевает должным образом реагировать на инновации. Навыки, на обучение которым в настоящее время ориентируется большинство классических образовательных программ, стремительно теряют актуальность. Следовательно, образование должно быть нацелено, в первую очередь, на обучение метанавыкам, которые впоследствии обеспечат возможность приобретения необходимых узкопрофессиональных навыков. Последние, в свою очередь, должны коррелировать с умениями, необходимыми для профессиональной деятельности специалистов в ближайшей перспективе. Поэтому сфере образования необходимо тесно взаимодействовать с индустриями потенциальной занятости будущих выпускников;

– **рост темпов цифровизации учебного процесса.** Классическая учебная среда и традиционная организация учебного процесса постепенно утрачивают свою актуальность. Зачастую преподаватель (учитель) для обучаемого уже не является основным источником информации. Поскольку информация сегодня доступна в большом количестве источников, роль преподавателя в образовательном процессе тоже должна измениться;

– **трансформация рынка труда.** Вследствие роботизации основных производственных процессов и автоматизации существенной доли тяжелого труда, всё более востребованными становятся профессиональные умения, недоступные сегодня машинным системам: креативность, эмоциональный интеллект, умение работать в команде и т.п. Востребованность профессиональных сфер занятости также связывают с человеко-ориентированными сервисами и навыками. Однако в большинстве случаев традиционные образовательные программы на это не нацелены. Как правило, они концентрируются на формировании *hard skills* («твердых навыков») в узкопрофессиональных сегментах;

– **«отмирание» ряда профессий и демографические сдвиги.** Относительно недавно считалось, что профессиональное образование получают только в молодости. Появление концепции *life long learning* привело к тому, что сегодня в одной группе обучающихся могут оказаться лица разных возрастных категорий. А одинаковые образовательные стандарты неприемлемы в отношении людей с разным запасом опыта, знаний и отличных по возрастным характеристикам. Следовательно, необходимо выстраивание гибких персонифицированных подходов в образовании, а также реализация новых методов организации процесса обучения, включая переход к цифровым платформенным решениям и образовательным возможностям на основе сетей, и новые управленческие подходы вместо централизованной системы регулирования в сфере образования;

– **глобальные трансформации.** Ряд проблем глобального развития (например, существование потенциально опасных технологий, экологические кризисы, непрогнозируемые эффекты модификации классических социальных институтов вследствие цифровизации и т.п.) можно решить только совместными усилиями, для которых необходимы развитые навыки взаимодействия. Однако современная система традиционного образования нацелена в большей степени на индивидуальные успехи: хорошими обучающимися становятся те, у кого высокие оценки и/или призовые конкурсные места. По сути, такой подход способствует развитию конкуренции, а не взаимодействия.

Даже если классические университеты сегодня не готовы ещё стать платформами для независимой кооперации разных участников образовательного рынка, они не могут игнорировать вызовы современной реальности.

Литература

1. Образование для сложного общества. Доклад Global Education Futures / Пер. с англ.: Agency for International Cooperation. Под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://vbudushee.ru/upload/documents/obr_sloj_obsh.pdf

2. Свердлов М. Анализ рынка образовательных экосистем в России: как это работает? [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/education/198737-analiz-rynka-obrazovatelnyh-ekosistem-v-rossii-kak-eto-rabotaet>

3. Сидорова О.В. Цифровые финансовые активы в современной экономике // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 11–14. DOI: 10.34773/EU.2021.3.2

4. Mail.ru Group допустила IPO своих образовательных программ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2020/12/10/850414-mailru-group-dopustila-ipo-svoih-obrazovatelnih-proektov>

5. Kondakov A.M., Kostyleva A.A. Digital education: from school for all to school for each // RUDN Journal of Informatization in Education. 2019. № 16(4). Pp. 295–307. DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-4-295-307

6. Romanova N.V., Sabirova Z.E., Sidorova O.V. Digitalization of higher education in the context of information inequality // Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2020. P. 012099. DOI: 10.1088/1742-6596/1691/1/012099

DOI: [10.34773/EU.2022.4.28](https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.28)

Возможности и преимущества построения цифровой экосистемы университета

Possibilities and Advantages of Building a Digital Ecosystem of the University

В. ЗОЛотова

Золотова Вера Дмитриевна, аспирант Государственного университета управления.

E-mail: vd_zolotova@mail.ru

В статье определяется понятие цифровой экосистемы университета, анализируются возможности и преимущества, которые дает ее развитие. Система высшего образования постоянно сталкивается с новыми вызовами и решениями. Образовательные учреждения становятся самостоятельными игроками на рынке образовательных услуг, сталкиваясь с необходимостью применять новые методы борьбы не только за процветание и развитие, но и за выживание. Одной из перспективных форм существования университетов становится построение цифровой экосистемы, весьма популярной уже в бизнесе и финансовой сфере. Однако важно понимать, что система высшего образования имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при перенимании опыта построения цифровых экосистем.

Ключевые слова: цифровая экосистема университета, цифровизация, высшее образование, сотрудничество, цифровая среда, информационные технологии.

The article defines the concept of the digital ecosystem of the university, analyzes the opportunities and advantages that its development provides. The higher education system is constantly facing new challenges and solutions. Educational institutions are becoming independent players in the market of educational services, faced with the need to apply new methods of struggle not only for prosperity and development, but also for survival. One of the promising forms of existence of universities is the construction of a digital ecosystem, which is already very popular in business and finance. However, it is important to understand that the higher education system has its own characteristics that must be taken into account when adopting the experience of building digital ecosystems.

Key words: university digital ecosystem, digitalization, higher education, partnership, digital environment, information technology.

Основные положения

1. Конкуренция на рынке образовательных услуг подталкивает университеты к формированию конкурентных преимуществ, которые невозможны без цифровизации и сотрудничества;
2. Формирование цифровой экосистемы является новым этапом развития университетов, позволяющим выстроить взаимовыгодные партнерские отношения с субъектами как образовательной сферы, так и других сфер;
3. За счет единой информационной среды цифровая экосистема университета способна осуществлять сбор и анализ данных обо всех ее участниках, обеспечивая их лояльность к этой экосистеме;
4. Сотрудничество в рамках цифровой экосистемы позволяет ее субъектам избавляться от транзакционных и иных издержек, при этом оказывается выгодным для всех.

Введение

В настоящее время происходит трансформация модели университета, которая выходит за рамки образовательного учреждения, в связи с чем расширяется объем функций и задач, выполняемых им. На смену организации, основной целью деятельности которой является передача знаний и подготовка высококвалифицированных кадров, приходит современный университет, как интегратор образовательной, научной, государственной, предпринимательской и производственной деятельности с непосредственным применением достижений цифровых технологий.

Университет становится активным участником конкурентного рынка образовательных, консалтинговых и экспертных услуг, осуществляя не только образовательную, но и научно-исследовательскую, и опытно-конструкторскую деятельность. Тем самым увеличивается количество статей доходов университета, а также их объемы в целом.

Происходит усиление конкуренции между образовательными учреждениями в сфере привлечения обучающихся, найма высококвалифицированных сотрудников, выполнения научных и консалтинговых работ, а также взаимодействия со структурами бизнеса и государства [4].

Применение цифровых систем позволяет университету ускорять как внутренние, так и внешние процессы, сокращать издержки при осуществлении взаимодействия с клиентами, партнерами и службами. Процессы цифровизации уже длительное время происходят во всех образовательных учреждениях, охватывая те или иные сферы деятельности вузов. Важно, чтобы это развитие осуществлялось обдуманно, комплексно, при грамотном встраивании в иные процессы. При современном компетентном подходе к объединению всех направлений деятельности университет способен сформировать цифровую экосистему, как новую парадигму существования вуза. В связи с этим важно понять, что из себя представляет и какие возможности открывает цифровая экосистема университета.

Методы

В исследовании осуществлен анализ цифровой экосистемы университета, формализовано понятие данного термина, а также обобщены различные взгляды на возможности построения цифровой экосистемы университета. Исследование опирается на материалы об опыте цифровизации деятельности университетов в современных реалиях.

Результаты

Определение термина «цифровая экосистема университета» не утверждено ни научно, ни законодательно. Более того, существуют различные подходы к его определению. Однако в целом можно сформулировать максимально полное общее определение данного понятия. Цифровая экосистема университета представляет собой гибкую цифровую среду продуктов, услуг, сервисов и бизнес-процессов, а также взаимодействия субъектов, основанную на взаимовыгодных отношениях и существующую как единое целое.

В отличие от концепции цифрового университета, охватывающей прежде всего цифровизацию образовательной сферы [2], цифровая экосистема университета направлена на выгодное

взаимодействие субъектов из разных направлений и областей, объединенных единой цифровой платформой и направленных на удовлетворение интересов клиента – потребителя образовательных услуг. Структура цифровой экосистемы университета представлена на рисунке.

Структура цифровой экосистемы университета

Владение полной информацией о клиенте, и более того, о его потребностях, дает возможность предлагать ему те продукты и услуги, в которых он действительно заинтересован. Удобство взаимодействия с сервисами экосистемы формирует лояльность клиента, которая приводит не только к его повторному обращению к ней, но и стимулирует к тому, чтобы рекомендовать ее своим знакомым.

Создание экосистемы позволяет университету покрывать все запросы потребителя образовательных услуг не только своими силами, но и прибегать к сотрудничеству с партнерами. Это позволяет университету сэкономить свои ресурсы, а зачастую даже извлекать выгоду, как, например, дополнительное финансирование, обеспечение практик, стажировок, дальнейшего трудоустройства студентов и т.д.

Экосистема создается и развивается с целью получения конкурентных преимуществ на рынке оказываемых услуг и предлагаемых продуктов. В сфере высшего образования идет борьба за клиента путем обеспечения для него максимального удобства и комфорта. В перспективе лояльность потребителя образовательных услуг подразумевает его дальнейшее обращение к этой экосистеме за дополнительными услугами, а также эффективное сотрудничество с ней уже в качестве партнера.

Взаимовыгодные отношения участников экосистемы – основа ее развития. Партнерство в сфере образования, науки, государства и бизнеса позволяет комплексно решать задачи каждого участника экосистемы, а цифровизация позволяет обеспечить виртуальное сотрудничество, что ускоряет бизнес-процессы принятия решений и внедрения инноваций [5, 16].

Цифровую экосистему отличает результат ее функционирования, а именно предоставление цифровых продуктов и услуг. Цифровая трансформация университетов в условиях пандемии уже привела к тому, что университеты стали оказывать образовательные услуги дистанционно, доработали сайты и социальные сети, обеспечили работу современным программным обеспечением, а также создали мобильные приложения.

Важно, чтобы все структуры университета работали комплексно, закрывая все потребности деятельности образовательного учреждения. Цифровая экосистема способна обеспечить

качественное осуществление коммуникационных процессов, что позволяет избавиться от трансакционных издержек.

Обсуждение

Одним из форматов партнерства в экосистеме может являться сотрудничество образовательных учреждений между собой. Так, например, небольшие университеты, осуществляющие подготовку кадров по определенным направлениям, порой не способны самостоятельно удовлетворить современные запросы на междисциплинарное обучение, охватить сразу несколько областей знаний, либо же издержки по найму профессорско-преподавательского состава по новому направлению слишком высоки. На помощь гуманитарному университету в приобретении компетенций в сфере IT-технологий приходят технические вузы.

Оптимальным решением в таком случае становится кооперация университетов между собой с созданием образовательных программ двойного диплома. При том цифровая платформа дает возможность проходить часть обучения дистанционно без необходимости посещать второй университет лично.

Это особенно выгодно региональным университетам, испытывающим трудности с привлечением большого числа абитуриентов, однако благодаря наличию высококвалифицированных педагогов в конкретной области, способных объединиться с другими образовательными учреждениями.

Кроме того, создание цифровой экосистемы делает более доступным международное сотрудничество университетов, как в оказании образовательных услуг, так и в обмене опытом, создании единого научного сообщества. Ярким примером может служить создание Сетевого университета ЕАЭС [1], основой которого станет цифровое обучение.

За пределами образовательной сферы цифровая экосистема охватывает взаимоотношения образования и бизнеса. Подготовка высококвалифицированных кадров по запросу бизнеса уже длительное время осуществляется посредством реализации образовательных программ высшего образования, а также программ дополнительного профессионального образования.

Однако с момента возникновения потребности в кадрах, осуществления запроса на их подготовку до получения кадрами необходимых компетенций и навыков необходимо большое количество времени, а в связи с этим – и издержек. Цифровая экосистема решает эту проблему благодаря единой платформе, связывающей представителей бизнеса и образовательной сферы, где по запросу университет, имеющий достаточный задел для подготовки необходимых кадров, практически сразу готов реализовывать новую программу.

Взаимодействие университетов и государства позволяет первым получать дополнительную поддержку в виде финансирования, социальной помощи, содействия в трудоустройстве и прохождении практики, а вторым – обеспечить выполнение научных исследований и разработок в интересах органов государственной власти и подготовку высококвалифицированных кадров для развития страны.

Участники цифровой экосистемы университета предлагают уникальные продукты и услуги, приводящие к возникновению лояльности клиента. Издержки перехода к другой экосистеме становятся слишком высоки, либо же удобство и комфорт в этой экосистеме заставляют пользователя оставаться в этой экосистеме.

Так, например, оказываясь в определенной цифровой экосистеме университета, студент получает не только образовательную, но и карьерную, и сопутствующую траектории развития. После окончания бакалавриата в университете с развитой цифровой экосистемой у человека нет необходимости менять университет и искать, где проходить обучение дальше. Благодаря анализу данных о клиенте с момента поступления и в процессе всего обучения, экосистема способна предложить наиболее подходящие условия продолжения обучения, включая курсы повышения квалификации и переподготовки, а в дальнейшем – вывести студента на работодателя в соответствии с потребностями и одной, и другой стороны.

Более того: даже окончив обучение, клиент остается частью данной экосистемы как выпускник университета, что выгодно всем ее участникам (как уже говорилось выше, основа

построения экосистемы – взаимовыгодные отношения). Так, выпускник всегда может получить дополнительные навыки и компетенции благодаря обучению в своем университете, а университет получает нового партнёра, который может выступать как консультант, спикер, организатор практик студентов, заказчик и исполнитель научных исследований, и даже инвестор.

Заключение

По результатам работы нужно отметить следующее:

1. В современных реалиях университет становится связующим звеном между образованием, наукой, технологиями, бизнесом и государством, аккумулируя все ресурсы в единое целое.
2. Цифровая экосистема университета развивается, следуя тенденции клиентоориентированности. Получая данные о клиенте, она способна формировать индивидуальную траекторию его развития, удовлетворяя все его потребности.
3. Партнерские отношения участников цифровой экосистемы обеспечивают снижение издержек и получение выгоды каждой стороной.
4. Предоставление цифровых продуктов и услуг – основа осуществления деятельности субъектов цифровой экосистемы.
5. Формирование цифровой экосистемы университета является важным элементом на пути развития и трансформации, обеспечивая его конкурентоспособность не только на рынке образовательных услуг, но и за его пределами.

Литература

1. Ведущие вузы стран ЕАЭС договорились о создании Евразийского сетевого университета. – Информационное агентство АК&М, 31.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akm.ru/press/vedushchie_vuzy_stran_eaes_dogovorilis_o_sozdanii_evraziyskogo_setevo_go_universiteta/
2. Золотова В.Д. Роль цифровых университетов в совершенствовании экономического образования // Экономика XXI века: сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации. Новосибирск, 23 октября 2020 года. Новосибирск, 2020. С. 471–474.
3. Новиков С.В. Структура, основные драйверы и тенденции развития инновационной экосистемы современного университета // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2. С. 41–49.
4. Прохоров А.В. Современный университет в условиях глобальной конкуренции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 3. С. 45–49.
5. Экосистемы в цифровой экономике: драйверы устойчивого развития: монография / А. А. Алетдинова [и др.] / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. 778 с.

Издание входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (eLIBRARY.RU).

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

РИНЦ

Научным статьям присваивается цифровой идентификатор **DOI** международной системы библиографических ссылок DataCite.

.....
Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (издатель), Башкирский государственный университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет (издательство), Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Адрес издателя (БАГСУ):

450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40.
Тел. (347) 272-10-77. E-mail: bagsu@bagsurb.ru

Адрес редакции:

450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, к. 402.
Тел. (347) 273-87-32. E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<https://ekam-journal.com>
<http://www.inefb.ru/econuprav-ufa>

Адрес типографии (УНПЦ «Издательство Уфимского государственного нефтяного технического университета»):
450064, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1.
Тел. (347) 243-19-73. E-mail: polegaln@mail.ru

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18. Тираж 300 экз. Свободная цена.
Заказ № 109. Подписано в печать 12.08.2022 (выход в свет – 26.08.2022).

ПРАВИЛА

направления статей для опубликования в издании «Экономика и управление: научно-практический журнал»

1. Статья, представляемая в редакцию, должна быть оформлена согласно настоящим правилам и соответствовать профилю журнала. В сведениях об авторах (Information about authors) указываются фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание (если есть), место работы и занимаемая должность, город и страна, электронный адрес.

2. Статья объемом от 7 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, кегль 14, интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см, поля — 2 см со всех сторон), набранная в Word, направляется на адрес редакции: ekonomprav@ufanet.ru. Страницы нумеруются. Таблицы и графические изображения (рисунки, схемы) даются в черно-белом варианте. Формулы, рисунки и таблицы должны быть доступны для внесения в них (при необходимости) корректив.

3. **Заголовок** статьи (Title) должен содержать не более 10 слов.

4. **Аннотация** (Abstract) содержит до 100 слов, но не более 12 строк. Включает актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

5. **Ключевые слова** (Keywords) — это 8–10 слов или устойчивых словосочетаний, по которым будет в дальнейшем выполняться поиск статьи. Отражают специфику темы, объект и результаты исследования.

Заголовок, аннотация и ключевые слова представляются на русском и английском языках.

6. **Основные положения** (Highlights) содержат 3–5 пунктов, кратко отражающих ключевые результаты исследования.

7. **Текст статьи** должен содержать следующие разделы:

- Введение (Introduction). Включает: актуальность темы исследования, обзор литературы по теме, постановку проблемы, формулировку цели и задач исследования;
- Методы (Materials and Methods). Детально описываются методы и схема экспериментов/наблюдений с тем, чтобы позволить другим учёным воспроизвести результаты, пользуясь лишь текстом статьи;
- Результаты (Results). Демонстрируются фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки);
- Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования (соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложения по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований)
- Заключение (Conclusion) Содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

8. **Благодарности** (Acknowledgments). В них автор выражает признательность коллегам за помощь и (или) благодарность за финансовую поддержку исследования. Размещаются в конце статьи перед списком источников (литературы).

9. **Список литературы** (References) включает только источники, использованные при подготовке статьи, отмеченные в «теле» статьи. Оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские, затем — иностранные). Источники нумеруются, ссылки на них приводятся в тексте статьи в квадратных скобках. При включении в список электронного ресурса необходимо указать его название. В списке литературы доля работ автора не должна превышать 30 %.

10. **Оригинальность** представляемого материала (исключая список литературы) должна составлять не менее 80 %.

11. К статье прилагается небольшая рецензия из вуза, научного учреждения (с подписью и печатью).

12. Не публикуются отдельные статьи студентов бакалавриата и магистратуры.

Статьи аспирантов без научного руководителя публикуются бесплатно.

Подробнее смотрите здесь:

<https://ekam-journal.com/index.php/ru/pravila-dlya-avtorov>

Регистрационный номер и дата принятия решения: серия ПИ № ФС77-73135 от 22 июня 2018 г.

В запись о регистрации СМИ изменения внесены Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Онлайн-подписка на журнал (индекс — Е11487) на сайте «Пресса по подписке» на 2022 год:

https://www.ake.ru/itm/y_ekonomika-i-upravlenie-nauc_hno-praktic_heskiy-z_hurnal/#

ISSN 2072-8697

9 772072 869021 >